

Министерство образования Российской Федерации
Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А.М.Горького

Блажес В.В.

Фольклор Урала:
Народная история о Ермаке

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2002

Ш23

~~Ш23 (236) + Ш24 (236)~~

✓ Б 683

БЛАЖЕС В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследование и тексты)

Настоящий сборник является 13-м выпуском серии «Фольклор Урала». Он содержит исследование народной истории о Ермаке и подборку ермаковских преданий, бытующих как на горнозаводском, так и на южном Урале и в Зауралье.

Сборник адресован студентам, изучающим фольклор, а также специалистам и всем любителям народного творчества.

Редакционная коллегия: доктор филологических наук, профессор Блажес В.В., кандидаты филологических наук, доценты Соболева Л.С., Якунцева Т.Н. (отв. ред.).

1844967

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Ф 4604000000-246
182(02)-02

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

ISBN 5-7525-1013-9

Ермак Тимофеевич - удивительная личность. Он сыграл выдающуюся историческую роль и как вольнолюбивый протестант, боровшийся с крепостничеством, и как смелый землепроходец, включившийся в многовековую борьбу русских с татаро-монголами и вошедший в историю как победитель татарского хана Кучума, как покоритель Сибири. Поход Ермака положил начало присоединению Сибири к России и имеет исключительное значение в истории русского народа. Поэтому Ермак стал героем многих произведений устного народного творчества: он, единственный из реальных деятелей XVI века, вошел в героический эпос как младший богатырь, в исторических песнях он - предводитель вольных казаков, в преданиях - типичный благородный разбойник - этот ряд ипостасей образа можно было бы продолжить.

Кроме общерусского поэтического материала о Ермаке, известен и областной, который также представляет для фольклористики существенный идейно-художественный интерес. Именно этот материал будет рассмотрен в нашей работе. Мы взяли для изучения несказочную прозу о Ермаке, которая, возникнув в конце XVI века в Урало-Сибирском крае, бытовала в последующие столетия в Приуралье, на Среднем и Южном Урале, в Зауралье в среде русского населения. Сибирские предания, как русские, так и татарские, привлекаются лишь для сопоставлений.

Наша тема пока не разработана в должной мере. В XIX веке она осталась вне внимания исследователей. Правда, А. Оксенов, один из первых исследователей ермаковского фольклора, собирался написать статью о преданиях. "Предметом дальнейшего нашего исследования будут предания о Ермаке", - сообщал он, заканчивая свою работу, посвященную ермаковским песням¹. Однако все библиографические источники молчат об обещанной работе А. Оксенова. В XX веке появилось несколько статей. Это вступительные статьи В.П. Крутляшовой к разделу ермаковских преданий в сборниках "Предания реки Чусовой", "Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка" и "Ермак Тимофеевич - славный сын Земли Русской"² - здесь охарактеризованы тематические группы чусовских преданий и преданий, записанных в поселке Висим, отмечены источники и факты, сыгравшие определенную роль в формировании

¹ А. Оксенов. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа // Сибирский сборник. М., 1886, ч. II, с. 61.

² В.П. Крутляшова. О Ермаке // Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961, с. 34-39; В.П. Крутляшова. Народное поэтическое творчество Висима // Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1967, с. 20-24; Ермак Тимофеевич - славный сын Земли Русской (сост. и примеч. В.П. Крутляшовой). Свердловск, 1989. См. также: В.П. Крутляшова. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Учебное пособие. Свердловск, 1974, с. 150-156. Предания и легенды Урала (Сост. и коммент. В.П. Крутляшовой). Екатеринбург, 1991.

идейно-художественной сущности устных повествований о покорителе Сибири, намечены смысловые параллели между Кунгурской летописью и народными рассказами. А.И. Лазарев в своей статье³ проследил характер локализации преданий на сюжетах “герой овладевает землей при помощи бычьей шкуры” и “откуда курганы взялись” (формулировки автора статьи). Одновременно он привел тексты ермаковских преданий, записанных на Южном Урале. Л.Н. Гриднева на примере нескольких сюжетов ермаковского цикла раскрыла героический характер главного персонажа⁴. Е. И. Дергачева-Скоп обращалась к ермаковским повествованиям XVII века в связи с решением некоторых вопросов генеалогии сибирского летописания. Справедливо отметив бытование ермаковских преданий в XVII веке, она попыталась установить былое существование своеобразных “устных летописей”, в которых все события излагались с использованием временных вех и, следовательно, имели “внутреннюю форму летописного рассказа”⁵. Частные наблюдения по ермаковской урало-сибирской прозе можно найти в работах, посвященных изучению исторических песен и сибирских летописей. Этими наблюдениями мы в дальнейшем воспользуемся и укажем их.

Итак, чтобы рассмотреть всю уральскую сказочную прозу о Ермаке, потребуется решить ряд вопросов. В первую очередь, нужно осветить источники, содержащие фрагменты ермаковской народной прозы и сказать о собирании преданий; во-вторых, попытаться выявить мотивы и сюжеты народных повествований из письменных источников; в-третьих, рассмотреть весь выявленный фольклорный материал в плане его отношения к действительности, то есть показать, как, когда возникли те или иные мотивы, под влиянием каких факторов трансформировались, каково соотношение в них реального и вымышленного и в связи с этим — как обрисован образ главного героя, какова его народная оценка; наконец, в-четвертых, нужно остановиться на поэтических особенностях народной истории о Ермаке.

Известно, что сибирские летописи имеют в своем составе этнографический и фольклорный материал самого разного характера: описания “иностраннических” обычаев, “туземные” легенды, фрагменты русских песен, устные рассказы участников или очевидцев событий, связанных с завоеванием Сибири, а также переложения, пересказы авторами летописей уральских и сибирских преданий о Ермаке.

³ А. Лазарев. Урало-сибирские предания и легенды о Ермаке. // Вопросы истории и теории литературы. Вып. IV. Челябинск, 1968, с. 150-172.

⁴ Л. Гриднева. Сюжеты преданий о Ермаке. // Материалы межвузовской фольклорно-диалектологической конференции. Вып. V. Вологда, 1967, с. 20-27.

⁵ Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с. 93-119.

Для авторов и переписчиков летописей народные предания были важнейшим источником информации, содержащим часто сведения, которые не удавалось найти в каких-либо документах. И этим источником пользовались все без исключения сибирские летописцы.

Однако все сведения устного характера, в том числе и предания о Ермаке, использовались авторами XVII века выборочно или интерпретировались в зависимости от тех задач, которые стояли перед ними. Относясь к народным преданиям как к источнику важной фактической информации, авторы XVII в. пользовались, тем не менее, этим источником по-разному. С.У. Ремезов, например, черпая сведения из рассказов “бывальцев”, выносил эти сведения в свои сочинения не сразу, а предварительно сопоставив их (если была такая возможность) с письменными данными. С.В. Бахрушин доказал, что в XVII в. “легенда, сопоставленная и согласованная с книжной литературой, являлась... одним из первостепенных (подчеркнуто мной – В.Б.) источников исторического сочинения”⁶.

В то же время некоторые авторы XVII в. использовали в своих сочинениях народные предания и без предварительного сопоставления с письменными материалами. Яркий пример – Кунгурская летопись.

Далее мы подробно остановимся на характеристике фольклоризма этого произведения, сейчас же отметим, что Кунгурский летописец вводит народные предания не для того, чтобы расцветить рассказ любопытными деталями, но чтобы передать сущность происходивших когда-то событий, поэтому он пересказывает местные предания довольно точно и не сравнивает устные сведения с письменными.

Итак, подчеркнем двоякий характер использования народных преданий авторами XVII в.: 1) предания вводились в текст исторического сочинения без предварительных сопоставлений с письменными источниками; 2) после сопоставления с уже зафиксированными сведениями.

Значение источника фактических сведений предания окончательно не потеряли и в первую половину XVIII в.: некоторые варианты сибирских летописей этого времени содержат в качестве достоверных явно вымышленные данные ермаковских преданий. Такова, например, вставка в текст летописного списка из собрания Лихачева (список скорописью XVIII в.)⁷. Однако подобное использование народных преданий в авторских сочинениях XVIII столетия скорее исключение, чем правило.

⁶ С.В. Бахрушин. Туземные легенды в “Сибирской истории” С. Ремезова. //Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете. – М., 1916, №3–4, с. 9.

⁷ Подробнее см.: Н.А. Дворецкая. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII веке. //ТОДРЛ, 1958, XIV, с. 333.

Вообще для всех авторов, писавших об Урале и Сибири в XVIII столетии, характерно стремление фиксировать народные предания, обычаи и т.п. Уже Д.Г. Мессершмидт, отправившийся в Сибирь в 1720 г. сообщает устные сведения о кладях, курганах⁸. То же самое можно сказать и о Ф.И. Страленберге, одно время путешествовавшем вместе с Д.Г. Мессершмидтом, и о более поздних исследователях – И.И. Георги, И.И. Лепехине, И.П. Фальке, П.С. Палласе и др. Однако пересказов ермаковских преданий в работах этих ученых очень немного, поскольку перед авторами не стояла задача освещения истории завоевания Сибири.

Другое дело – Г.Ф. Миллер. Как известно, “главное намерение” его при поездке в Урало-Сибирский край “к тому склонялось, чтоб историю сей пространной земли обстоятельно описать”⁹. Поэтому, естественно, он вынужден был использовать все возможные источники, в том числе и фольклорные. К примеру, сомневаясь в истинности сообщения Н. Венюкова¹⁰ о двух пушках, стрелявших будто бы сорокапудовыми ядрами и сброшенных татарами при отступлении в Иртыш, историк писал: “Этому нет ни малейшего подтверждения ни в летописи, ни в архивных делах, ни в преданиях местных жителей”¹¹. Придавая важное значение устному преданию, он “умел им пользоваться”¹². Это умение выражалось в том, что он, во-первых, всегда стремился установить реальность факта, лежащего в основе предания, не всегда это ему удавалось, тем не менее он говорит о подобных попытках¹³. Во-вторых, историк довольно тщательно проверял на местах, продолжают ли существовать и в каком виде предания, включенные в работы предшествующих авторов. Убедившись, например, что Ф.И. Страленберг в свое время недостаточно критично отнесся к устным сведениям местных жителей, он замечал, что нужно “исправить неверный рассказ Страленберга”¹⁴, такого же рода замечания он адресует Витсену Н.¹⁵ Но особенно тщательно он проверял сведения “Истории Сибири” С.У. Ремезова. Когда сведения Ремезовской летописи и народных преданий совпадали, Г.Ф. Миллер фиксировал

⁸ Извлечения из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. //Сибирские древности В.Радлова. – СПб, 1888, т. I, вып. I, приложение, с. 10.

⁹ Г.Ф. Миллер. История Сибири. – М-Л, 1937, с. 159; в дальнейшем: Г.Ф. Миллер. История Сибири. Об использовании фольклорных произведений Г.Ф. Миллером см.: С.В. Бахрушин. Научные труды, Т.III, ч.I, М., 1955, с. 58-61. В дальнейшем: С.В. Бахрушин. Научные труды.

¹⁰ Понятно, что у Г.Ф. Миллера фигурирует не Н. Венюков, а Н. Витсен.

¹¹ Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 230.

¹² С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 58; см. также с. 59-61.

¹³ Из Миллерова рукописного описания Сибирского путешествия его. //Сибирские древности В. Радлова. – СПб, 1894, т.I, вып. 3, приложение, с. 100.

¹⁴ Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 221.

¹⁵ Там же, с. 230, 231.

такое совпадение, хотя сам и сомневался в фактической достоверности этих сведений¹⁶. Иногда он вводил в текст своего сочинения предания, не отмеченные его предшественниками, но тут же приводил доводы, утверждающие или опровергающие вероятность того, о чем говорило предание. Так, например, получилось с уральским преданием, согласно которому Ермак в Чусовой поднимал воду парусами. Г.Ф. Миллер первый сообщил эти устные сведения, но сделав это, он тут же пишет о своих “серьезных сомнениях” и ссылается на ширину Чусовой, которую “вряд ли можно было запрудить парусами”¹⁷.

У Г.Ф. Миллера почти каждый пересказ предания сопровождается ремаркой (типа: “тамошние жители рассказывают”)¹⁸. Такие ремарки – отличные ориентиры, по ним легко найти пересказ народного предания.

С.В. Бахрушин назвал Г.Ф. Миллера “одним из первых собирателей сибирского фольклора”¹⁹. Но Г.Ф. Миллер имеет непосредственное отношение и к собиранию уральского фольклора; он зафиксировал и ввел в научный оборот массу преданий, бытовавших на Урале в XVIII в., в том числе более десятка ермаковских преданий. Поэтому о нем нужно сейчас говорить как об одном из первых собирателей и сибирского, и уральского фольклора. Это был ученый, считавший народные предания одним из источников информации, который можно использовать после соответствующей проверки. Сам Г.Ф. Миллер не искажал народных преданий – это видно из сравнений его пересказов с более поздними записями; он добросовестно, даже, может быть, с несколько излишней для историка аккуратностью фиксировал устные сведения, и только благодаря ему, мы сейчас знаем, что рассказывали о Ермаке в Урало-Сибирском крае в первые десятилетия XVIII века.

К сожалению, среди позднейших исследователей, путешественников, писателей больше не было такой, как Г.Ф. Миллер, личности с “фольклорными склонностями”, даже не нашлось местного, уральского историка, который бы перепроверил предания, записанные Г.Ф. Миллером, так же, как последний проверял бытование устных сведений, попавших в труды С.У. Ремезова, Ф.И. Страленберга, Н. Венюкова, Ю. Крижанича и др. Такое положение, очевидно, можно объяснить тем, что историки уже не считали народные рассказы источником фактических сведений.

К примеру, у уральского историка XVIII в. П. Икосова, отношение к народным преданиям было вполне определенное: то, что говорят “просто-

¹⁶ Там же, с. 223-224.

¹⁷ Там же, с. 219.

¹⁸ Г.Ф. Миллер, История Сибири, с. 218, 219, 220, 221, 233, 236 и др.

¹⁹ С.В. Бахрушин. Научные труды, с. 58.

людины” - “изустные сказки”, и Г.Ф. Миллер ошибался, веря многим из них²⁰. Между тем, сам П. Икосов все-таки использовал местные предания, сочиняя свою “Историю о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии г.г. Строгановых”²¹, но использовал лишь те сведения народной молвы, которые не противоречили его концепции. Например, пребывание ермаковцев на Сылве освещено П. Икосовым явно на основе местных преданий.

Больше внимания народным повествованиям уделил Н.С. Попов, автор известного “Хозяйственного описания Пермской губернии”. Правда, преданием он называл и устные рассказы, и пересказы былин и даже исторические песни. Однако в контексте понятно, где автор пересказывает собственно предания, а где песни или былины.

Н.С. Попов стремился использовать фольклорные произведения для характеристики образа мышления населения Пермской губернии. Он пересказывает несколько преданий о местных примечательностях – урочищах, пещерах, скалах, с которыми народ упорно связывал имя Ермака, как историк он не верит этим преданиям (сопровождает передачу устных сведений иронической ремаркой “баснословят”), однако само предание все-таки излагает в качестве примера неправильного осмысления народом некоторых исторических событий или ценностей. Так, рассуждая о происхождении писанцев на Урале, он пересказал народное повествование, согласно которому рисунки на тагильских камнях оставил Ермак, когда шел в Сибирь²². Н.С. Попов хотя и несколько пренебрежительно относился к вымышленным преданиям, но не обрабатывал их. В то же время он далек от того, чтобы подробно их излагать – обычно его пересказы преданий кратки²³.

В первой четверти XIX в. вышло несколько работ, в которых можно найти пересказы преданий о Ермаке, но публикации эти незначительны, сюжеты преданий – уже известные²⁴.

²⁰ История о родословии и богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии г.г. Строгановых. Сочинена в 1761 г. //ПГВ, 1880, №97, с. 7.

²¹ А.И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век. – М-Л, 1960, с. 257.

²² Н.С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1812, с. 32-33.

²³ Все, что говорилось о Н.С. Попове, в какой-то степени относится и к К.Ф. Модераху, которому приписывается авторство “Историко-географического описания Пермской губернии, сочиненного для атласа 1800 года”. Этот труд “почти целиком” вошел в сочинение Н.С. Полова. См.: Д. Смышляев. Источники и пособия для изучения Пермского края; материалы для указателя книг и статей, заключающих в себе сведения о Пермской губернии. – Пермь, 1876, с. 130-132.

²⁴ См. напр.: Картина Сибири //Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. – СПб, 1818, ч. I, с. 15,16,17; Письма из Сибири. Гороблагодатские заводы. //Азиатский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам. – СПб, 1825, март, с. 192 (176).

В 30-х г.г. XIX в. на Урале побывал П.И. Мельников-Печерский. В Пермской губернии его поразило "русских дух в неподдельной простоте"; "Здесь все: их образ жизни, и предания, и обряды носят на себе отпечатки глубокой старины", - писал он в своих "Дорожных записках по пути из Тамбовской губернии в Сибирь"²⁵. Поэтому то, что он слышал о Ермаке, он передает точно, чтобы донести до читателя аромат этой "глубокой старины", хотя и несколько иронизирует над уральцами, которые "всякую старинную вещь" непременно связывали с именем Ермака. Он дает описание находящихся в Перми и Кунгуре ружей и пушек, которые, по народным преданиям, принадлежали Ермаку, пересказывает кунгурские предания о зимовках покорителя Сибири, дает описание портретов Ермака, встречавшихся в "селах и деревнях"²⁶. Благодаря П.И. Мельникову-Печерскому уральские предания о Ермаке впервые появились в центральной периодике ("Дорожные записки" были напечатаны в "Отечественных записках" в 1841 г.). И, очевидно, эта публикация "подтолкнула" местных любителей старины, в частности П.И. Мельников-Печерский упомянул рисунки на Писаном камне, расположенном на реке Тагил, пересказал местные предания о "писанках". И хотя упоминания об этих идеографических рисунках были еще в литературе XVIII в., местные краеведы ими не интересовались, а после очерков П.И. Мельникова-Печерского они отправились на поиски "писанок", стали расспрашивать население тагильских деревень и зафиксировали немало преданий, в том числе несколько ермаковских. Здесь следует отметить в первую очередь бывшего крепостного Демидовых Д.П. Шорина и учителя И.М. Рябова. Последний опубликовал несколько заметок в "Пермских губернских ведомостях" и одну солидную статью, щедро пересыпав ее пересказами ермаковских преданий, слышанных в тагильских деревнях²⁷.

В 40-50 г.г. XIX в. собирает также ермаковские предания Я. Рогов. Он публикует в столичных журналах сначала свои "Заметки во время плавания по реке Чусовой", содержащие несколько чусовских преданий о Ермаке, а затем отдельно пересказы уральских ермаковских преданий²⁸.

²⁵ П.И. Мельников-Печерский. Полное собрание сочинений. – СПб, 1898, т. 12, с. 199.

²⁶ П.И. Мельников-Печерский. Полное собрание сочинений. Т. 12, стр. 221, 199-120.

²⁷ И. Рябов. Былина и временность Нижне-Тагильских заводов, находящихся в Пермской губернии и принадлежащих А.Н. и П.П. Демидовым. //Ученые записки Казанского университета, 1848, кн. II, с. 7, 8, 9 – пересказы преданий о Кокуй-городке, о строительстве ермаковцами стругов на Тагиле, о стоянке у Медведя-камня, о битве казаков с татарами возле утеса Караул....

²⁸ Я. Рогов. Заметки во время плавания по реке Чусовой. //Журнал Министерства внутренних дел, 1852, март, с. 336-374, Я. Рогов. Предания о Ермаке. //Москвитинин, 1852, май, кн. 2, с. 76.

В конце 50-60-х г.г. пересказы зауральских преданий о Ермаке выносятся на страницы “Тобольских губернских ведомостей” Н. Абрамов²⁹, а И. Железнов публикует “Сказания уральских казаков” о покорителе Сибири³⁰.

Во второй половине XIX – начале XX в. было составлено несколько словарей: Х. Мозеля – “Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния”, СПб, 1864; Н. Чупина – “Географический и статистический словарь Пермской губернии,” Пермь, 1873, И. Кривошекова – “Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии”, Пермь, 1910, известный словарь П. Семенова – Тяньшанского и другие. В конце XIX в. начал собирать материалы для “Географической энциклопедии обоих склонов Среднего Урала” И.Г. Остроумов³¹. Все авторы этих географических и статистических словарей используют ермаковские предания при характеристике скал, гор, рек, урочищ и т.п.

Отношение авторов словарей к преданиям одинаково: в них они ищут, главным образом, объяснение географических названий, т.е. используют народные предания скорее как подсобный материал для подкрепления своих предположений, догадок. Невольно все составители словарей выступают как систематизаторы ермаковских преданий. К примеру, Н. Чупин собрал из опубликованных источников предания о Кокуйском, Тагильском городищах, о чувовском камне Ермак и т.д. Наконец, отметим, что все указанные словари содержат, главным образом, предания, заимствованные из печатных источников; это, конечно, вызывает досаду хотя бы потому, что авторы словарей много ездили по Уралу и наверняка слышали “народные толки о Ермакове”, но не фиксировали их – тот же И.Я. Кривошеков, например, часто оговаривается: “по личным наблюдениям”, “автор слышал”, однако, к преданиям о Ермаке подобные оговорки не имеют никакого отношения – их он пересказывает по опубликованным произведениям. То же самое можно сказать в адрес П. Семенова-Тяньшанского, который, в основном, перелагает предания из очерков В.И. Немировича-Данченко.

О последнем следует сказать особо. В.И. Немирович-Данченко посетил Урал в 1875 году. Написал ряд очерков; опубликованы они были вначале в различных журналах (“Исторический вестник”, “Дело”, “Рус-

²⁹ Н. Абрамов. Описание Березовского края. //ТГВ, 1858, №22; он же, Город Тюмень. //ТГВ, 1858, №50; он же, Ермак – покоритель Сибири. //ТГВ, 1866, №18, 21.

³⁰ И. Железнов. Сказания уральских казаков. //Библиотека для чтения, 1861, т. 163, с. 1-34; 1861, т. 164, с. 50-51.

³¹ И.Г. Остроумов. Географическая энциклопедия обоих склонов Среднего Урала (бывш. Пермской губернии в границах до 1917 г.) ч. IV, Д-И. – ГАПО, ф. 72, д. 29.

ская речь" и др.), затем собраны в книгу³². На первый взгляд может показаться, что В.И. Немирович-Данченко слишком вольно обращается с народными преданиями: контаминирует их, добавляет свои детали, приукрашивает то, что слышал сам. На самом деле это не так. Сопоставления пересказанных им уральских преданий о Демидовых, чуди, Ермаке, кладях и т.д. с преданиями, записанными в XIX столетии и в советское время, показывает добросовестное отношение В.И. Немировича-Данченко к народным рассказам. Он не приукрашивает последние, он только излагает их литературным языком.

Он вводит ермаковские предания в свои очерки, главным образом, при объяснении названий скал, гор, лощин, мимо которых он проезжал³³, причем иногда приводит татарский и русский варианты предания об одном и том же примечательном месте³⁴ (или два русских варианта)³⁵. Добросовестный пересказ уральских преданий, многочисленные замечания о характере их бытования выдвигают очерки В.И. Немировича-Данченко в число основных источников, содержащих фольклорный материал о Ермаке.

Любопытно использование ермаковских преданий в работах пермского историка А. Дмитриева. Он много разъезжал по Уралу в поисках древних рукописей. Плавал он и по Чусовой; был в Сибири. И слышал предания о Ермаке³⁶. Но записей не делал. И тем не менее любил ссылаться в своих работах на местные предания³⁷. Не всегда это получалось удачно, т.к. историк не приводил самих преданий. Однажды, доказывая в споре по сибирскому вопросу материальную зависимость ермаковцев от Строгановых и не имея каких-либо документов, подтверждающих это, А. Дмитриев решил опереться на фольклор. Получилось неубедительно. "В Пермском крае, - писал он, - живы еще народные предания о связи Ермака со Строгановыми... Как тут быть крайним скептикам?"³⁸ "Но какие же это предания и насколько они заслуживают веры? Дмитриев их не приводит, а следовательно, и разговаривать о них пока не приходится", парировал С. Адрианов³⁹. Разумеется, в данном случае

³² В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал (Очерки и впечатления) – Бесплатное приложение к журналу "Природа и люди", 1904, кн. IX, X, XI: в дальнейшем: В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал.

³³ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. X, с. 80, 137-138; кн. XI, с. 241, 266, 282-283, 287-289, 355-356, 426.

³⁴ Там же, кн. IX, с. 59.

³⁵ Там же, кн. XI, с. 282-283.

³⁶ А. Дмитриев. К истории сибирского вопроса. //Пермский край, т. III. Пермь, 1895, с. 81.

³⁷ А. Дмитриев. Пермская старина. – Пермь, 1894, вып. V, с. 166, 167, 169, 183 и др.

³⁸ Там же, с. 145.

³⁹ С. Адрианов. Пермская старина, вып. V. (рецензия). // Журнал Министерства народного просвещения, 1894, июль, с. 198.

прав С. Адрианов. Но, видимо, сейчас, принимая во внимание глубокое знакомство А. Дмитриева с историей, этнографией Урала, мы можем поверить его утверждениям о существовании упоминаемых им ермаковских преданий; нужно только иметь ввиду его точку зрения на роль Строгановых в завоевании Сибири – он привлекал лишь такие предания, которые своим содержанием не противоречили его концепции.

В дискуссии А. Дмитриев использовал и предания, сообщенные ему местными краоведами. Так, возвращаясь к полемике с С. Адриановым, он в статье “К истории сибирского вопроса” приводит предание о тагильской стоянке в пересказе своего ниже-тагильского корреспондента. А. Дмитриев считал, что если предания сопоставить “между собой и с более достоверными источниками, то они получают известную научную ценность”⁴⁰. Поэтому он пытался установить фактическую основу преданий, которые когда-то слышал С.У. Ремезов в Кунгуре. Однако считая Строгановскую летопись “достоверным источником” и сравнивая все предания именно с ней, он пришел к отрицанию истинности народных повествований, сведения которых не совпадали со сведениями вышеуказанной летописи. И стал, естественно, использовать ермаковские предания выборочно. Наконец, отметим, что А. Дмитриев впервые подобрал солидную коллекцию топонимических сведений о Ермаке⁴¹.

Начиная со второй половины XIX века, в периодической печати появляются очерки кратковременных путешествий по Уралу. Чиновники, учителя, студенты почти всегда путешествовали в сопровождении местных жителей, слушали их рассказы и затем передавали их в своих дневниковых записях, очерках, путевых впечатлениях, причем вносили сведения и о рассказчиках⁴².

Авторы подобных очерков вводили ермаковские предания обычно с занимательной целью, чтобы “разбавить” свои путевые впечатления необычным народным рассказом.

Не очень ценными источниками являются также разного рода путеводители по Уралу, справочники для туристов. Они начали издаваться регулярно с конца XIX в. и выходят по сей день. В них ермаковские предания вошли в незначительном количестве и являются чаще всего перепечатками из других источников, причем, без ссылок. Понятно, что в изданиях такого рода народные предания использованы обычно как экзотический, живописный материал.

⁴⁰ Там же, с. 79.

⁴¹ А. Дмитриев. Роль Строгановых в покорении Сибири (Новый пересмотр сибирского вопроса). //Журнал министерства народного просвещения, 1894, январь, с. 30-31; февраль, с. 249-250.

⁴² Я. Рогов. Заметки во время плавания по Чусовой. //Журнал министерства внутренних дел, 1852, март, с. 353; Е. Янишевский. Поездка на реку Чусовую. Пермь, 1886, с. 40; З. Прогулка по историческим окрестностям Тобольска. //ТГВ, 1881, №17, 37, 39.

Итак, отношение авторов к ермаковским преданиям было разным, и следовательно, использовались эти предания по-разному. Для летописцев XVII – частично XVIII вв. они – важнейший источник информации, поэтому в исторические повести предания вводятся для того, чтобы обрисовать, передать сущность далеких событий, связанных с завоеванием Сибири. В первой половине XVIII в. предания еще сохраняют за собой значение источника фактических сведений, но в то же время за ними усиливается “контроль”: историки, например, Г.Ф. Миллер, стремятся установить с помощью других источников истинность факта, лежащего в основе народного повествования. Одновременно, “проверенное” предание само привлекается в историческом исследовании для подтверждения вызывающего сомнения письменно зафиксированного факта. Широкая распространенность предания, вера в него местных жителей заставляет историков все-таки вводить его в свои сочинения, хотя они этому преданию и не верили. Начиная со второй половины XVIII в. ермаковские предания использовались: в качестве примера неправильного осмысления народом исторических событий, для характеристики образа мышления народа, для передачи “духа глубокой старины”, при объяснении названия гор, рек, скал и т.п., в качестве аргумента в споре по сибирскому вопросу, наконец, как занимательный, иллюстративный материал. Учитывая все это, можно разделить все источники на две большие группы и провести само “вычленение” мотивов и сюжетов в два приема.

Первую группу составляют все исторические повести XVII – первой половины XVIII вв. Это не только Кунгурская, Ремезовская, Есиповская, Строгановская летописи, но и сочинения Н. Венюкова, Ю. Крижанича и других авторов, писавших о покорении Сибири, кроме “Истории Сибири” Г.Ф. Миллера.

Вторую группу составляют записки, “дневные записки”, сочинения членов академических экспедиций на Урал и в Сибирь в XVIII в., а также путевые впечатления, зарисовки, очерки путешественников, затем – справочники, календари, географические, статистические и прочие словари и, наконец, архивные материалы.

Оставляем в стороне художественные произведения, написанные с использованием ермаковских преданий, – рассказы, романы, пьесы, поэмы стихотворения, литературные сказы.

Наиболее простым оказывается “вычленение” из источников второй группы, потому что введение в произведение преданий автором почти всегда оговаривалось. Обычно указание на источник звучит так: “местное предание говорит”, “как говорит их родовое предание”, “народная фантазия считает”, “простолюдины с уверенностью рассказывают”, “пень-

ковские крестьяне мне рассказывали", и т.п. Некоторые авторы даже в сравнительно небольшом сообщении дают три-четыре ссылки на народную молву. К примеру, у Е. Косвинцева: "предание говорит", "среди окрестных людей это предание сохранилось до сих пор", "крестьяне мне потом сообщили"⁴³.

Другие же заявляют о своем стремлении передать только фактическую сущность слышанных преданий: "Я перехожу теперь к изложению этой легенды, - поясняет П.А. Городцов, - причем я буду держаться только литературной формы изложения; нельзя выдержать и сохранить народный стиль и говор в изложении рассказа, слышанного в устной передаче не от одного, а от многих лиц и не только русских, но и от татар; я озабочен лишь фактической точностью в передаче этого сказания"⁴⁴.

В отношении же "вычленения" народных преданий из источников первой группы все оказывается сложнее. Сведения, заимствованные из народной молвы, вводились в исторические повести без всяких оговорок, авторы пересказывали их как истинные, при этом иногда соединяли их со сведениями книжного или документального характера.

В результате получился такой "сплав", определить составные части которого сейчас можно в ряде случаев лишь предположительно. Для того, чтобы обосновать правомерность рассмотрения вычленяемых мотивов, сюжетов как фольклорных, нами приводятся, во-первых, наблюдения, выводы исследователей относительно устного происхождения того или иного фрагмента исторической повести (летописи); во-вторых сопоставляются интересующие нас летописные мотивы с мотивами уральских преданий XVIII-XX вв. — такое сопоставление иногда дает возможность предполагать, что летописец заимствовал некоторые сообщаемые им сведения из народной молвы; в-третьих, привлекаются материалы уральской топонимики; в-четвертых, отмечаются детали явно вымышленного, нереального характера; в-пятых, указываются такие приемы изображения событий, которые свойственны скорее фольклору, чем историческому сочинению. Разумеется не всегда все из указанных примеров обоснования фольклорного происхождения летописных сведений привлекаются. Делается это по возможности и необходимости.

Чтобы собрать ермаковские предания XX в., пришлось просмотреть уральскую периодику (газеты, журналы, разного рода краеведческие издания и т.п.). Просмотрены были также некоторые материалы Государственных архивов Пермской и Свердловской областей, рукописные фонды Пермского, Свердловского, Нижне-Тагильского, Чердынского,

⁴³ Е. Косвинцев. На Ермаковом городище. //Рудокон, 1898, №63.

⁴⁴ П. Городцов, Азан-юрты. //Этнографическое обозрение, 1906, №1-2, с. 110.

Соликамского, Кунгурского краеведческих музеев и Свердловского Дома народного творчества. К сожалению, результаты поисков оказались скромными.

Наши наблюдения таковы: в 20-40-е г.г. XX в. предания о Ермаке записывались редко; специально никто их не разыскивал. В начале 30-х г.г. Н.А. Прокошев во время археологических раскопок на Чусовой слышал местные предания и кратко пересказал их⁴⁵. Следующие же записи были сделаны только в 1940 году: весной этого года свердловская газета "На смену!" призвала молодежь отправиться летом в походы по изучению истории Урала; затем на страницах газеты появилось довольно много рассказов о таких походах, и было опубликовано два ермаковских предания, записанных комсомольцами в тагильских деревнях⁴⁶.

В 1941 году, очевидно, интерес к рабочему фольклору, появившийся после выхода известного сборника "Тайные сказы рабочих Урала", заставил свердловского журналиста С. Тельканова отправиться специально на поиски рабочих сказов. В старом рабочем поселке Березовском, что рядом со Свердловском, С. Тельканов записал от горщика Е.М. Овчинникова и Ф.А. Зверевой несколько повествований, в том числе местное предание о Ермаковой лодке⁴⁷. Позже П.П. Бажов дал положительную оценку записям С. Тельканова⁴⁸. Попутно отметим, что сам П.П. Бажов подобных записей не делал, однако его выступления, письма содержат несколько упоминаний о характере бытования ермаковских преданий⁴⁹.

Со второй половины 40-х годов начинается планомерный сбор фольклора кафедрой русской литературы Уральского государственного университета. Фольклорные экспедиции побывали фактически во всех районах Урала, на всех уральских реках, по которым когда-то проходил Ермак. Предания о Ермаке записывались также в Вагайском районе Тюменской области (Вагай, Большая Березовка, Баишево, Аксурха, Большой Карагай и др.), то есть на реках Иртыш и Вагай. Часть собранных преданий опубликована в названных выше сборниках В.П. Кругляшовой, часть хранится в архиве кафедры фольклора и древней литературы. Наиболее удачные записи представлены в настоящей публикации.

Теперь обратимся к источникам и попытаемся "вычленить" мотивы и сюжеты народных преданий о Ермаке.

⁴⁵ Н.А. Прокошев. Район р. Чусовой. //Археологические работы Академии на новостройках в 1932-1933 г.г. Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 5, 1935, с. 85.

⁴⁶ Е. Новоселов. Легенда. //На смену!, 1940, №55: Н. Василенко. На плотах. //На смену!, 1940, №161.

⁴⁷ С. Тельканов. Рассказы горщиков. Ермакова лодка. //На смену!, 1941, №57.

⁴⁸ П.П. Бажов. Публицистика. Письма. Дневники. – Свердловск, 1955, с. 51.

⁴⁹ Там же, с. 50, 52-53.

МОТИВЫ И СЮЖЕТЫ ЕРМАКОВСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Уже в первые десятилетия XVII века существовала устная история завоевания Сибири, составленная народом, и эта история тогда же в основных своих положениях была зафиксирована письменно. Однако первоначальные казачьи "летописи" до нас не дошли. О их характере и, следовательно, о характере народных рассказов начала XVII века мы можем судить, пожалуй, только на основании Кунгурской летописи.

Исследователи называют Кунгурскую летопись "единственным, сохранившимся до нас образцом казачьего летописания"⁵⁰; называют так потому, что она, во-первых, наиболее полно отразила народные воззрения на все, что связано с завоеванием Сибири и, во-вторых, донесла фрагменты и пересказы урало-сибирских преданий о Ермаке в наиболее чистом, неинтерпретированном виде.

Начальные годы XVIII столетия – время составления Кунгурской летописи в том виде, в каком мы ее сейчас имеем⁵¹. Однако создание ее, очевидно, следует отнести к первой половине XVII века. Так, Д.С. Лихачев отмечает, что ее отрывки сохранили "несомненные признаки древности"⁵², а Е.И. Дергачева-Скоп после исследования целого ряда реалий этого произведения и уточнения времени основания Кунгурской слободы приходит к выводу, что летопись в первоначальном варианте появилась "не ранее 1623-1624 годов" и "не позднее 40-х г. XVII века"⁵³.

Возникла она на уральской территории, в "русском Прикамье", по определению С.В. Бахрушина, который, кстати, также считал ее "любимым образцом особого типа сибирских летописей, ...основанных в значительной степени на изустном предании"⁵⁴.

Действительно, почти полное отсутствие следов использования письменных источников, масса фольклорных мотивов, введенных в состав летописи, а также своеобразный способ изложения позволяют называть ее народным сказанием. Кунгурская летопись "дает нам в наиболее чистом виде пример сказания, содержание и форма которого с предельной ясностью обнаруживают свое народное происхождение", - пишет В.Г. Мирзоев⁵⁵.

⁵⁰ Д.С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л, 1947, с. 411; в дальнейшем: Д.С. Лихачев. Русские летописи.

⁵¹ Л.А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. – М., 1965, с. 120.

⁵² Д.С. Лихачев. Русские летописи, с. 411.

⁵³ Е. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. – Свердловск, 1965, с. 99, 147.

⁵⁴ С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. I, с. 40, 43. См. также: Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 412.

⁵⁵ В.Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII вв. М., 1960, с. 97.

И наконец, отметим еще одно важное для нашей работы наблюдение исследователей. Уже С.В. Бахрушин осторожно высказывал предположение о том, что рассказ о штурме ермаковцами хантского городка князька Демайна "написан участником боя", вся же летопись, по мнению ученого, вышла из среды, "в которой еще жива и близка была память об атамане Ермаке Тимофеевиче и в которой образ покорителя Сибири не утратил еще казачьего колорита и не превратился в литературно-религиозный шаблон мученика за веру"⁵⁶.

Кунгурская летопись сохранила не только некоторые эпизоды, записанные со слов участника или очевидца событий, но и пересказы преданий XVII века, которые автору представлялись достоверными. Причем, пересказывает он предания "очень точно"⁵⁷. Так, разбойничьи действия казаков на Волге характеризуются летописцем явно через пересказ преданий: Ермак "воевал на Оке и Волге и на море суды и катарги, торговых караваны", его люди даже "кызылбашских послов грабили"; разбойничал Ермак "в скопе с 5000 человек", всего же под его командованием, включая тех казаков, что грабили "на море" - 7000 человек⁵⁸. В том, что перед нами пересказ преданий, убеждает ссылка автора на ходившие когда-то слухи о грабежах: "И прежде и в те лета промчесь воровской слух его в Руси, в Казани и в Астрахане и что кызылбашских послов пограбили Ермачко именем со многими людьми"⁵⁹ (кстати, разграничение "Руссии, Казани и Астрахани" также характерно скорее не для письменной, а для фольклорной традиции); далее, цифры 5000, 7000 встречаются только в этом произведении, у историков они почти всегда вызвали недоумение, им не верили: "Сообщение Ремезова⁶⁰, будто у Ермака было от 5 до 7 тысяч человек представляется совершенным абсурдом"⁶¹, "Численность дружины Ермака до сих пор окончательно не установлена; Ремезовская летопись сообщает фантастическую цифру в 5 тыс. человек"⁶². Конечно эти цифры фольклорного происхождения (или, по выражению С.В. Бахрушина, "сказочного характера"⁶³), но летописец верил в то, что общее число участников "заворуха" было 7 тыс.

⁵⁶ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 41, 42.

⁵⁷ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 41.

⁵⁸ Сибирские летописи. Издание Археологической комиссии. — СПб, 1907, с. 313.

⁵⁹ Сибирские летописи, с. 313.

⁶⁰ А. Дмитриев не разграничивал Кунгурскую и Ремезовскую летописи.

⁶¹ А. Дмитриев. Роль Строгановых в покорении Сибири. //Журнал министерства народного просвещения, 1894, февраль, с. 246.

⁶² А.А. Введенский. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. — М., 1968, с. 98. Понятно, что автор ошибочно приписывает сведения Кунгурского летописца С.У. Ремезову.

⁶³ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 41.

человек и что они разбойничали не только “на море”, по Волге, но и по Оке, и поэтому добросовестно, без искажений пересказал местные предания.

Прекращение волжских разбоев Ермака связывалось, очевидно, в преданиях XVII века с началом похода в Сибирь. Однако нельзя сказать, что в рассказах уральских жителей инициатива похода приписывалась Строгановым, как это делалось в некоторых литературных произведениях. Например, в Строгановской летописи давалось развернутое описание “призыва” казаков с Волги с упоминанием “писания” “честных людей Строгановых”, “их даров многих” казакам, радостной встречи в Чусовских городках, где солепромышленники приняли “волжских воров” “с честью и с великим радением”⁶⁴.

Строгановы в такой ситуации выступали как добрые господа, ермаковцы – как послушные холопы, между ними мир и полное согласие.

Поэтому Кунгурский летописец ведет рассказ о времени пребывания ермаковцев в вотчинах Строгановых, используя народные представления, согласно которым поход в Сибирь был замышлен как обычный набег, каких казаки немало совершили на Волге и “Хвалынском море”: испугавшись царских войск, “Ермак советом з дружиною... с возвратом задумали бежать в Сибирь разбивать”⁶⁵ (очевидно, “возврат” на Волгу должен был состояться после разгрома города Сибири). Можно полагать, что в уральских преданиях XVII и даже XVIII вв., пока в них не проникли сведения литературного характера, ни о какой “присылке” Строгановых казакам не говорилось. Это, к примеру, подтверждал один из Строгановских историков П. Икосов. Доказывая, что между Строгановыми и Ермаком была, как выражался П. Икосов, “тайность” (т.е. сговор, согласно которому казаки и прибыли к солепромышленникам), он решительно отвергал мнение авторов, придерживающихся противоположной точки зрения; при этом никаких документальных данных в защиту отстаиваемой им “тайности” П. Икосов, конечно, не приводил, но категорически утверждал, что те историки⁶⁶, которые пишут “будто Ермак с товарищами, убегая казни, без призыву к Строгановым в вотчины прибыл”, ошибаются, так как они описывают “поход Ермаков... с изустных сказок”⁶⁷.

Сами казаки “побежали” на Каму или “по присылке” Строгановых – один из вопросов, вызвавший споры историков. Разумеется, в нашу зада-

⁶⁴ Сибирские летописи, с. 8, 57.

⁶⁵ Сибирские летописи, с. 313.

⁶⁶ В первую очередь П. Икосов имел в виду, конечно, Г.Ф. Миллера, считавшего сведения Кунгурской летописи истинными.

⁶⁷ История о родословии и богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии г.г. Строгановых, сочинена в 1761 году. //ПГВ, 1880, №94 (см. §48).

чу не входит его выяснение. Тем не менее считаем важным подчеркнуть существовавшее в XVII веке в народе мнение, исключавшее возможность “сговора” между вольными казаками и богатыми солепромышленниками.

По народным представлениям, отразившимся в Кунгурской летописи, казаки, оказавшись в Строгановских владениях, решили пополнить свои запасы, самого же хозяина Максима Строганова “убити хотеша и жыта его разграбить, дом его и при нем живущих разорити”⁶⁸.

Строганов же, понимая, что ермаковцы силой возьмут провиант и снаряжение, тем не менее спрашивал: “Егда возвратится, на ком те припасы по цене взятии и кто отдаст точно или с лихвою”, а казаки на него “крикнуша”: “О мужик, не знаешь ли ты и теперь мертв, возьмем тя и расстреляем по клоку”⁶⁹; такая угроза действует: Максим “страхом одержим”, отворяет “анбары хлебные” и выдает все требуемое. Эти известия о взаимоотношениях ермаковцев со Строгановыми исследователи или относят непосредственно к числу “русских преданий Пермского края”⁷⁰, или видят в этом описании пребывания казаков в вотчинах Строгановых следы устного рассказа “стороннего наблюдателя”, очевидца⁷¹. Кроме того, Д.С. Лихачев отмечает, что своим рассказом Кунгурский летописец оспаривает версию сборов, по которой Строгановы призывают казаков и добровольно снабжают необходимым снаряжением⁷² (в летописи: “А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взямая с пристрастием, а не вовсе в честь или займы...”⁷³).

Действительно, рассказ летописца показывает (точнее, доказывает) то, что Строгановы просто не в состоянии противостоять нескольким тысячам казаков⁷⁴. И в местных преданиях, видимо, говорилось и о грозных требованиях казаков, и о необыкновенной силе дружины Ермака, и о том, что Строганов вынужден был уступить требованиям “разбойников” и выдать им на “всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья, и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуд сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти, и колико масла пудов, и знамена полковые с ыконами, всякому сту по знамени”; нагруженные добром, казачьи струги начали “под берегом тонуть”⁷⁵. “Эти подробности явно ле-

⁶⁸ Сибирские летописи, с. 315.

⁶⁹ Там же, с. 315.

⁷⁰ В.Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири, с. 92-93.

⁷¹ Е. Дергачева-Скоп, указ. работа, с. 96-97.

⁷² Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 414.

⁷³ Сибирские летописи, с. 315.

⁷⁴ У Строгановых было всего 350-400 работных людей – см.: А. Введенский. Указ. работа, с. 73.

⁷⁵ Сибирские летописи, с. 315.

гендарного характера”, - пишет Д.С. Лихачев⁷⁶. И с этим нельзя не согласиться. Заметим также, что позже, в XVIII-XIX вв., такое количество припасов всегда поражало воображение людей: не случайно некоторые переписчики, а позже историки начинали вычисления. Так, один из списков Ремезовской летописи сохранил следы примитивного подсчета: “А по запросу у Строганова запасов на 5000 человек: на одного по 3 пуда муки ржаной, пуд сухарей, по два пуда круп и толокна, двум полт свинины: пуд соли, безмен масла, рыб весом, итого по 10 пуд на человека припасу, на десять человек 80 пуд, а на 50 – 640 пуд, а не 100 – 1280 пуд, а на 1000 ...”⁷⁷. Конечно, подсчеты ничего не давали потому, что, как было уже отмечено, цифры Кунгурской летописи носят не реальный, а фольклорный характер – они заимствованы из местных преданий, которые, надо полагать, называли самое разное число ермаковцев, количество взятых у Строгановых пушек, ружей, припасов.... Летописец же, доверяя фольклорному источнику, пересказывает его, сохраняя не только смысл, но и многие выражения, обороты речи (“обмишелся”, “ворочаться”, “что мимоходом урвал, то и наша добыча” и т.п.) и, конечно же, сохраняет такие реалии, как: 5000, 7000 человек, “по три пуда муки ржаной”, “по три фунта пороху и свинцу”, “три полковые пушки”, “было у Ермака два (очевидно, три – В.Б.) сверсника – Иван Колцев, Иван Гроза, Богдан Брязга;”⁷⁸ “да три попа”⁷⁹, “ходиша на вогуличей 300 человек”⁸⁰ и др. Н.М. Карамзин был, несомненно, во многом прав, когда утверждал: подвиги Ермака, “как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, производили многие басни”, в которых “сотни Ермаковых воинов.... обратились в тысячи, месяцы действия – в годы, плавание трудное – в чудесное”⁸¹.

Путь ермаковцев пролегал по уральским рекам. В Кунгурской летописи их маршрут в Сибирь выглядит следующим образом: Волга-Кама-Чусовая-Сылва... В Сылву казаки заплыли по ошибке (“не попали по Чусовой в Сибирь и погребли по Сылве вверх”⁸²) и вынуждены были здесь зазимовать. Другие письменные источники XVII века об этой зимовке молчат. Зато местные предания XVIII-XX столетий повторяют версию Кунгурской летописи. Например, у П. Мельникова-Печерского зафиксировано предание, которое “говорит о Ермаке, что он, плывя вверх

⁷⁶ Д.С. Лихачев. Указ. соч., стр. 414.

⁷⁷ Сибирские летописи, с. 316.

⁷⁸ Сибирские летописи, с. 316.

⁷⁹ Там же, с. 316.

⁸⁰ Там же, с. 313.

⁸¹ Н.М. Карамзин. История государства Российского. – СПб, 1821, т. IX, с. 384.

⁸² Сибирские летописи, с. 313.

по Чусовой, ошибочно въехал в Сылву”⁸³; один из чусовлян рассказывал в 1959 году нечто подобное: “Ермак доходил до Кунгурского завода. По Сылве шел, дошел до Суксуна, вернулся по Сылве обратно и пошел вверх по Чусовой. Он разведку сделал, по каким рекам пройти. Он сперва пошел по Сылве – не получилось, он пошел по Чусовой вверх”⁸⁴. В предании советского времени изменился только характер оценки ошибки Ермака: вместо иронического “обмишенились” – “он разведку сделал”.

Такое совпадение довольно поздних народных преданий и данных Кунгурской летописи – данных уникальных, если говорить о дошедших источниках XVII в. – дает основание думать, что летописец заимствовал свои сведения из народной молвы. Кстати, о том, что она существовала, говорит и сам автор: ермаковцы дошли по Сылве до “урочища, Ермаково городище ныне словет”⁸⁵.

Думается, что местные предания послужили также источником для такого сообщения Кунгурского летописца: “...овии же поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чусовой, овии же оста(ша)ся на городище том,... вечно оселишася”⁸⁶. Н.Е. Косвинцев, собирая в конце XIX – начале XX вв. уральские топонимические материалы, столкнулся с фактом бытования предания, по которому сылвенская деревня Ермаки “основана казаками, отставшими от дружины Ермака Тимофеевича”⁸⁷. Местные жители рассказывали также, что ермаковцы были “первонасельниками” сылвенской деревни Кокуй⁸⁸, что рядом с Ермаками, а в районе дер. Петушки – это тоже на средней Сылве – “жил и разбоем кормился” один из бывших соратников Ермака”⁸⁹; в XIX в. в этой деревне еще стояла часовня конца XVI века⁹⁰, поставленная, по мнению местных жителей, ермаковцами. О часовне сообщает и Кунгурская летопись: “в мае” доспели обещаниям часовню на городище том”⁹¹.

Перезимовав в верховьях Сылвы, казаки спустились вниз и пошли по Чусовой до “Тагильского волока”. Но так как путь до него был незнаком, то они “не попали в устье, прошли выше в вершину и многие мешкоты в

⁸³ П. Мельников-Печерский. Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь. // “Отечественные записки”, 1840, т. IX, с. 41.

⁸⁴ Предания реки Чусовой. – Свердловск, 1961, с. 42.

⁸⁵ Сибирские летописи, с. 313.

⁸⁶ Там же, с. 314.

⁸⁷ Н.Е. Косвинцев. Материалы для областного словаря (О некоторых географических названиях). – ГАПО, ф. 837, д. 94, л. 14.

⁸⁸ Н.Е. Косвинцев. Материалы для областного словаря (О некоторых географических названиях). – ГАПО, ф. 837, д. 94, л. 15.

⁸⁹ Е. Дергачева-Скоп, указ. работа, с. 97.

⁹⁰ Там же, с. 96, 146.

⁹¹ Сибирские летописи, с. 314.

повороте до самой осени”⁹². Вернувшись с верховьев Чусовой, отряд казаков поднялся против течения по Серебрянке, затем “тяжелые суды покинуша на Серебрянке и легкие струги таскали через волок на Тагил реку”; зазимовали здесь же, на “Бую городище” строили “суды легкие”⁹³.

Несомненно, что и здесь летописец пересказывает местные предания, в которых говорилось и о брошенных судах, и о зимовке на Буй-городище. Эти предания слышал, например, С.У. Ремезов (по мнению А.И. Андреева, С.У. Ремезов об оставленных на Серебрянке ермаковских стругах узнал из местных преданий во время поездки на Урал и внес эти сведения в свой атлас, причем, он узнал об этом до того, как “в его руки попала Кунгурская летопись”)⁹⁴. Очевидно, уральцы лучше, чем кто-либо из летописцев, живших в Сибири, знали особенности местных путей и в преданиях при характеристике маршрута Ермака точно передавали все названия речек, урочищ, где проходили казаки, рассказывали также о брошенных “судах”, о местах кратковременных и длительных остановок.

Надо полагать, что местные жители, рассказывая о пути Ермака по Уралу, отмечали и его борьбу с аборигенами края. В Кунгурской летописи сообщается: казаки, зимую на Сылве, “в поход ходиша на вогуличей 300 человек и возвратишася с богатством”, продвигались по Чусовой вверх также “з боем”, зимую на “Бую городище”, ермаковцы “кормилися Вогуличами птицею, рыбою, зверем, якоже и они” и “многими бои улусы их погромили и рузледи много взяли”⁹⁵. В сообщении четко выражен характер военных действий казаков – это набеги.

Другие летописи борьбы Ермака с вогулами на Урале вообще не освещают. Очевидно, это объясняется тем, что Кунгурская летопись создавалась на основе местных преданий. На Урале предания о том, как Ермак вогул “дубиной крестил”, бытовали широко вплоть до XX века.

Итак, Кунгурский летописец верил местным преданиям и использовал их как источник фактической информации, пересказав многие из них. Правомерным, видимо, будет “вычленение” из его летописи следующих мотивов народных повествований:

Несколько тысяч ермаковцев ведут разбои на “Оке, Волге и на море”; казаки нападают даже на кызылбашских послов;

под напором царских войск казаки бегут с Волги, идут “с возвратом” разбивать город Сибирь;

⁹² Сибирские летописи, с. 314.

⁹³ Там же, с. 314.

⁹⁴ А.И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, выпуск I, XVII век, М-Л, 1960, с. 256-257.

⁹⁵ Сибирские летописи, с. 313, 314.

попав по пути в Сибирь в вотчины камских солепромышленников, казаки заставляют “мужика” Михаила Строганова выдать им все необходимое из продовольствия и снаряжения;

маршрут казаков в Сибирь: Волга-Кама-Сылва-Чусовая-Серебрянка-“Тагильский волок...”

на Сылве была вынужденная зимовка, построено городище, здесь же на Сылве, была поставлена часовня;

некоторые ермаковцы на Сылвенском городище “вечно оселишася”; в устье речки Кокуй, на “Буй городище” была вторая зимовка; “тяжелые суды покинуша на Серебрянке и легкие струги таскали через волок на Тагил реку”.

во время пребывания на Урале ермаковцам приходилось сталкиваться с вогулами: шли “з боем”, во время зимовок на Сылве и в устье Кокуя “ходиша на вогуличей”, “кормилися вогуличами”....

Кунгурский летописец дает также несколько сообщений о борьбе ермаковцев с зауральскими, сибирскими аборигенами; точность этих сведений (в возможных, конечно, случаях) проверялась в XVIII веке Г.Ф. Миллером, позже – другими исследователями.

Для нас важно подчеркнуть мнение исследователей относительно того, что сообщения Кунгурского летописца о событиях в Зауралье основаны на устных рассказах, может быть, преданиях, кем-то письменно зафиксированных раньше Кунгурского летописца. К примеру Д.С. Лихачев, анализируя “законченный повествовательный отрывок” о походе вниз по Иртышу Богдана Брязги, одного из пятидесятников отряда Ермака, отмечает, что это повествование “отличается большой точностью и реальностью наблюдения”, эта “чрезвычайная точность описаний всех деталей похода, мелочность некоторых указаний (например, то что приносившие ясак были в “цветном” платье) дает возможность исследователю предполагать, “что первоначальная запись о походе Богдана Брязги была сделана кем-то из участников похода”⁹⁶.

Следы использования источника фольклорного характера встречаются в этой части Кунгурской летописи довольно часто: так, рассказывая о разгроме татар княжца Печенга, летописец замечает, что трупами татар казаки “наполниша ... озеро”⁹⁷, и подтверждает это сообщение ссылкой на народную молву: “то озеро словет и до ныне Банное Поганое, полно костей человеческих”; у пелымского княжца Патлика ермаковцы перебивают всех “мужиков”⁹⁸, князь Елыгей приводит к Ермаку

⁹⁶ Д.С. Лихачев. Русские летописи, с. 415.

⁹⁷ Сибирские летописи, с. 325.

⁹⁸ Там же, с. 326.

“прекрасную дочь свою в честь в дар”, Ермак же поступает согласно правилам поведения положительно героя казачьего фольклора: “девку рода ханского” он “отверг и прочим запретил”⁹⁹; фольклорной гиперболизацией пронизан рассказ о взятии городка табаринца Бия: “ту убиша богатыря две сажени высоты и хотеша жива свести с собою, но не дался: ухватом человек десять загребет и того застрелиша на чудо”¹⁰⁰.

Учитывая наблюдения исследователей¹⁰¹, можно предположить, что в состав устной народной истории покорения Сибири входили предания:

- о столкновении казаков с татарами “на Карачине озере”;
 - о стремлении казаков “возвратится вспят в Русь”;
 - о бое возле “Паченки”, где было ранено “много казаков” и убито столько татар княжца Печенега, что их трупами наполнено было озеро;
 - о поимке “есаула” Ичимка;
 - о сборе ясака с тавдинских аборигенов;
 - о предсказании “шейтанщика” Ермаку: “Через Камень де хотя и думаешь, не пойдешь, и дорог нет, а воротишься и победишь Кучюма и царство возьмешь”;
 - о взятии “городка табаринца Бия”, где был бой “на малые часы”;
 - о бое с “мужиками” “пелымского княжца Патлика”;
 - о возвращении вниз по Тавде и зимовке возле озера Карачина;
 - о походе пятидесятника Богдана Брязги с казаками вниз по Иртышу¹⁰²,
- о походе навстречу бухарцам.

Могли входить в число первоначальных преданий рассказы о неправильно понятых обычаях аборигенов, мотивы “туземных” легенд; такие, как рассказ о Тайшетском камне, из которого “временем восходит стужа, дождь, снег”; о золотом хантском боге, будто ты привезенном в Сибирь “от Владимирова крещения”; о камлании шамана – в Чандырском городке ермаковцы будто бы наблюдали “великое болванское моление”: “их абыз шейтанщик могущее демоном чинити дива призыванием жертв их: проклятого связаше крепко и уткнул саблею или ножом в брюхо скрозь и держат связана, дондеже по вопросу всем скажет, и тогда выдернут из него нож или саблю, шейтанщик же став наточит пригоршни крови своей, выпьет и вымажется, будто весь цел, что и язв не знает”¹⁰³. Таким

⁹⁹ Там же, с. 342.

¹⁰⁰ Там же, с. 326.

¹⁰¹ Кроме ранее цитированных, см. также: Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 252, 256, 260 и др.; В.С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. II, кн. 2, Киев, 1908, с. 1298-1299.

¹⁰² Сибирские летописи, с. 326, 333, 334, 335.

¹⁰³ Там же, с. 325-326.

образом, можно сказать, что Кунгурская летопись — это не только “образец казачьего летописания”, но и своеобразный источник, содержащий массу мотивов и сюжетов ермаковских преданий XVII века.

Примерно в то же время, когда была создана Кунгурская летопись, появляется и “Сказание о происхождении Ермака”.

“Сказание о происхождении Ермака” было создано в 30—40 гг. XVII в. неизвестным книжником¹⁰⁴. Так как проверить истинность сведений, передаваемых этим произведением, невозможно из-за отсутствия каких-либо документов о происхождении, детстве, юности, подлинном имени покорителя Сибири, то все авторы, касаясь “Сказания”, либо отвергали его сведения как “сказочные”, либо принимали их на веру. Перед нами единственный источник, восходящий к XVII в. и именующий покорителя Сибири Василием Тимофеевичем Алениным. Забегая несколько вперед, следует сказать, что в первые десятилетия XV в. покорителю Сибири давалось по крайней мере 6—7 имен (ниже мы остановимся на этом подробнее). Поэтому автор “Сказания” не столько рассказывает о происхождении Ермака, сколько доказывает истинность своих сведений: так велико, видимо, было его стремление внести ясность, конкретность в существовавший разнбой в наименовании покорителя Сибири. И использует он те способы доказательства, что были в его распоряжении.

Во-первых, он объявляет, что Ермак “сам известие написал, откуда рождение его”¹⁰⁵. Это, пожалуй, самый главный аргумент автора. И он убеждал читателя XVII — частично XVIII в., судя по тому, что текст “Сказания” как достоверный включался в разные источники. Но уже в XVIII в. и позже читатели усматривали явное противоречие в сообщениях “Сказания”: утверждая, что Ермак сам написал о своем происхождении, автор давал описание такой бедности и даже нищеты всей “породы” Ермака, что мало кто из историков верил в то, что герой, выросший в такой обстановке, имел возможность стать грамотным. “Ничем не доказывается, чтобы Ермак был даже грамотный человек”, “это — сказка, думаю”;

¹⁰⁴ “Сказание” было включено в рукописный сборник XVII в. (на это обратил внимание Г.Н. Спасский), затем — в “Сказание Сибирской земли” (текст XVIII в., найден А. Дмитриевым). И.Л. Черепанов также внес “Сказание” в свою рукопись “без искажения или произвольного толкования”. См.: Андреев А.П. “Черепановская летопись” // Исторические записки. М., 1942. Т. 13. С. 322. О стилистической сниженности “Сказания”, принадлежности его к демократической литературе XVII в. см.: Фоменко Ю.В. Язык сибирских летописей XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962. с. 13—17 и далее.

¹⁰⁵ Сибирские летописи. СПб, 1907. С. 505.

это “темное предание” — подобные замечания о “Сказании” высказывались неоднократно¹⁰⁶.

Рассуждали исследователи вполне логично: мог ли Ермак сам составлять свою родословную, занимаясь грабежами и разбоями на Волге и затем спасаясь от грозного царского указа? Мог ли он сделать это в Сибири, в походных условиях: разве он предвидел свою скорую гибель, громадный общественный резонанс сибирского похода и всеобщий интерес к своей личности.

Перечисляя родственников Ермака, называя места их жительства, автор подчеркивает, что “его дед... жил в великой скудности и искал своей нищете перемены, старался сыскать пропитание... кормился извозом”, отец с братом тоже “от скудности искали себе лучшего пропитания”¹⁰⁷. Этот акцент на “нищете” деда, отца, других родственников героя сделан, конечно, не случайно. дело в том, что в первоначальных преданиях, существовавших задолго до обращения Киприана к казакам с просьбой составить “списки” боев Ермака, главный герой имел подчеркнуто бедное детство, отрочество, трудовую юность, в этих преданиях Ермак был “простым посадским человеком, имевшим вместе с отцом один топор на двоих”¹⁰⁸. И надо полагать, что к 30—40 гг. XVII в., когда создавалось “Сказание о происхождении Ермака”, уже существовала в фольклоре вполне оформившаяся биография покорителя Сибири, была уже фольклорная традиция в обрисовке всей жизни героя, и автор “Сказания” находится в русле именно этой традиции, когда живописует бедственное положение “породы” Ермака. Можно даже сказать, что автор “Сказания” дает Ермаку характеристику, идентичную фольклорной: для нас сейчас это — свидетельство фольклоризма “Сказания”, для читателей, слушателей XVII в. — свидетельство объективности автора, которому можно верить (очевидно, к этому и стремился автор).

Для убеждения читателя приводится и предание о Ермаке-кашеваре: Ермак, “еще когда находился в работе на судах” Строгановых, “за оказанные услуги при варении артельной каши” был прозван так, ибо “ер-

¹⁰⁶ См., например: Письмо Г.А. Розенкампа из С-Петербурга к графу К. Замойскому в Варшаву // Москвитин. 1852. [8], авг., кн. 2. С. 424; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 341; Иловайский Д.И. Ермак и покорение Сибири // Русский вестник. 1889. Т. 163, сентябрь. С. 11. Разумеется, защитники документальности “Сказания” предпочитают не замечать указанного противоречия в его сообщениях — см., например: Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 89—90. Современные историки также считают сомнительным утверждение, что Ермак сам написал собственную родословную — см., например: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 173.

¹⁰⁷ Черепамовская летопись // Рук. отд. РНБ, ф. 4, д. 324, л. 1.

¹⁰⁸ См. об этом: Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 116—117.

мак по их назывался дорожной артельной таган, либо по вольскому наречию также ермаком называется жерновой ручной камень¹⁰⁹. Н.М Карамзин по поводу рассматриваемого сказания писал: “Это — сказка, думаю”. То есть историк справедливо считал, что “Сказание” является произведением, сотканным из сведений фольклорного характера. Поэтому использовать их нужно критически. Однако полное отсутствие документальных данных о происхождении Ермака заставляло почти всех без исключения авторов XIX в. пересказывать одну из народных “сказок” первых десятилетий XVII столетия. Одни это делали с оговорками, другие — чаще — без оговорок. И получилось так, что к концу XIX в. ее пересказали в центральной и провинциальной печати, переложили в массовых изданиях (в журналах для школьных библиотек, специальных брошюрах для солдат и т.д.) сотни и сотни раз. Она настолько прочно вошла в научную и учебную литературу, что появились защитники истинности ее сообщений (главным образом в лице А. Дмитриева — в XIX в. и в лице А.А. Введенского — в XX в.). В конце XIX в. была даже дискуссия, участники которой пытались установить подлинное имя покорителя Сибири.

Фольклоризм “Сказания о происхождении Ермака” и вопрос об имени покорителя Сибири тесно связаны. Поэтому мы вынуждены обратиться к упомянутой дискуссии. Итоги ее подвел Е. Кузнецов; оказалось, что покорителю Сибири в разное время и разными авторами давалось семь имен: Ермак, Ермил, Еремей, Василий, Тимофей, Герман, Ермолай¹¹⁰.

Позднее в рамках этой дискуссии были и другие публикации, но они ничего нового не добавили к ранее высказанным доводам в пользу того или иного имени¹¹¹. Многие историки пытались найти архивные материалы, безусловно подтверждающие, что Ермак — это Ермолай, Василий... К сожалению, никому это не удалось. Ситуация тупиковая: все исследователи правы понемногу и в то же время неправы.

Еще в XVIII в. было замечено, что в народной речи имена Ермак и Ермолай иногда взаимозаменяются¹¹², что Ермолай “по просторечию — Ермак” (выражение А.Н. Радищева). Позже, в XIX в., Н. Енгальчев писал об этом очень точно: “Ермак в устах народа то же самое, что и Ермо-

¹⁰⁹ Черепановская летопись. Л. 10б.

¹¹⁰ См.: Кузнецов Е. Сказания и догадки о христианском имени Ермака. Тобольск, 1890. С. 5.

¹¹¹ См.: например: Оглоблин Н. К вопросу о христианском имени Ермака // Библиограф. 1894. Вып. 1. С. 23—26; Воронихин А. К биографии Ермака // Вопросы истории. 1946. 1(1). С. 99—100.

¹¹² Г.Ф. Миллер первый отметил это - см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л, 1937. С. 212.

лай, что доселе можно слышать в русских деревнях, например, в Тамбовской губернии”¹¹³. В Словаре личных имен под ред. С.П. Левченко — работе советского времени — также значится: “Ермолай, реже Ермак”¹¹⁴.

Подобные факты — а их число можно увеличить примерами из статей “сторонников Ермолая” — довольно красноречивы, но мало что доказывают, хотя бы потому, что в устах народа Ермак не только Ермолай, но и Гермоген¹¹⁵, и Еремей¹¹⁶. П.Н. Буцинский обратил внимание историков на народные исторические песни, где герой, как известно, называется не только Ермаком, Ермолаем, но и Ермилом. Таким образом, получается ряд имен: Ермак — Ермолай — Гермоген — Еремей — Ермил. Практика употребления их в разных районах России заставляет считать пары Ермак — Ермолай, Ермак — Еремей, Ермак — Гермоген, Ермак — Ермил антропонимическими синонимами. Народ употреблял эти имена как синонимы скорее всего потому, что их первая часть, несущая, как известно, всегда основную информацию, одинакова: ерм- (Гермоген в просторечии — Ермоген). И думается, нельзя утверждать, что покоритель Сибири был Ермилом или Ермолаем, на основании только синонимичности указанных имен. Между тем многие авторы начиная с Г.Ф. Миллера (точнее, с С.У. Ремезова) так и поступали.

Получилась путаница. Чтобы как-то из нее выбраться, некоторые авторы стали давать Ермаку одно имя — явное, второе — тайное, третье — прозвищное (точка зрения К. Кузнецова) и утверждать, что “по-настоящему” покорителя Сибири звали Ермолай — Василий — Ермак. Итак, разной в наименовании покорителя Сибири историками оказался возможным потому, что они опирались на народную интерпретацию имени Ермак и на фольклорные произведения (главным образом — на исторические песни). Естественно возникает вопрос: почему же народ давал покорителю Сибири разные имена?

Ответ на этот вопрос не может быть кратким. Прежде всего следует остановиться на нескольких обстоятельствах. Во-первых, слово ермак, как свидетельствует одно из произведений первой половины XVII в., означало в то время “артельный таган” и “жерновой мельниц ручной”¹¹⁷. В словаре В.И. Даля это слово отмечено как просторечное со значением “жернов для ручных крестьянских мельниц”. Этимологические сло-

¹¹³ Цит. по: Кузнецов Е. Указ. соч. с. 9.

¹¹⁴ См.: Словник власних имен людей. Киев, 1949. С. 49.

¹¹⁵ В Устьяновском говоре Северодвинского округа по списку, составленному М. Романовым, “имя Ермака означает Гермогена и Ермолая”, см. об этом: Чернышев В.И. Несколько замечаний об украинских и русских именах // Мовознавство. 1948. Т. 6. С. 72.

¹¹⁶ Пуцилло Н. К вопросу, кто был Ермак Тимофеев, покоритель Сибири // Русский вестник. 1881. Т. 156, ноябрь. С. 228.

¹¹⁷ См. об этом: Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 5. Пермь, 1894. С. 139.

вари дают еще ряд значений, близких к указанным. Во-вторых, надо сказать о том, что в XVI—XVII вв. слово ермак было прозвищем. Так, Т.Н. Кондратьева склонна предполагать, что “в XVI – XVII вв. ермаками назывались: 1) землепроходцы, люди смелые и отважные; 2) бедняки, разоренные и измученные нищетой и бесправием, но не покоренные, вольные, артельные люди; 3) инициаторы какого-либо общего дела... В конце XVI—XVII вв. ермаками звались целовальники...”¹¹⁸. Далее исследовательница справедливо отметила нарицательность имени Ермак, зафиксированную еще В.И. Немировичем-Данченко: “У нас Ермака не было, — говорил В.И. Немировичу-Данченко один уралец. — Ермачки были... Ермак — он выше прошел... Он чужой нам совсем. У нас свои Ермачки... А тоже всякую чудь воевали. По разным таинкам да падым чудь всякая жила, ну, наши Ермачки ее и воевали... Это, брат, все тут кровью полито... Ермачки ушли дальше, а по следу отцы наши и деды появились сюда. Сколько же было Ермачков? Разных много... Все это после Ермака настоящего было”¹¹⁹. Любопытный рассказ пришлось мне услышать в Верхнесалдинском районе Свердловской области во время фольклорной экспедиции. Спросил у старушки, знает ли она Ермака, в надежде услышать что-нибудь о покорителе Сибири, а услышал следующее: “Знаю, был у нас в деревне мужик, Ефим Трифонович звали. Рысковый был мужик, царство ему небесное. Не шибко и любили его — дерзкий он был и пакостливый: коней, коров воровывал. Ведь что? Возьмет корову в лапти обует и уведет, следа не оставит. Раньше народ простой, доверчивый был — замков не вешали. По имени его никто не звал, а по прозвищу: Ермак Трифонович, а то просто — Ермак”¹²⁰. Совершенно очевидно, что на Урале имя Ермак было также нарицательным и им называли не только смелых и отважных инициаторов какого-то общего дела, но и людей дерзких, “пакостливых”, “рысковых”, совершавших неблагоприятные дела местного, деревенского масштаба.

Проще всего было бы сейчас перейти к утверждению, что покоритель Сибири как предводитель казаков, как человек, “измученный нищетой и бесправием, но не покоренный, вольный”, носил прозвище Ермак. Именно по этому пути пошла Т.Н. Кондратьева, впрочем, как и историки XIX в.: Н.М. Карамзин, Н. Пуцилло, А. Дмитриев и др. Но ведь есть факты

¹¹⁸ Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 25. Можно еще добавить, что ермаками назывались не только целовальники, но и “фабричные кулачные бойцы” — см.: Русские народные картинки / Собрал и описал Д.А. Ровинский. СПб., 1895. Т. 4. С. 82.

¹¹⁹ Кондратьева Т.Н. указ. соч. с. 22.

¹²⁰ Записано от П.П. Малыгиной, 88 лет, д. Малыгина Верхнесалд. р-на летом 1966 г. Хранится в фольклорном архиве каф. фольклора и древней литературы Урал.о гос. ун-та им. А.М. Горького.

и другого порядка. А. Никитский, например, обратил внимание на то, что в новгородских переписных книгах XV—XVI вв. значатся десятки Ермаков¹²¹, другой автор XIX в. склонен был утверждать, что Ермак — имя, которое “было частью древненовгородской жизни”, затем “спустилось по Северной Двине, Вятке и Волге на Дон”, причем оно “могло быть занесено в эту окраину (т.е. на Дон. — ВВ.) не как нарицательное, а как имя собственное”¹²². Если возьмем Приуралье, то уже в Писцовой книге И. Яхонтова 1579 г. значится Ермак Зырян и Ермак Михайлов¹²³ по Писцовой книге М. Кайсарова 1623—1624 гг. — три Ермака: Федоров, Ондреев, Тимофеев (про последнего сказано так: “Пуст дом Ермачка Тимофеева, сошел он безвесно”¹²⁴); в Переписной книге П. Елизарова 1647 г. отмечены “бобыль Ермачко” и “Федка Спиридонов, у него сын Ермачко”¹²⁵. Все эти Ермаки жили в бывшем Чердынском уезде. Жили люди с таким именем и во владениях Строгановых: в деловых бумагах 1583 г. названы Ермак Морок и Ермак Езовщик¹²⁶, были Ермаки и на Среднем Урале во второй половине XVII, в.¹²⁷; известно, что в конце XVI в. одним из отрядов русской армии под Могиловом командовал некий Ермак Тимофеевич, а в 1628—1629 гг. на Енисее с 50 казаками был Ермак Осташев; наконец, отметим, что в свое время даже в отряде Ермака “два казака были ему тезками”¹²⁸. Если одни исследователи полагают, что Ермак — прозвище в XVI—XVII вв., то другие утверждают, что это имя¹²⁹.

Практика употребления именования Ермак в официальных документах заставляет полагать, что перед нами скорее всего имя, но не христианское — его нет в святцах, а “мирское”, еще, вероятно, сохранившееся в XVI—XVII вв. “аромат” прозвища, но все-таки часто употреблявшееся народом как имя; позже, в XVIII—XIX вв. права гражданства за этим именем закрепились настолько, что оно было даже внесено в Славянский

¹²¹ См.: Никитский А. Заметка о происхождении имени Ермак // Журн. Министерства народного просвещения. 1882. [5] май. С. 135-138.

¹²² Ознобишин Е. По поводу слова “казак” // Казачий вестник. 1883. № 32.

¹²³ Рук. отд. РГБ, ф. 256, д. 308, л. 1, 46.

¹²⁴ Там же, л. 107, 110, 133.

¹²⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 351, л. 52, 231.

¹²⁶ А.А. Введенский нелогичен. Он пишет: “Замены имен прозвищами известны во множестве по деловым на строгановских людей. Так, по деловой 1583 г., сентября 22 в числе дворовых ... имеется Ермак Морок, а по деловой 1583 г., сентября 25 тому же .. Строганову достался Ермак Езовщик (от езы — колья, которыми перегораживали реку для задержки и вылавливания рыбы)” Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 89. Очевидно, в цитируемых документах люди носят имя Ермак и прозвища: Морок и Езовщик.

¹²⁷ ГАПО, ф. 587, оп. 1, д. 10, л. 1, 2.

¹²⁸ Буцинский Н.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 1.

¹²⁹ См.: Соколов П.И. Русские имена и прозвища в XVII веке // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1891. Т. 9, вып. 1. С. 18.

именослов¹³⁰. Нет ничего невероятного в том, что слово ермак в XVI—XVII вв. и позже употреблялось в некоторых районах России (на Волге, например) для обозначения предметов (таган, малый жернов) и в то же время служило прозвищем и было мирским именем. По крайней мере, факты, приведенные выше, заставляют сделать такой вывод. Кроме того, следует обратить внимание на то, что люди, лично знавшие покорителя Сибири, называют его в официальных документах уважительно: Ермак Тимофеевич. Так он назван в “Написании”, составленном казаками, служившими вместе с Ермаком, и поданном тобольскому архиепископу Киприану Старорусенкову; под этим именем он был занесен в Синодик, который включил Савва Есипов в свою летопись; Ермаком называли своего атамана в челобитной два других казака, служившие с ним “в поле” много лет¹³¹. Под этим именем он был известен в вотчинах Строгановых в конце 70-х — начале 80-х гг. XVI в., судя по “опальной” грамоте от 16 ноября 1582 г. Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым. Это известные документы, и они позволяют без натяжек утверждать, что в казачьей среде в 70—80 гг. XVI в. и позже — в первые три десятилетия XVII в. — среди казаков, лично знавших покорителя Сибири, в официальных документах он назывался Ермаком. Летописи (кроме “Нового летописца”) сохраняют это имя героя; в них его наименования имеют свою закономерность: в начале повествования он называется Ермаком Тимофеевым¹³² или Ермаком Тимофеевым сыном¹³³ или Ермаком Тимофеевым сыном Поволским¹³⁴, т.е. дается его полное паспортное имя, а по ходу рассказа герой чаще всего именуется просто Ермаком. Любопытен в этом отношении Бузуновский список Есиповской летописи: в начале герой назван Ермаком и именуется так до тех пор, пока будто бы царь “не указал... впредь писать Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичу Поволскому”¹³⁵, и далее летописец уже уважительно именует героя: князь Ермак, князь Ермак Тимофеевич, князь Ермак Тимофеевич Поволской. Как видим, и в сознании летописцев XVII — начала XVIII в. Ермак — имя, а не прозвище.

¹³⁰ Морозкин М. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен. СПб., 1867. С. 83.

¹³¹ См.: Буцинский Н.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 108—109.

¹³² См. об этом: Строгановская летопись по спискам Спасского, Толстовскому, Афанасьевскому, Есиповская по Сычевскому и Погодинскому спискам.

¹³³ См. об этом: Есиповская летопись по спискам Ундольного и Румянцевскому.

¹³⁴ См. об этом: Есиповская летопись по Аввакумскому, Коркуновскому спискам; Кунгурская летопись.

¹³⁵ См.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 300.

Если в письменной традиции и в казачьей среде, где были сослуживцы храброго атамана, сохранялось одно имя — Ермак, то среди казаков, работных людей, крестьян, где не было людей, лично знавших Ермака, не было, вероятно и единого наименования героя. Так, имя героя не унифицировано в исторических песнях: по подсчетам Л.С. Шептаева, официальное имя Ермак с “изотчеством” наличествует только в 47 из 80 известных песенных вариантов¹³⁶. В остальных случаях герою даются такие имена: Ермил Тимофеевич, Ермошенька Тимофеевич, Ермоша Ермолаев, Ермоха Тимофеевич¹³⁷. Причем исследователь заметил, что разноречие в наименовании покорителя Сибири имеется лишь в двух песнях — “Поход голытьбы под Казань” и “Разбойный поход на Волгу”, во всех остальных имя героя унифицировано. Это положение Л.С. Шептаев объясняет тем, что песни “Поход голытьбы...” и “Разбойный поход” являются песнями “чисто волжского разбойничьего происхождения и наиболее ранними” — они появились в то время, когда имя покорителя Сибири Ермака Тимофеевича “либо не было еще широко известным, либо еще официально не уточнилось”¹³⁸.

По мнению Б.Н. Путилова, разноречие в наименование героя объясняется тем, что “в процессе длительного бытования песня получила различное конкретное приурочение”¹³⁹.

К изложенным версиям можно добавить, на наш взгляд, следующее. Во-первых, что исторические песни отразили уже отмеченную нами нарицательность имени Ермак. В указанном сборнике Б.Н. Путилова и Б.М. Добровольского можно найти такие примеры:

Говорит ермак Степан сын Тимофеевич...

(№ 334)

Или:

Собирались ермаки во единый круг,
Атаманом был Ермак Тимофеевич,
Есаулом был ермак со Дунай-реки
Лосташка Лаврентий сын.

(№ 335)

Исполнителя не смущает, что атаманом ермаков был Ермак Тимофеевич, а есаулом — ермак Лосташка; здесь ермак является одновременно и собственным именем, и словом для обозначения вольных казаков.

¹³⁶ Шептаев Л.С. Песни Разинского цикла и песни о Ермаке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1966. Т. 309. С. 6.

¹³⁷ Там же, с. 7.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Исторические песни XIII-XVI вв. // Изд. подготовили Б.Н.Путилов, Б.М.Добровольский. М.; Л, 1960. С. 677.

Во-вторых, подсчеты Д.С. Шептаева, о которых мы уже упоминали, не совсем точны. В сборнике Б.Н. Путилова и Б.М. Добровольского к ермаковским отнесено 80 песен, из них в шести имя атамана вообще отсутствует, из оставшихся 74 текстов главный герой назван Ермаком или Ермаком Тимофеевичем в 55 песнях, остается 19 песен, где в имени атамана полный разнобой, он носит имена: Ермил Тимофеевич, Ермилушка, Ермоха Тимофеевич (причем этот Ермоха далее именуется Ермаком — см. № 314), Ермолай Тимофеевич, Степанушка, Стенюшка, Степан Тимофеевич, Никитушка Романович, Микитушка Романыч, Микитушка Тимофеевич, Матвеюшка Тимофеевич, Микита сын Иванович. И главное, этот разнобой наблюдается только в тех песнях, которые бытовали не в казачьей, а в крестьянской среде; эти песни записаны в Симбирской, Нижегородской, Казанской, Саратовской губерниях (см. №№ 308—316, 318—319, 322, 324 и др.).

Среди волжских “разбойников” начиная со второй половины XVI в. было много знаменитых атаманов, “податаманьев”, есаулов и т.п. Их имена донесли до нас фольклорные произведения, сибирские летописи, царские грамоты. Очевидно, что в XVIII в. в исторических песнях фигурировали и “простые” атаманы и есаулы, и “большой атаман”, “большой есаул”. Так, в сборнике К. Данилова: “втапоры ж подымались атаманы казачие (здесь и далее в цитатах курсив мой. — В.Б.) Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич, Анофрей Степанович”, но “втапоры говорил им большой атаман Ермак Тимофеевич”, “большой атаман Ермак Тимофеевич приказал”, “большой есаул Стафей Лаврентьевич сказал...”. А в XIX в. картина меняется. Народ уже не представлял четко состав, структуру былых “разбойничьих” группировок, их “командный состав”; в народном представлении волжские “разбойники” — это единое войско, единая дружная казачья семья, где только один атаман и один есаул, поэтому сохранившиеся в памяти имена “больших атаманов”, “больших есаулов” и других лиц из числа “командиров” смешиваются. К имени Ермака Тимофеевича, за которым утверждалась слава покорителя Сибири, уже в XVII—XVIII вв. притягивались дела других “разбойников”. Однако в Поволжье слово ермак употреблялось для обозначения “жернового ручного камня”, поэтому Ермак хотя и изображается в песнях Поволжья как единственный предводитель волжских “разбойников”, к его имени подбираются синонимы (Ермолай, Ермил). В то же время в числе его подчиненных оказываются все остальные “большие есаулы”, атаманы: и реальные лица, такие, как Иван Кольцо, и неизвестные нам Самбур Андреевич, Анофрей Степанович, и люди совсем других эпох — Степан Разин, Ванька Каин, Иван Мазепа и даже Гришка Отрепьев.

Надо полагать, что в конце XVI — начале XVII в. имя Ермак имело

оттенки прозвища, улавливаемые теми, кто пел и рассказывал о Ермаке. В то время покоритель Сибири в представлении народных масс был героем, который завершил окончательный разгром врагов Руси — татар, и этот разгром осмыслился народом как событие общенационального значения. Покоритель Сибири даже вводится в число основных богатырей русского былевого эпоса; это — честь, которой удостаивался далеко не каждый герой¹⁴⁰. В глазах масс Ермак — сибирский князь, народное воображение наделяет его чертами настоящего “мужицкого” царя, с его образом связываются самые возвышенные народные представления. И вдруг такая параллель, совершенно снижающая образ: ермак — “таган, мельничный жернов”. Пристало ли сибирскому князю носить такое “не царское” имя? К тому же “имя Ермак в XVII веке употреблялось исключительно между казаками, посадскими людьми, крестьянами... и ни одного боярина, наместника, воеводы, головы и даже дьяка под этим именем неизвестно”¹⁴¹. Конечно же, народ это отлично осознавал и, видимо, поэтому пытался заменить в своих сказаниях, песнях столь не благозвучное в то время имя покорителя Сибири антропонимическими синонимами.

Только исходя из этого обстоятельства можно, например, объяснить, почему С.У. Ремезов ввел в историю покорителя Сибири под именем Герман (и Н.М. Карамзин его поддержал). С.У. Ремезов и в Сибири, и в поездках по Уралу мог слышать в сказаниях, легендах, в разговорах такой вариант (Герман в просторечии Ерман), показавшийся ему наиболее подходящим для “велеречивого ратора”.

В фольклорных произведениях мирское имя покорителя Сибири, вероятно, заменялось не только антропонимическими синонимами, но и другими именами, придумывались для Ермака Тимофеевича и фамилии. Ведь записывал же в XIX в. П.Н. Рыбников:

Появился к вам сибирский царь,
Сибирский царь Ермак Тимофеевич,
Ермак Тимофеевич Бургомиров¹⁴².

Здесь речь идет о покорителе Сибири, хотя он и Бургомиров. Стихийный процесс переименования героя вызвал к жизни предание о Ермаке-кашеваре. Это предание позволило абсолютно всем рассказчикам, имевшим покорителя Сибири не Ермаком, а как-нибудь иначе, доказать свою правоту. Совершенно очевидно, что любому рассказчику, преж-

¹⁴⁰ Сомнение на этот счет высказал С.Н. Азбелев — см.: Азбелев С.Н. Два Ермака в русском фольклоре // Русская речь. 1982. № 4. С. 119—121.

¹⁴¹ Кузнецов Е. Сказания и догадки о христианском имени Ермака. Тобольск, 1890. С. 22.

¹⁴² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1910. Т. 2. С. 720.

де чем называть как-то покорителя Сибири, нужно было объяснить собеседникам, почему его прозвали Ермаком. Для объяснения бралась самая близкая, всем известная параллель: ермак — артельный таган, жернов — и рассказывалось, что в юности герой был кашеваром в артели, поэтому и получил такое прозвище, а на самом деле его звали Ермил (Ермолай, Василий...) и фамилия у него была Бургомиров (Аленин, Бугреев...). Истории известны по крайней мере три казачьих атамана Ермака, сотни крестьян, казаков, носивших такое имя, — ясно, что все они были так названы (или прозваны, в данном случае безразлично) не потому, что в отрочестве, юности были кашеварами. Конечно же, это предание XVII в. основано на вымысле.

Поскольку речь зашла о легендарном Ермаке-кашеваре, то вернемся к “Сказанию о происхождении Ермака”. Автор “Сказания” был человеком эрудированным; ему не откажешь в наблюдательности, знании народной речи, народного творчества. Например, он отмечает значение слова ермак в Приуралье — “дорожной артельной таган” и “по вольскому наречию” — “жерновой ручной камень”; из ермаковских преданий своего времени он выбрал наиболее распространенный вариант — были и такие предания в XVI в., в которых атаман именовался Ермаком, а прозвищем объявлялось другое — Токмак, весьма близкое по звучанию и значению к Ермак. На это указывает Есиповская летопись по Погодинскому описку: “... прозвище ему было у казаков Токмак”. Токмак означал “пестик для дробления зерен в ступке”, т.е. предмет, связанный непосредственно с приготовлением продуктов. Такая параллель (ермак — токмак) не противоречила, а также подтверждала в устах рассказчиков “истинность” предания о Ермаке кашеваре и сохранилась в рассказах стариков-уральцев до наших дней¹⁴³.

Разнобой в наименовании покорителя Сибири в фольклорных произведениях, видимо, во второй половине XVII века начал постепенно исчезать. Процесс унификации имени героя был длительным и продолжался в прозаических жанрах скорее всего до начала, а в песнях — до конца XVIII в. (вспомним замечание Г.Ф. Миллера, Н.А. Радищева). Фальк в 1786 г. назвал покорителя Сибири Тимофеем, никак это не объяснив; может быть, он слышал нечто подобное во время своего путешествия; но уже ни у одного автора XIX в. мы не найдем записи или пересказа предания, где бы герой именовался не Ермаком, а как-то иначе. Зато песни с их закреплённостью текста сохранили разнобой в наименовании героя вплоть до XX в. и послужили для некоторых историков источником аргументации в пользу Ермолая или Ермила.

¹⁴³ Дергачева-Скол Е.И. Указ. соч. С. 113, 149.

Унификации имени Ермака в значительной степени способствовала церковь. В конце 30-х гг. XVII в. провозглашение “вечной памяти” Ермаку стало особым обрядом поминовения в неделю православия. К этому времени, судя по песням, преданиям, существовала масса наименований героя, кроме того, бытовало предание, объясняющее, что Ермак — прозвище. Церковнослужители, вероятно, сочли неудобным провозглашение памяти по всей сибирской епархии “жерновому камню”, “тагану”. Но и произвольно называть покорителя Сибири не было смысла. Поэтому был взят один из самых распространенных антропонимических синонимов — Ермолай. При Нектарии (он был сибирским архиепископом до 1640 г.), а затем и при Герасиме скорее всего и шло поправление синодиков, в которых Ермак становился Ермолаем. При этом в синодиках не только исправлялось имя атамана, но вносились и новые имена, производилась их перегруппировка и т.п. Позже, в XIX в., это вынуждены были констатировать те же церковнослужители, например епископ Мелетий, сличавший старый синодик Нерчинско-Успенской монастырской церкви с другими сибирскими синодиками¹⁴⁴. Следовательно, все синодики, называющие Ермака Ермолаем, по документальности стоят рядом с фольклорными произведениями.

Замена мирского имени покорителя Сибири христианским в фольклорных произведениях была связана с идеализацией образа храброго атамана и явилась своеобразным показателем отношения широких масс к Ермаку, поднятому на пьедестал национального героя.

Связь с действительностью всех фольклорных произведений, изменявших имя героя, в том числе и предания о Ермаке-кашеваре, проявилась в отражении эволюции эстетических вкусов народа — уже в начале XVII в. мирские имена давались только простым крестьянам и рабочим людям¹⁴⁵, и то редко, покоритель же Сибири в представлении народных масс был выдающейся личностью, которой не пристало носить такое имя.

“Сказание о происхождении Ермака” — это скорее всего одно из письменных оформленных народных сказаний первой половины XVII в., когда создавалась поэтическая биография покорителя Сибири. Фольклоризм “Сказания” очевиден. Наименование Василий Тимофеевич Аленин — один из вариантов, который в фольклоре широкого распространения

¹⁴⁴ Мелетий, епископ. Подлинное христианское имя покорителя Сибири Ермака Тимофеевича // Иркутские епархиальные ведомости. 1883, № 37 (прибавления). Показательно, что сам Мелетий называет имя Ермак “вульгарным”. Вероятно, таким же “вульгарным” считали его и церковные деятели XVII в.

¹⁴⁵ Кроме указанного наблюдения Е. Кузнецова, сошлемся еще на мнение А.И. Соколова. См.: Соколов А.П. Русские имена и прозвища а XVII веке // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1891. Т. 9, вып. 1. С. 3.

не получил. Поэтому кажется странным утверждение одного из защитников документальности анализируемого “Сказания” А. Воронихина: “В многочисленных уральских сказах и легендах Ермака называют Василием Тимофеевичем Алениным”¹⁴⁶. А. Воронихин приводит единственный пример — сказ П.П. Бажова “Ермаковы лебеди”, других же примеров нет ни в полном, ни в сокращенном вариантах его работы, ибо подобных “многочисленных” сказов в уральском фольклоре просто не существует¹⁴⁷. Если П.П. Бажов назвал своего героя В.Т. Алениным, то это еще мало что значит: о Ермаке написаны сотни рассказов, повестей, романов, стихотворений, поэм, литературных сказов¹⁴⁸; погрузившись в это море беллетристики, можно выискать какой угодно пример. Но если даже допустить, что П.П. Бажов слышал еще в детстве где-нибудь в Сысерти, Полевском, Екатеринбурге предания, в которых Ермак именовался Василием, то можно ли утверждать, что покорителя Сибири действительно звали В.Т. Алениным? Думается, нет. Это один из вариантов. Разнобой в наименовании покорителя Сибири существовал уже в первые десятилетия XVII в., затем постепенно исчезал, но так и не исчез до конца XIX в. — ведь во второй половине XIX в. П.Н. Рыбников записывал песню, в которой Ермак — Бургомиров. Запись П.Н. Рыбникова сделана именно от уральцев — крестьян Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Очевидно, что Ермак такой же Аленин, как и Бургомиров.

“Сказание о происхождении Ермака” обладает такой же достоверностью, как исторические песни, народные предания. Другого вывода при современном состоянии документальных материалов о Ермаке, его происхождении, видимо, не следует делать.

К источникам XVII века, вобравшим в себя фольклорные сведения, следует отнести также произведения Н. Венюкова и Ю. Крижанича.

Н. Венюков в 80-х годах XVII века составил “Описание новые земли Сибирского государства”. Создал он свой труд не “по заказу”: просто

¹⁴⁶ Воронихин А. К биографии Ермака // Вопросы истории. 1946. Ка 10. С. 99; см. также: Он же. Ермак Тимофеевич — Василий Тимофеевич Аленин // Прикамье. 1941. № 3.

¹⁴⁷ Своим необоснованным утверждением, будто на Урале бытуют легенды о В.Т. Аленине, А. Воронихин ввел в заблуждение не только краеведов и авторов популярных брошюр, справочников для туристов и т.п., но и ученых. Исследователи, ознакомившись со статьями А. Воронихина, стали считать, что уральские устные рассказы и предания называют его (Ермака. — В.Е.) Василием Тимофеевичем Алениным — см.: Александрова Е.А. К вопросу о методике анализа исторических песен. // Уч. зап. Даугавпилс. пед. ин-та. 1959. Вып. 3. С. 102; “В многочисленных уральских сказах и легендах Ермака называют В.Т. Алениным” — см.: Кондратьева Т.П. Указ. соч. С. 21.

¹⁴⁸ См.: Кузнецов Е. Библиография Ермака. Тобольск, 1891.

изложил свои сведения в большей степени через собственное восприятие, не заботясь о ссылках на достоверные источники и не думая о доказательствах каких-либо тенденций, так характерных для сибирских повестей официального направления”¹⁴⁹. В географический текст “Описания новые земли” инкорпорирована история о завоевании казаками Сибири. Эта история, “как и Кунгурская летопись,... тесно связана с Прикамьем” и основана на устных сведениях¹⁵⁰. Известно, что в народных исторических песнях “разбойная” биография Ермака начинается чуть ли не с начала 50-х годов XVI века, в песнях он – даже участник взятия Казани. Думается, что под воздействием исторических песен (если учесть огромную веру народа в истинность сведений, сообщаемых ими) и в предания могли совмещаться Ермак – участник боев за Казань и Ермак – покоритель Сибири. В значительной степени это подтверждается фольклорными мотивами, попавшими в историю о завоевании Сибири из “Описания новые земли” Н. Венюкова, который “впервые в сибирской историографии XVII века начинает изложение истории присоединения Сибири со взятия Казани”¹⁵¹. Н. Венюков, проезжая через Урал, вероятно, слышал местные предания о Ермаке и использовал их при написании своего произведения; он, например, хронологически связывает взятие Казани и появление на Волге ермаковцев и, таким образом, “обнаруживает истоки своего сочинения, идущие из устной народной традиции”¹⁵². Известные ему фольклорные сведения Н. Венюков передает так: “Вскоре после взятия Казани на Волге начали разбойничать “самовольные казаки с атаманом своим Ермаком Тимофеевым сыном”, они “грабили и воровством своим проезду не давали”, “многую пакость всякого чина людям русским чинили”; царь об этом знал и “многие посылки своих ратных людей на них посылал”, но казаки их “побивали”, наконец, Грозный послал “множество ратных людей водою на судах и горою на конях”, тогда Ермак “убоялся” и ушел на Каму¹⁵³. Как видим, ермаковцы грабят только “русских всякого чина”, подвергались ли нападению казаков нерусские торговцы, а также царские послы, неизвестно. И еще одна важная деталь: ермаковцы неоднократно “побивали” “ратных людей” Грозного.

Надо полагать, трактовка взаимоотношений ермаковцев со Строгановыми в духе литературной традиции была уже во второй половине XVII века настолько распространенной, что существование в народе

¹⁴⁹ В.Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири, с. 98.

¹⁵⁰ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 48-49.

¹⁵¹ В.Г. Мирзоев, указ. работа, с. 100.

¹⁵² В.Г. Мирзоев, указ. работа, с. 100.

¹⁵³ Сибирские летописи, с. 367-368.

другого, отличного от официального, взгляда на эти отношения не воспринимались некоторыми авторами XVII века как открытие, и они стремились охарактеризовать взаимоотношения камских солепромышленников и волжских “воров” на основе именно фольклорных источников, которые им представлялись важными, любопытными, несущими истинные сведения. Так поступил, в частности, и Н. Венюков. Не случайно один из вариантов повести о покорении Сибири, инкорпорированной в “Описание новые земли...”, озаглавлен в известной хрестоматии Н. Витсена следующим образом: “Иное сообщение о роде Строгановых и о завоевание Сибири”¹⁵⁴.

Начальные страницы сочинения Н. Венюкова написаны на основе уральских преданий, по которым Строганов – мужик, а не именитый человек, и судьба его “напоминает судьбу Ермака”¹⁵⁵. Оба она “простого” происхождения (Ермак – “самовольный” казак, Строганов – “мужик”, “посадский человек”, “породою новгородец”). Тот и другой оказались на Каме, спасаясь от гнева Ивана Грозного (Ермак – “слыша великий гнев государя... и приход многоратных людей... убоялся и с Волги... по Каме поиде”; Строганов – “иже от страха смерти и казни... государя Ивана Васильевича... из Новгорода убежал на реку Каму”)¹⁵⁶. Сообщается также, что Строганов “убоялся атамана Ермака с товарищи ... того же лета осенью... на подъем на службу в Сибирское государство всякими запасы, пушками, пищалями, порохом, свинцом и к судовому ходу всякими припасы наделил”¹⁵⁷. С.В. Бахрушин замечал, что подобные сведения о взаимоотношениях Строгановых и Ермака “могли быть почерпнуты только на месте (т.е. в Приуралье – В.Б.), так как в самой Сибири ... Строгановыми не интересовались”¹⁵⁸.

Думается, что в некоторой части уральских преданий XVII в. прекращение волжских разбоев и поход в Сибирь связывались с “осознанием” Ермаком своей “вины” перед царем и стремлением искупить ее. Так,

¹⁵⁴ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 148. С.В. Бахрушин, сличая голландский текст “Иного сообщения”, и повесть о покорении Сибири из “Описания новые земли”, нашел между ними много “общих черт” и пришел к выводу, что “Иное сообщение” есть “сокращение повести”, вошедшей в “Описание”. Исследователь также был уверен, что “Иное сообщение” представляет известия “какого-то лица, бывшего на Урале” (см. его указ. труды, с. 48.). Это “какое-то лицо” - Никифор Венюков (А.И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век, М.-Л., 1960, с. 68-71). Для нас важно подчеркнуть, что даже заглавие повести из труда Н. Венюкова (пусть оно сделано не автором, а составителем хрестоматии) уже указывает на необычайный характер освещения всей истории завоевания Сибири и в том числе отношений Строгановых и ермаковцев.

¹⁵⁵ В.Г. Мирзоев, указ. работа, с. 100.

¹⁵⁶ Сибирские летописи, с. 368-369. Почему Грозный хотел казнить Строганова, неизвестно. Мотив, конечно, фольклорного происхождения.

¹⁵⁷ Там же, с. 369.

¹⁵⁸ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 49.

по “местным рассказам”, попавшим в “Описание новые земли”, Ермак еще до покорения Сибири начинает заслуживать царское прощение – покоряет “некрещеное” население Приуралья: он “от устья... вверх по Каме реке прошел, город Рыбную, Чертово городище, Алабуху, Сарapultь, Осу, города с уезды побрал и покорил под его государское величество”; он собирает для Грозного дань со всех подданных “прежняго взятого Казанского царя Симеона”¹⁵⁹. Это пересказ приуральского предания (с упоминанием даже эпической личности – царя Симеона), причем предания русского, так как только русские могли рассказывать Н. Венюкову, что “тот народ”, покоренный Ермаком (имеется в виду мордва, черемисы, башкиры...), “и до ныне глуп и урядства воинского на мале у них”¹⁶⁰.

Оказавшись в вотчинах Строганова, Ермак получает в общем-то уже ненужный совет: “И ты... послужи... государю и государь царь Иван Васильевич... пожалует твою вину и тебя с товарищами своими простит”¹⁶¹. Строганов также предлагает пойти в Сибирь. Это не расходится с намерениями Ермака и он следует совету камского солепромышленника, тем более, что последний наделяет казаков “всякими припасами”.

В преданиях, пересказанных Н. Венюковым, путь ермаковцев обрисовывается несколько иначе, чем в преданиях, зафиксированных Кунгурским летописцем: Ермак идет Камой, Чусовой, Уткой, затем переходит на лыжах “на вершину реки Ницы” и “с вершины Ницы вниз... вешним ходом и по Верхотурку и по Тоболу и по иным многим сибирским рекам, с вершины вниз”¹⁶². Такие детали как “осеновал до зимнего пути”, “водяные суды по сю сторону оставил” – детали, известные и Кунгурскому летописцу, – хотя и присутствуют в рассказах Н. Венюкова, но оказываются смещенными: “осеновал” Ермак не на Чусовой и не на Серебрянке, а на Межевой Утке (впрочем, Межевая Утка названа просто Уткой), далее, ермаковцы оставляют свои струги (“тяжелые суды”) не на Серебрянке, а на Утке же. Создается такое впечатление, что люди, рассказывавшие Н. Венюкову предания, слышали о продвижении казаков по Среднему Уралу, запомнили некоторые детали, но в своих повествованиях смещали их, так как не представляли точно расположение рек, по которым шел Ермак. Зная о зимовке казаков, они переносят ее в верховья речки Ницы: “... поделав лыжи ... перешел тот Верхотурский камень на вершину Ницы”¹⁶³, но “вниз по Нице” он идет уже “вешным

¹⁵⁹ Сибирские летописи, с. 368.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, с. 369.

¹⁶² Сибирские летописи, с. 370-371.

¹⁶³ Там же, с. 371.

ходом"; получается, что Ермак зимовал на "вершине" Ницы, хотя ни о каком городище и не говорится.

Свой рассказ о пребывании ермаковцев в Сибири Н. Венюков также ведет на основе преданий. "Источники его сведений, - пишет С.В. Бахрушин, - очень напоминает те, которыми пользовался Ремезов... Это русские и магометанские легенды. Как и Ремезов, он знает некоторые предания, связанные с урочищами;¹⁶⁴ он помнит, что на месте Тобольска "город деревянный с осыпью был у сибирского царя Кучума", что Абалак был "любимою вотчиной" того же Кучума. Некоторые легенды, которыми он воспользовался, совпадают с ремезовскими, например, о пушках царя Кучума¹⁶⁵. Он, по-видимому, слышал и предания о волшебном панцире, так как два панциря фигурируют и у него в рассказе о гибели Ермака; о том, как был выловлен татарами труп Ермака, он рассказывает в несколько иной редакции, чем Ремезов. Но наряду с этим мы встречаем в повести и такие легенды, которых нет у Ремезова; такова сказка о "пыжах", носящая характер чисто народный. Наконец, в повести попадают описания туземных обычаев, слегка переиначенные... В высшей степени интересен рассказ о созыве Кучумом своих воинов путем рассылки золоченых стрел: "и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые, чтоб другой посылки не дождались, понеже не идет на нас неведомой какой лютой неприятель". Обряд оповещения о войне посредством стрелы, как известно, существовал у многих первобытных народов; в частности, мы встречаем его в Сибири в начале XVII в. у приобских хантов. Автор повести, очевидно, слышал об этом обряде и приурочил его ко времени Кучума¹⁶⁶.

Итак, Н. Венюков использовал народные предания в качестве источника фактических сведений. Он пересказал многие из них, причем, пересказал добросовестно (наблюдения, например, С.В. Бахрушина, приведенные выше, дают возможность так утверждать). Поэтому "Описание новые земли" можно ставить в число важных источников, содержащих урало-сибирский фольклор XVII столетия.

Но прежде чем делать дальнейшие выводы из анализа "Описания", остановимся еще на одном произведении XVII века, дающем изложение

¹⁶⁴ Например, Н. Венюков пишет, что Ермак ночевал в "урочище, нарицаемое ныне Шишкина деревня", и на следующий день "поплыл судами под горы Тобольские" (Сибирские летописи, с. 372). С.В. Бахрушин приводит этот пример и отмечает: "дер. Шишкина под Тобольском известна по актам XVII века" (С.В. Бахрушин, указ. труды, с. 49).

¹⁶⁵ Исследователь предполагал, что Н. Венюков "сам видел те две пушки, сброшенные с косогора, с которыми связывалась легенда о пушках Кучума, заколдованных казаками" (С.В. Бахрушин, указ. труды, с. 49).

¹⁶⁶ С.В. Бахрушин, указ. труды, с. 49-50.

истории завоевания Сибири также во многом на основе устных сведений. Имеется в виду "История о Сибири" Ю. Крижанича.

Исследователи, рассматривавшие это произведение единогласны во мнении, что "История о Сибири" написана на основе "местных рассказов", что в ней нет "никаких следов использования летописных или вообще письменных источников"¹⁶⁷. Правда, устные сведения, использованные в "Истории о Сибири", получены автором от людей самых разных. Известно, что Ю. Крижанич всегда искал встреч с вновь прибывшими в Тобольск людьми, что он постоянно общался не только с русскими, но и иностранцами (ссыльными или проезжавшими через Тобольск)¹⁶⁸. В "Истории о Сибири" он указывает некоторых своих информаторов: "лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены", "беседовал" с основателем Селенгинска¹⁶⁹ и т.д. Очевидно, что от своих собеседников и из письменных источников Ю. Крижанич получал сведения самого разного характера, но очевидно и другое: во-первых, его привлекали известия, по которым покорение Сибири – дело казаков во главе с "разбойником" Ермаком, и во-вторых, даже из устных сведений он стремится выбрать лишь те, которые ему не встречались в письменных источниках. "Того, что было описано до сих пор другими, я ... не касаюсь", – предупреждает он читателя¹⁷⁰.

Кунгурская летопись была Ю. Крижаничу неизвестна, как неизвестны, по-видимому, были и другие казачьи летописи. "Описание новые земли" было создано уже после отъезда Ю. Крижанича из России, а между тем его произведение по характеру освещения завоевания Сибири имеет много общего с Кунгурской летописью и с сочинением Н. Венюкова. Так, по сообщению Ю. Крижанича, Ермак – "разбойник"; он бежит от "тирании царя Ивана Васильевича" на Волгу и здесь вместе с другими казаками "грабит путников", разбивает даже "несколько стругов, принадлежащих царю"; затем, спасаясь, казаки бегут с Волги, когда они "достигли города Вычегды, то встретили здесь одного солепромышленника, человека богатого, по прозванию Строганова. Этот солепромышленник, увидев себя окруженным разбойниками, по необходимости должен был оказать им помощь. Он обещает снабдить их и немедленно и на будущее время запасами, оружием, одеждой, вычным скотом, телегами, лишь бы они его промыслов не разгромили. Разбойники приня-

¹⁶⁷ И. Тыжнов. Обзор иностранных известий о Сибири 2-ой половины XVII века. //Сибирский сборник, 1887, с. 122; В.Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири, с. 178.

¹⁶⁸ С.А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. – М., 1902, с. 113.

¹⁶⁹ Цит. по книге: В.Г. Мирзоева, Присоединение и освоение Сибири, с. 173.

¹⁷⁰ А. Титов. Сибирь в XVII веке. – М., 1890, с. 162.

ли это условие и, в изобилии снаряженные всем для долгого путешествия, отправились в Сибирь”¹⁷¹. Несомненно, что здесь Ю. Крижаничем пересказаны устные сведения, близкие по своей сущности тем сведениям, что были изложены Кунгурским летописцем и Н. Венюковым. Особенно любопытны в этом пересказе два момента: а) отсутствие “сговора” между казаками и Строгановыми; б) подчеркнута вынужденная помощь Строганова ермаковцам; и даже перечисление запасов, взятых казаками, не кажется случайным – оно напоминает такое же перечисление у Н. Венюкова (ср.: “всякими запасы, пушками, пиццалми, порохом, свинцом и к судовому ходу всякими припасы наделил”¹⁷²) и у Кунгурского летописца, хотя последний и более детален в описании отобранных у Строганова припасов и снаряжения. Надо полагать, подобное перечисление существовало в ермаковских преданиях XVII века, и все три автора сочли необходимым его использовать.

Описание движения казаков по Уралу в Сибирь Ю. Крижанич дает, по-видимому, также на основе устных рассказов: у Строганова были взяты “телеги” и “вьючный скот”, казаки, вероятно, сухопутьем добрались до Тобола, где они “сожгли повозки”, “покололи скот”, сделали “ладьи”, в изготовлении которых казаки были “большие мастера” и продолжали путь по воде¹⁷³. Чувствуется, что здесь переложены не уральские, а зауральские предания и не первой, а скорее второй половины XVII века: “забылись” реки, по которым шел Ермак, большая часть маршрута оказалась сухопутной.

По-своему Ю. Крижанич описывает и покорение Сибири. “.. Действия казаков рассматриваются им не как организованный поход, а как систематические набеги на татарское население из укрепленного центра на Иртыше, кончавшиеся постоянной удачей благодаря огнестрельному оружию, пока, наконец, не пал Ермак с частью отряда, “осиленный чрезмерной и постоянно возрастающею многочисленностью татар”. Вслед за этим царские войска, прибывшие по просьбе оставшихся казаков, “окончательно покорили Сибирь”¹⁷⁴.

Итак, несмотря на некоторые различия в освещении покорения Сибири у Кунгурского летописца, Н. Венюкова и Ю. Крижанича, можно все-таки говорить о том, что все три автора использовали в основном один – фольклорный – источник. Но если Кунгурский летописец и Н. Венюков пересказывают приуральские предания, то Ю. Крижанич перелагает глав-

¹⁷¹ И. Тыжнов. Обзор иностранных известий о Сибири 2-ой половины XVII века. // Сибирский сборник 1887, с. 122.

¹⁷² Сибирские летописи, с. 369.

¹⁷³ Ю. Крижанич. История о Сибири. //А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, с. 166.

¹⁷⁴ В.Г. Мирзоев, указ. работа, с. 180.

ным образом “устные предания”, имевшие хождение в Зауралье”¹⁷⁵.

Из произведений Н. Венюкова и Ю. Крижанича, на наш взгляд, могут быть выделены следующие мотивы и сюжеты, заимствованные в свое время авторами из уральских и зауральских преданий:

Ермак участвует во взятии Казани;

на Волге Ермак разбойничает вместе с другими “самовольными” казаками; грабит русских людей “всякого чина”;

казаки разбили “несколько стругов, принадлежавших царю”;

казаки неоднократно побивали “ратных людей” Ивана Грозного;

ермаковцы бегут на Каму, когда разгневанный царь послал против них “множество ратных людей водою на судах и горою на конях”;

Ермак, осознавая свою вину перед государем, решает ее искупить, поэтому по пути в Сибирь покоряет “некрещеное” население Прикамья;

В вотчинах “мужика” Строганова Ермак получает совет “послужить” царю – пойти в Сибирь;

Строганов “по необходимости” (“лишь бы казаки не разгромили его промыслов”) снабжает ермаковцев “всякими запасами, пушками, пищальми, порохом, свинцом и к судовому ходу всякими припасами, а также “вьючным скотом”, “телегами”;

казаки покинули строгановские вотчины “того же лета осенью”, в Сибирь ермаковцы шли Камой, Чусовой, Уткой, затем на лыжах перебрались на “вершину реки Ницы” через “Верхотурский камень” на Нице перезимовали, а затем двинулись “с вершины Ницы реки вниз... вешним ходом и по Верхотурку и по Тоболу и по иным многим сибирским рекам, с вершины вниз;

“тяжелые суды” Ермак приказал бросить на Утке; (вариант) ермаковцы сухопутьем добрались до Тобола, затем сожгли свои “повозки”, “покололи скот”, сделали “ладьи” и продолжали путь по Тоболу;

Ермак взял Тюмень;

когда Кучум узнал, что посланные для освобождения Тюмени “ратные люди” во главе с Канцелеем разбиты, то он “посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людем своим, дабы вскоре к нему без всякого ослушания собиралися, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые, чтоб другой посылки не дожидались, понеже де идет на нас неведомо какой лютой неприятель”¹⁷⁶;

Из Тюмени ермаковцы отправились на приступ Тобольска; увидев казаков, Кучум выслал своих “ратных людей”, Ермак же, сообразив, что “еще у царя Кучума много людей во граде “нежели на выласке... повеле

¹⁷⁵ В.Г. Мирзоев, указ. работа, с. 178.

¹⁷⁶ Сибирские летописи, с. 371.

дружине своей... мушкеты свои пыжами зарядить, дабы их от себя вдруг не остращать”; когда татары устремились на казаков, то их встретили холостые выстрелы, они усилили натиск и “обратили русских в бегство;

“на завтрие” ермаковцы снова подошли к городу, но на этот раз атаман приказал зарядить “всякому по два, по три и по четыре железных жеребья вместо пуль свинцовых”; татары же, думая, что ружья казаков способны издавать только шум, “устремишася к бою, аки на некоторое пиршество” и потерпели поражение; у Кучума в Тобольске было две пушки, “и как с казаками был бой, и в то время велел царь из тех пушек стрелять на казаков и пушки стрелбы не дали, и царь разгневался: повеле те пушки с высокия горы вниз в реку Иртыш ввергнути;”

из Тобольска Ермак отправил в Москву посольство во главе с атаманом Грозой Ивановичем; пять казаков вместе с атаманом повезли Грозному “отписку Ермака”, “да... 60 сороков соболей с пупки и с хвосты, да 50 бобров чернокарих, 20 лисиц чернобурых, да 3 человек с людьми их, ближних приятелей царя Кучума”. Осенью “того же году” посольство вернулось; царь казаков простил и “государское жалованье и жалованную грамоту в Сибирь в Тобольск к атаману Ермаку... послал”;

Ермак утонул в Иртыше – “на нем в то время два панцыря было... и поиде ко дну, аки камень”. “Кучум на том месте, где же под яром атаман Ермак утопе, повеле рыболовам и людям своим и сетями, и баграми, и всякими снастями промышлять, дабы тело Ермака из омуты выволочь вон. А кто тело его Ермака атамана найдет, и тому царь Кучум обеща отвес серебра и честь пожаловать: “А как сыщется, велю тело его вора атамана Ермака в части изрезать, и сам мясо его с родителями своими стану ясти, такова разорителя своего царства”¹⁷⁷.

Ремезовская летопись, составленная в конце XVII века, также содержит пересказы некоторых преданий о Ермаке. Вопросу о месте устных преданий и легенд в составе произведения С.У. Ремезова посвящены две специальные работы: в одной рассматриваются “туземные” легенды, использованные С.У. Ремезовым¹⁷⁸, в другой – сведения казачьей “устной летописи”, т.е. мотивы и сюжеты русских преданий¹⁷⁹. Так как предмет нашего изучения не татарские, а русские предания, то обратимся только к последней работе и воспользуемся выводами, к которым пришла Е.И. Дергачева-Скоп. По ее мнению, устными по происхождению являются следующие сообщения Ремезовской летописи:

¹⁷⁷ Сибирские летописи, с. 375, 376, 377.

¹⁷⁸ С.В. Бахрушин. Туземные легенды в “Сибирской истории” С.У. Ремезова. //Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете, 1916, №3-4, с. 3-28.

¹⁷⁹ Е. Дергачева-Скоп, указ. работа, с. 108-111.

о поимке Кутугая, “дворецкого” Кучума, его сборщика ясака; о встрече Ермака на реке Туре с шестью князьками; о Березовом и Караульном ярах (к последнему месту прикреплялся известный сюжет: татары перегородили реку цепью, рассчитывая, что ермацкие струги перевернутся; расчет не оправдался: разорвав цепь, “суда” прошли); о городе есаула Алышай, Бабасанах, где был похищен Ермаков “ертаульный” струг; о Карачине граде, о бое под Чювашами.

Совершенно очевидно, что к этим сведениям можно прибавить и известия о разбоях Ермака на Волге как известия фольклорного происхождения: Ермак воевал “бусы по Хвалынскому морю” со “многими своевольными вои, яко и царскую казну шарпал”; однажды ермаковцы разбили “государевы казенные суды, послов и бухарцев в усть Волги реки”¹⁸⁰.

Фольклорные произведения о Ермаке были также использованы неизвестным автором, создавшим в XVIII веке¹⁸¹ один из вариантов Строгановской летописи – имеется в виду Строгановская летопись по Толстовскому списку.

Автор Толстовского списка, перелагая канонический текст Строгановской летописи, внес несколько собственных характеристик действий ермаковцев, уточнений и т.п. К примеру, маршрут движения казаков в Сибирь дан у него точнее, чем в каком-либо другом списке Строгановской или Есиповской летописей, характеристику разбойничьих действий ермаковцев он сопровождает восторженным восклицанием: казаки “зело гораздо по Волге храбруют” и т.п. В то же время автор вносит свои добавления. Особенно любопытна вставка в текст летописи исторической песни о Ермакове – случай почти уникальный в сибирском летописании.

Получив от Строгановых, сообщает летописец, “дары многие” и “писание” - приглашение служить у них, “атаманы и казаки Ермак Тимофеев с товарищами, Иван Колцов, Яков Михайлов, Никита Пан, Матфей Мещеряк” собрался “в круг” и “начаша думати”: “идти ли им на поможение к Строгановым или нет”¹⁸².

Велика услуга фольклористике автора Толстовского списка Строгановской летописи: его запись исторической песни – одна из “древнейших”¹⁸³. В то же время сам факт инкорпорирования песни в текст исторического сочинения свидетельствует о вере летописца в истинность сведений, сообщаемых фольклорным произведением. Видимо, главное, что привлекло летописца в песне – это осознание самими казаками вины

¹⁸⁰ Сибирские летописи, с. 312, 316.

¹⁸¹ Там же, с. 111.

¹⁸² Сибирские летописи, с. 55-56.

¹⁸³ А.А. Горелов. Народные песни о Ермаке. Автореферат канд. диссертации. – Л. 1963, с. 8.

перед царем и стремление искупить ее. Для большей убедительности летописец сочинил и ответ казаков на призыв Ермака отправиться служить Строгановым; ответ вложен в уста “Ивана Колцова”. Таким образом, исторические песни наряду с преданиями составляли ту устную народную историю, из которой летописцы черпали фактические сведения.

Не менее интересным является отступление Толстовского летописца от традиционного изложения событий, происходивших непосредственно в Сибири. Так, рассказывая о неудачах Кучума, летописец сначала следует в общем-то принятому в сибирском летописании порядку: тяжелое положение Кучума усугубляется “восстанием” его мурзы Карачи, от которого сам Кучум “едва утече... за некоторый малый мысочек”¹⁸⁴ но далее Толстовский летописец останавливается уже непосредственно на характеристике дальнейших действий и судьбы Кучума – рассказывает о превращении Кучума в “люта волка”, в “татя и разбойника” и о его гибели: “... В злобе и горести своей нача сам (Кучум – В.Б.) своих татар пленити и остяцкия и вогульския улусы громити: они же видяще се, яко иже бысть им царь и владыка обратися в люта волка, и собраша на него и на чаша его гоняти. Он же не веде, где от них детися и побеже в колмацкия улусы и бегая подсмотри тамо конския стада и отогна; и уже бо к тому бысть не яко царь, но яко татя и разбойник и бегун. Калмаки же ощутиша его и погнаша в след его и кони свои отполониша; он же едва от них утече и оттоле бежав в Нагайскую землю и тамо зле окаянную свою душу изверже”¹⁸⁵. Подобный эпизод – изгнание Кучума из Сибири, его “воровство” и гибель – есть и в Есиповской летописи и внесен он туда со слов “достоверных мужей”¹⁸⁶. Однако у Есипова изгоняют Кучума не остяки и вогулы, а казаки; у Есипова больше деталей: “русский вои” Кучума “побиша и две царицы его и сына царевича взяша”; Кучума убивают “нагаи” со словами: “Яко русский вои уведают, яко ты zde пребываеши, да и нам такожде сотворят, яко ж и тебе”¹⁸⁷ и др.; кроме того, Кучум уже “душу изверже”, а Ермак еще жив и роль коварного обманщика в сцене гибели атамана играет Алей. Предания о смерти Кучума слышал не только С. Есипов в XVII веке, но и Толстовский летописец в XVIII в. и оба пересказали их литературным языком своего времени. Народные предания о том, что Кучум погиб раньше, чем Ермак, бытовали и в XIX столетии. По одному из них, Кучум, вытесненный Ер-

¹⁸⁴ Сибирские летописи, с. 80.

¹⁸⁵ Сибирские летописи, с. 80.

¹⁸⁶ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. 3, ч. I, с. 29.

¹⁸⁷ Сибирские летописи, с. 159-160.

маком с Тобола, кочует вне пределов Сибирского царства и умирает, будучи на реке Кучу-Мында¹⁸⁸.

Неизвестный автор Толстовского списка Строгановской летописи был знаком с урало-сибирским фольклором и, доверяя фольклорным источникам, ввел в свое произведение почерпнутые из них сведения. Но использовал он фольклорные сведения выборочно – только те, которые не противоречили его концепции; это следующие:

ермаковцы “на Волге на перевозех нагайцев и ардабазарцев громят и побивают”, “громят казну государеву” и убивают царского посла;

Строгановы приглашают казаков к себе на службу; казаки решают лучше идти к Строгановым, чем быть посаженными в “темницы”;

Ермак успешно сражается с татарами, изгоняет из Сибирского царства Кучума, который погибает в “Нагайской земле”;

Алей, сын Кучума, продолжает борьбу против Ермака, однажды ночью татары, возглавляемые Алеем, напали на спящих казаков и перебили всех, Ермак же, видя безвыходность положения, “побеже в струг свой и не може в него скочити тягости ради сущия на нем, бе бо одяна железом, и вступи на край струга, струг опровержеся, и испаде Ермак из струга в воду и утопе в реце”¹⁸⁹.

Обратимся к Лихачевскому списку “Слова о Сибирской стране”. “Слово” было создано, видимо, в начале XVII в.; представляет, по определению Н.А. Дворецкой, “соединение сведений повести Есипова и повести Строгановых” с разного рода “добавлениями, заимствованными из источников, до нас, по-видимому, не дошедших”¹⁹⁰. Два “добавления” сама Н.А. Дворецкая выделяет как фольклорные по происхождению. Это: “В лета 7089 года летом царь государь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец послал в Астрахань на судах казну свою денежную и свинец и порох. И как будут казною против реки Самары и выгребли из Самары реки в стругах ясаульных множе яицкие казаки и волские со огненным боем. И государеву казну всю погромили и воеводу князя Григории Засекина и всех людей побили и всю казну царскую взяли и пошли по Волге вверх в Каму реку”¹⁹¹. “Важно отметить, – пишет Н.А. Дворецкая, – что Григорий Засекин действительно был воеводой в Переволоке (Царицыне) и посылал погоню из вновь отстроенного города Саратова за “воровскими” казаками и атаманами, правда с Ермаком

¹⁸⁸ Ф. Голубев. Могила Кучума (Из рассказов старожила) // Сибирский вестник, 1888, №79.

¹⁸⁹ Сибирские летописи, с. 83.

¹⁹⁰ Н.А. Дворецкая. Археологический обзор списков повестей о походе Ермака. // Труды отдела древнерусской литературы, т. XIII. – М.-Л., 1957, с. 482.

¹⁹¹ Цит. по: Н.А. Дворецкая. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII веке. // Труды отдела древнерусской литературы, т. XIV. – М.-Л., 1958, с. 333.

здесь не могло быть связи, так как действия Засекина относились к 1589-1590 г.г. Очевидно, какие-то рассказы о Григории Засекине переплетены были с преданиями Ермаковых казаков о их приходе в Сибирь. О том, что в списке Лихачева нашли отражение рассказы этих казаков, возможно, значительно измененные поздней их передачей, свидетельствует такая вставка списка Лихачева: "... приидоша же и в слободы Никиты Строганова, и оттоле поидоша в Чусовую реку, рекою до волоку, и ту к нам присташа многие пермечи..."¹⁹². Другая исследовательница сведения о воеводе Григории Засекине из "Слова" связывает с "реальными "разбоями" Камской вольницы под предводительством соратников Ермака Сокола и Петуха", с именами которых, "как с именем Ермака, народ Урала накрепко связывал создание Камской вольницы (1577-1578 г.г.), появление камских "усов удалых молодцев"¹⁹³. Думается, что не следует вслед за В. Весновским утверждать, будто Камская вольница возникла именно в 1577-1578 г.г. ибо эта датировка основана лишь на одном предании, слышанном В. Весновским в 1912 г. в д. Елово на Каме, где ему рассказывали "местные старики, что Сокол и Петух – "сподвижники" Ермака"¹⁹⁴. В остальном можно согласиться с Е.И. Дергачевой-Скоп. Очевидно, что многие действия Камской вольницы, уже существовавшей в конце XVI века, к концу XVII – началу XVIII вв. могли фигурировать в некоторой части приуральских преданий как действия, которыми руководил Ермак.

Итак в "Слово о Сибирской стране" из ермаковских преданий попали следующие сведения:

однажды казаки напали на царские "суда", что везли "казну денежную, свинец и порох"; "всю казну" взяли, "всех людей" и воеводу Григория Засекина "побили" и "пошли по Волге вверх в Каму реку";

Казаки пришли в вотчину не к Максиму, а к Никите Строганову;

в Приуралье перед сибирским походом к ермаковскому отряду примкнули "многие пермечи".

Исследователи также справедливо отмечают, что составитель Лихачевского списка "Слова о Сибирской стране" использует фольклорные сведения "лишь в качестве украшения"¹⁹⁵ своего рассказа.

В нашем распоряжении есть еще сборник, составленный в первой половине XVIII века Кириллом Даниловым. В сборник включена трилогия о Ермаке, созданная автором на основе прозаического и песенного

¹⁹² Н.А. Дворецкая, указ. работа, с. 333.

¹⁹³ Е. Дергачева-Скоп, указ. работа, с. 111-112.

¹⁹⁴ В. Весновский. Камская вольница. //Пермский краеведческий сборник. Вып. III. – Пермь, 1927, с. 65.

¹⁹⁵ Е. Дергачева-Скоп, указ. работа, с. 112.

ермаковского фольклора. Наибольший интерес для нашей работы представляет “повествовательная” часть произведения “Ермак взял Сибирь”.

Вообще о сборнике К. Данилова и о ермаковской трилогии писали многие исследователи; в советское время подробно “повествовательная” часть интересующего нас произведения была рассмотрена Б.Н. Путиловым, а затем А.А. Гореловым¹⁹⁶. Все, что сказано этими фольклористами, вполне подтверждается фольклорным материалом, имеющимся в нашем распоряжении.

Кирилл Данилов использовал следующие сюжеты и мотивы “уральских и притобольских” преданий:

Ермак – “волжский разбойник” предлагает казакам пойти “в Усолье ко Строгановым”, чтобы запастись у них оружием и хлебом;

маршрут: Чусовая-Серебряная-Жеравль-волок-Баранча-Тагил-Тура-“Епанча-река”-“Тоболь-река”;

зимовали 200 казаков в пещере чусовского камня, остальные “люди похужей” - “на другой стороне” ...(в) Печеру убирались”, на “Баранченской переволоке” казаки бросили “лодки-коломенки”;

на Баранче казаки “наделали баты сосновые и лодки набойницы” и поплыли к Тагилу;

у Медведь-камня ермаковцы сделали остановку для изготовления “больших коломенок”;

из Тагила казаки попали в Туру, из Туры – в “Епанчу-реку”: они “тут управилися: поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины три ста человек, а стало уже со теми больше тысячи”;

в “Медяньских юртах” ермаковцы пленили “князька небольшева”, который показал им “путь по Тоболь-реке”;

в трех небольших устьях казаки “собиралися во единый круг, решали как бы им “приплыть к горе Тобольской”; решили: Ермак пойдет “устьем верхним”, Самбур – “устьем средним”, а Анофрей – “устьем нижним”;

Анофрей и Самбур выплыли первыми “под саму высокоу гору Тобольскую”, здесь состоялась “баталия великая со теми татары котовскими”, которая продолжалась целый день; татары удивлялись неуязвимости русских: “каковы русски люди крепкия, что ни едино убить не могут их, каленых стрел в них, как в снопики налеплено, казаки же все невредимы стоят”;

¹⁹⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М.-Л., 1958, с. 604-606; А.А. Горелов. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова (Полемические заметки) // “Русский фольклор”, VI, М.-Д., 1961, с. 344-376.

в это время Ермак со своей дружиной вышел “до устья Сибирки-реки” и “полонил” Кучума, затем отпустил ранее пойманного князька “со известием ко тем татарам котовским, чтобы оне в драке с казаками помирились: уж де царя вашего во полон взяли”; татары принесли Ермаку “казну соболиную и бурых лисиц”;

затем Ермак “шил шубы соболиныя” и шапки, и со “всемя казаки отъезжал... ко грозному царю”, которому признался, что его казаки “персидскова посла устукали”;

Грозный, выслушав исповедь атамана, “не прогневался”, “приказал Ермака пожаловати” и отпустил в Сибирь брать с татар “дани-выходы в казну государеву”;

Ермак, вернувшись в Сибирь, стал усердно выполнять волю царя (“... стал он их наиболее под власть государеву покоряти, дани-выходы без опущения выбирать”);

Через “год-другой” татары “взбунтовались”, напали на Ермака, когда у него казаки были “разосланы по разным дальним старнам, а при нем только было казаков на дву коломенках”; сражение происходило на Енисее; “билися-дралися с татарами время немалое”; Ермак “для помощи своих товарищев” хотел “перескочити на другую свою коломенку и ступил на переходню обманчивую, правую ногою поскользнулся... и та переходня с конца верхнева подымалася и на его опускалася, росшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею-быстру реку. Тут Ермаку... смерть случилась”¹⁹⁷.

В заключение специально остановимся на одном из основных эпизодов народной истории завоевания Сибири – на гибели Ермака.

Гибель главного героя сибирской эпопеи волновала, интересовала не только русских, но и татар. Причем у последних бытовали предания и о гибели атамана и о его военных доспехах, даже одежде, о чудесах, будто происходивших на его могиле и т.п. Все это мы знаем благодаря У.М. и С.У. Ремезовым.

Известно, что Ульян Моисеев Ремезов от тайши Аблая в 1660 году узнал, что Ермак “от Кучума на перекопе побежа и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаше, и пансыри разделиша и развезоша, а как от пансырей и от платья чудес было, и как татары смертной завет положиша, что про него русакам не вещати”; причем, тайша добавлял: “егде же аз был мал и утробой болен, и даша мне земли с могилы его (Ермака – В.Б.) пить, здрав явихся до ныне; егде же земли с могилы взято и еду

¹⁹⁷ Цит. по: “Сборник Кириши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киришо Даниловым”. Издание подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. Изд. АН СССР, М.-Л., 1958, с. 87-90.

с нею на войну, побеждаю; егде ж нет земли, тощъ возвращаются”¹⁹⁸. Татары и калмыки даже в конце XVII в. продолжали свято верить в чудесные свойства панциря Ермака и вели борьбу за право обладать им¹⁹⁹. Историки считают, что рассказ тайши Албая, услышанный С.У. Ремезовым от отца мог быть им в рукопись “Истории Сибирской” или “непосредственно внесен” или “продиктован”²⁰⁰ и что эта Аблаева “сказка” послужила для С.У. Ремезова источником сообщения о двух панцирях, в которые был одет Ермак в момент гибели и которые будто бы были присланы ему в подарок от царя²⁰¹.

“Непосредственную передачу слов местных жителей (о гибели атамана – В.Б.) даже с сохранением противопоставления рассказчика-татарина слушателям-русским”²⁰² донесла до нас Строгановская летопись по списку Спасского. Однако С.В. Бахрушин не отмечает, что автор летописи передает “слова местных жителей”, по крайней мере, небрежно. Более точен все-таки С. Есипов: “... В полунощи ж приидоша множество татар, казаком же спящим без всякого спасения, и нападоха на нь и побиша, токмо один казак утече. Ермак же виде своих воинов побиевых и ни от кого ж виде помощи имеет животу своему, и побеже в струг свои и не може дойти, понеже одаян (бе) железом, стругу ж отплывушу от берега и не дошед утопе”²⁰³. Здесь присутствует деталь – “одаян (бе) железом” - украшающая всю сцену и, главное, во многом объясняющая гибель Ермака. И это резко отличает рассказ Есипова от варианта Строгановского летописца. Думается, что в русских преданиях XVII века панцирь (или панцири), или кольчуга обязательно фигурировали. Не случайно все летописцы²⁰⁴ отмечают, что атаман “одаян бе железом”²⁰⁵, “одаян бе железом в пансыре тягче”²⁰⁶, что он не мог в струг “счочити тягости ради сущия на нем”²⁰⁷.

Вообще сравнение эпизода гибели Ермака в летописях показывает, что, с одной стороны, летописцы стремятся изложить все события роковой ночи строго последовательно: казаки остановились “у перекопа”

¹⁹⁸ Сибирские летописи, с. 348.

¹⁹⁹ Историю этой борьбы см.: С.В. Бахрушин. Туземные легенды в “Сибирской истории” С. Ремезова, с. 3-28.

²⁰⁰ Л.А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, с. 115.

²⁰¹ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 98.

²⁰² Там же, с. 27.

²⁰³ Сибирские летописи, с. 148.

²⁰⁴ Нет упоминания о панцире еще в Есиповской летописи по Бузуновскому списку: “... Ермак... побеже в струг и не можаше ускорити, понеже той струг отстоит далече от воды, паде в воду и утопе”. – Сибирские летописи, с. 302.

²⁰⁵ Там же, с. 148, 221, 225, 268 и др.

²⁰⁶ Там же, с. 288.

²⁰⁷ Сибирские летописи, с. 83.

и “ту обночеваша”²⁰⁸; “стража же крепце не утвердиша” (или: “не поставиша станы и стражу крепкую”, или: “ни единого от них стража не бысть”²⁰⁹; “тоя же нощи бысть дождь велий”) или: “ночь бысть темна и мрачна и дождлива”²¹⁰; нападение татар на спящих ермаковцев произошло “в полунощи”²¹¹; казаки были все перебиты, “только один казак утече”²¹². С другой стороны, летописцы все-таки вносят добавления и порой очень существенные. Так, в одних списках сообщается, что герой утонул в Вагае, в других – в Иртыше²¹³, большинство летописцев утверждает, что Ермак не выставил охрану, а автор Румянцевского списка Есиповской летописи пишет, что казаки все-таки поставили “станы своя и стражу”²¹⁴, все летописцы говорят, что руководил нападением Кучум, а у составителя Толстовского списка Строгановской летописи – Алей, сын Кучума²¹⁵; по-разному говорят летописцы и о том, посылал ли Кучум к лагерю казаков “подсмотрщиков” с приказанием “твердо стрещи” спящих²¹⁶; автор Головинского списка Есиповской летописи пишет о 150 погибших ермаковцах²¹⁷, а у других такой детали не встречается и т.п. Очевидно, одной из причин подобной разногласия явилось использование летописцами народной молвы. Ведь именно из преданий попало в летописи, например, такое известие: “Бе же у него (Кучума – В.Б.) татарин в смертной вине и призвал его царь Кучюм и рече ему: “Отведай мне в реке Вагаю броду, только отведает, и я тебе пожалую и от казни избавлю”. Татарин же реку Вагай перебрел и виде казаков спящих без стражи, и пришел татарин поведал царю Кучюму все, что казаки спят без стражи. И царь Кучюм тому его слову не поверил, и паки царь послал по прежде глаголанному словеси и повеле у них для истинного свидетельства нечто у них взять”; татарин вернулся в лагерь и взял “три пищали да три ж лядунки с порохом”²¹⁸. С.В. Бахрушин назвал этот эпизод “сказочным анекдотом” и “сказкой”²¹⁹. С ним нельзя не согласиться;

²⁰⁸ Там же, с. 82, 148, 220, 225, 288, 302; в Есиповской по Головинскому списку; “станочевати в пролете” – там же, с. 309.

²⁰⁹ Сибирские летописи, с. 82, 148, 220, 225, 309.

²¹⁰ Там же, с. 148, 83, 221, 268, 288; в Есиповской по Абрамовскому списку: “тоя же нощи бысть ветр велик” – там же, с. 225.

²¹¹ Там же, с. 37, 83, 148, 225, 268, 288.

²¹² Там же, с. 38, 148, 225, 268 и др.

²¹³ Ср., напр., там же, с. 221 и 225.

²¹⁴ Там же, с. 268.

²¹⁵ Там же, с. 82-83.

²¹⁶ Там же, с. 52-53, 82-83, 220, 268, 302.

²¹⁷ Там же, с. 309.

²¹⁸ Сибирские летописи, с. 220-221: по “Новому летописцу”, татарин принес из лагеря “три пищали и три боршня” – ПСРЛ, т. XIV, с. По Есиповской летописи Головинского списка, татарин “украде” только одну “пищаль и лядунку” – Сибирские летописи, с. 310.

²¹⁹ С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, с. 21, 22.

эта “сказка” украсила весь рассказ и в то же время сделала его достовернее для слушателей. Наличие ее в летописях – еще одно свидетельство влияния устности на письменность.

Можно с уверенностью сказать, что если большинство летописцев, связанных традицией с письменными источниками, вносили в свои произведения только некоторые детали из народных преданий, но самую сцену гибели атамана передавали все-таки без существенных отступлений от литературной традиции, то народ рассказывал о гибели Ермака по-разному. Могло существовать, по крайней мере, несколько вариантов предания о гибели Ермака. И насколько народные предания отличались от летописной редакции, можно судить хотя бы по вариантам, зафиксированным Кириллом Даниловым или Никифором Венюковым. У последнего: “... Доиде до Сибирки речки, от Тобольска вверх по реке Иртышу 20 поприщ; речка Сибирка пала устьем в Иртиш под земляной город, идеже царь Кучюм в великом опасении пребываше. И не дошед того места за полтора поприща на той же горной стране под крутым яром Ермак с товарищи своими, вышед ис судов своих ясаульных на берег, поставил на лугу полатки и спал в них; и тогда неприятели со уготованным войском своим ударили на обоз его атамана Ермака с товарищи, тогда ж Ермак ис полатки своей спальной услыша то нахождение иноплемennых на себя и не чая, что место плохо, и стоять не возможно, скочил с яру в судно в струг свой и перескочил три струги мочию своею, паде в воду в великую реку Иртиш в яр в глубокое место, а на нем в то время два панцыря были, иже утопе, абие и поиде ко дну, аки камень; дружина же его храбрая с того бою отъидоша в целости, и ни един от них погibe. После же отходу казацкого царь Кучюм на том месте, иже же под яром атаман Ермак утопе, повеле... людям своим ... всякими снасти промышлять, дабы тело Ермака из омуту выволочь вон”²²⁰.

Мы рассмотрели ряд исторических сочинений, в которых оказались включенными фрагменты, мотивы, пересказы сюжетов ермаковских повествований XVII – первой половины XVIII вв. Разумеется, разыскание фольклорных мотивов в сибирских летописях может быть продолжено. Но для нашей работы, видимо “выделенного” количества сюжетов и мотивов преданий вполне достаточно. Достаточно и для того, чтобы представить общую картину – что рассказывали о Ермаке в XVII – первой половине XVIII вв. в Урало-Сибирском крае – и для того, чтобы на собранном материале показать, как формировался ермаковский цикл, как развивался в первые полтора столетия своего существования.

Обратимся теперь к источникам второй половины XVIII-XIX вв.

²²⁰ Сибирские летописи, с. 376-377.

МОТИВЫ ЕРМАКОВСКИХ ПРЕДАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII-XIX вв. ²²¹

Из источников указанного периода могут быть выделены следующие мотивы ермаковских преданий:

Жизнь подростка Ермака среди разбойников: кроме уже рассмотренных источников XVIII-XIX вв., содержащих фольклорные сведения о детстве, юности Ермака, обнаружить не удалось. Имеющиеся записи преданий на эту тему относятся к советскому времени.

Ермак – волжский разбойник: все исторические источники второй половины XVIII-XIX вв. при освещении “разбойной” деятельности Ермака используют (с разного рода оговорками или без них) сведения, почерпнутые или из сибирских летописей XVII в. Пожалуй, только И. Икосов и И.Е. Фишер ввели в свои сочинения мотивы ермаковских преданий.

По П. Икосову, Ермак возглавляет донских казаков; последние занимаются разбоями по всей Волге и на Каспийском море; они убивают не только “иностранных посланцев и купцов”, но и “российского посланника Карамышева, который был послан от великого государя в Персию”; казаки также разграбили “казну его царского величества”; разгневанный царь посылает “из Москвы знатное число российского воинства и пойманные казнены смертно, только многие свой живот спасли бегством”²²². У И.Е. Фишера со ссылкой на народную молву²²³ говорится: “Ермак с сообщниками своими, которых, как сказывают, было от 6000 до 7000 человек, пошел еще до прибытия царского войска вверх по реке Каме до Чусовой, где нашел Максима Строганова”. Свидетельство о присутствии мотива “Ермак-разбойник” в волжских преданиях оставил Г. Перетяткович²²⁴; на Каме этот же мотив зафиксирован В.И. Немировичем-Данченко: Ермак живет в пещере, находящейся в месте впадения Белой в Каму – “с Белой ли кто пойдет, по Каме ли поплывет, все одно скрозь руки не пройдет, на всяком пути переймут его сторожевые казаки”²²⁵. В Приуралье же рассказывали и о пребывании Ермака-разбойни-

²²¹ Временные рамки взяты несколько приблизительно – в процессе исследования пришлось привлечь источники и начала XX в.

²²² История о родословии и богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии г. Строгановых ПГБ, 1880, №96.

²²³ И.Е. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земл российским оружием. СПб, 1774, с. 114.

²²⁴ “Местные жители и в настоящее время еще указывают немало становищ, на которых, по преданию, располагались в былое время шайки различных атаманов, гулявших по Волге; между прочим, в нынешних селениях Ермаковке и Кольцовке, находящихся на Самарской луке, признают места, где некогда жил знаменитый Ермак Тимофеевич и его сподвижник Иван Кольцо”. – Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877, с. 312-313.

²²⁵ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал (Очерки и впечатления), бесплатное приложение к журналу “Природа и люди”. 1904, кн. IX, с. 80; в дальнейшем: В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал.

ка на реке Ик: он там “от царских приставов долго хоронился”²²⁶. В трансформированном виде указанный мотив присутствовал в сказаниях уральских казаков: Ермак с помощью “шишигов” (чертей) взял для Грозного Казань и Астрахань²²⁷.

Ермак разбойничал по Каме; у него были соратники Сокол и Петух: В. Весновский, занимавшийся историей Камской вольницы, отмечал: “В местной литературе²²⁸ имеется указание, что известное на Каме с. Елово, расположенное на левом берегу, в 270 в. вниз от Перми, по преданию, основано разбойничьим атаманом Соколом, а соседняя с Еловым д. Толстик обязана своим существованием атаману Петуху. Оба названные атаманы – современники Ермака. В бытность мою в Елове в 1912 г. мне пришлось слышать рассказы местных стариков, что Сокол и Петух не только современники, но и сподвижники, соратники Ермака. Не представляется невероятным, что за время продолжительного плавания по реке Каме, те или другие дружинники Ермака могли высадиться на берег и отстать от отряда. Так или иначе, но народное предание возникновения Камской вольницы связывает с именем Ермака Тимофеевича и это обстоятельство дает основание считать, что сама Камская вольница появилась во второй половине XVI века (около 1577-1578 г.). Тот же факт, что атаманы Сокол и Петух явились основателями деревень, свидетельствует о том, что деятельность их в этом районе носила более или менее постоянный деятельный характер”²²⁹.

Ермак грабит поселки пермяков: Мотив упомянут вскользь в очерках В.И. Немировича-Данченко. Описывая Билимбай, писатель замечает: “Народ здесь, как и везде... Бил какой-нибудь “разбойный” человек мирные поселки пермяков – это Ермак. Расспросишь, и окажется, что легендарный герой наш должен был жить, по крайней мере, триста лет”²³⁰. Очевидно, что Ермаку приписывались разбойные действия, имевшие место даже в XIX в.

Ермак утопил “любимую царевну Алмаз” в Ике, тогда река помогла ему уйти от царских войск, преследовавших его: Этот сюжет “прикреплялся” к Ермаку-разбойнику только в Приуралье. Пересказан также В.И. Немировичем-Данченко²³¹.

²²⁶ Там же, с. 75.

²²⁷ И. Железнов. Сказание уральских казаков. Ермак. //Библиотека для чтения, 1861, март, т. 164, с. 50. Об осмыслении донскими казаками волжских разбоев Ермака см.: П. Якушин. Путевые письма. // Отечественные записки, 1868, №10, с. 134-135.

²²⁸ И.Я. Кривошеков, И.К. Зеленов. Иллюстрированный путеводитель по р. Каме, Пермь, 1911, с. 7.

²²⁹ В. Весновский. Камская вольница. //Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927, вып. III, с. 64-65.

²³⁰ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. XI, с. 288.

²³¹ Там же, кн. IX, с. 75.

Ермак “заклял” те места в реке Ик, где им оставлены клады: “Сказывают, есть такие места, которые Ермаком закланы. Туда он свои клады хоронил. И поныне пойдет кто туда купаться, его нечисть эта самая за ноги на дно тянет”. Это мотив старообрядческого предания о Ермаке-разбойнике; согласно преданию, Ермаков клад достанется “старцу благочестивого жития” тогда, когда “перестанут старую веру гнать и по всей Москве будет нашим вольно молится и в свои била звонить”²³².

Добро, добытое разбоями, спрятано ермаковцами в “Пыжкиной луке”: сюжет предания пересказан И. Железновым: по “записям ермаковских казаков” добро находится в Пыжкиной луке – там “растут три осокоря, а промеж них три куста гребенщика, а промеж гребенщика зарыт клад из денег, из ружей и изо всякой золотой и серебряной посуды. Стережет его пестрый бык”, которого бояться не надо, но и нельзя “отмахиваться”, кричать, смотреть на него. Клад следует брать одному, иметь с собой “икону и чистое полотенце – клад на них скорее пойдет”²³³.

Ермак “ограничил” на Каме черта, разбивавшего барки: “Народ толкует, что в самой излуине (Камы, возле дер. Подмонастырье” - В.Б.) черт сидит, которому дана власть разбивать барки, не приставшие к монастырю.

- Только Ермак этого черта и ограничил. Он с одного инока снял крест и бросил в самую пучину к черту. Схватились они там – поднялись. Кама выше берегов вскипела вся. Надел Ермак Тимофеевич крест на черта и сгинул он с той поры совсем”²³⁴.

Начало сибирского похода: Ермак и Строгановы: как уже было отмечено, в некоторых преданиях XVII – первой половины XVIII вв. начало похода связывалось с материальной помощью Строгановых ермаковцам. Преданий второй половины XVIII-XIX вв. об этом нам обнаружить не удалось, но они, несомненно, существовали. Сохранилось несколько глухих отголосков повествований о связи Ермака и Строгановых: “Строганов воевал с Ермаком вместе татар”²³⁵, как и Ермак, “Строгановы татар били”²³⁶; кроме того, есть свидетельство пермского историка А. Дмитриева; он писал в конце XIX в.: “... В Пермском крае живы еще народные предания о связи Ермака со Строгановыми...”²³⁷. Хотя он не приводит этих преданий, его свидетельству можно верить.

²³² В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. IX, с. 75-76.

²³³ И. Железнов. Сказания уральских казаков. //Библиотека для чтения, 1861, февраль, т. 163, с. 17-18.

²³⁴ В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал, кн. IX, с. 61-62.

²³⁵ Там же, кн. X, с. 149.

²³⁶ Там же, кн. XI, с. 288.

²³⁷ А. Дмитриев. Пермская старина, Пермь, 1894, вып. V, с. 149.

Перед походом Ермака в Сибирь начала расти береза и перестали ловиться звери: мотив позднего происхождения. В ермаковских преданиях появился, видимо, не раньше XVIII в. Характерен скорее для Зауралья и Сибири.

По всему Уралу, Сибири широко бытовали рассказы о легендарной чуди; поскольку исчезновение чуди связывалось с появлением Ермака, указанные предзнаменования стали фигурировать в ермаковских преданиях: "перед завоеванием Ермаком Сибири стала вдруг в разных местах... произрастать береза"²³⁸, "перестали ловиться звери", шаманы объяснили, что идут воины белого царя во главе с "вождем", который бросает громы из руки"²³⁹.

Перед походом Ермак схоронил свою жену, которая была "из рода Строгановых": мотив, зафиксированный лишь однажды Е. Косвинцевым. Он слышал, будто Ермак "схоронил жену перед сибирским походом в... Ледяной пещере"²⁴⁰. Исследователь отметил также, что "среди окрестных крестьян это предание сохранилось и до наших дней" - 1898 г.

По пути в Сибирь Ермак ошибочно попадает в Сылву и зимует на городище: предания об ошибке Ермака слышал Г.Ф. Миллер; он же отмечал, что место зимовки "называется и поныне Ермаково городище"²⁴¹; писал об ошибке Ермака и зимовке на Сылве П. Икоsov, причем, писал скорее всего на основе местных преданий: Ермак "едва один день по Чусовой вверх ушедши, не зная же совершенно по реке Чусовой ходу в правую сторону в реку Сылву... поворотил и шел по той... Сылве до вершин мимо простых и населенных мест, пока наступившая зима его не задержала... А как уж наступил совершенно зимний холод и река Сылва льдом покрылась, то немедленно Ермак приказал делать казармы и землянки, обнес оныя для предосторожности тыном и в таком месте зимовать положил"²⁴². В XIX в. П.И. Мельников-Печерский отмечал: "предание говорит о Ермаке, что он, плывя вверх по Чусовой, ошибочно въехал в Сылву"²⁴³.

Так как авторы точное местонахождение городища не указывали, то даже Н. Чупин, сообщив, что оно находится на р. Сылве, вынужден был

²³⁸ С. Гуляев. Этнографические очерки южной Сибири. //Библиотека для чтения, 1848, т. 90, с. 141.

²³⁹ И. Пестов. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. М., 1833, с. 297. См. также: В.М. Флоринский. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск, 1889, с. 71; П.А. Городцов. Чудь: Западно-Сибирская легенда. //Этнографическое обозрение, 1906, №1-2, с. 113.

²⁴⁰ Е. Косвинцев. На Ермаковом городище. //Рудопол, 1898, №63.

²⁴¹ Г.Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 216.

²⁴² История о родословии... //ПГВ, 1880, №96.

²⁴³ П.И. Мельников-Печерский. Полное собрание сочинений, т. 12, СПб.-М., 1898, с. 219.

отметить: “Более точного указания местности сделать не могу”²⁴⁴, и просил, чтобы “кто-нибудь из хорошо знакомых с побережьем Сылвы сообщил о том (городище) сведения в Губернских ведомостях, например”²⁴⁵. Но сообщений не было. Чтобы хоть как-то “привязать” место зимовки Ермака на Сылве, историки вынуждены были обратиться к преданиям местных жителей. Но в преданиях оказалась разногласия на этот счет. Поэтому А. Дмитриев после сопоставления топонимических преданий писал, что казаки останавливались на месте деревни Хутора Ермаковы, лежащей у устья притока Сылвы Шатлыка²⁴⁶; другой автор фиксирует предания сылвинцев, согласно которым стоянка ермаковцев была будто бы на восточном склоне Ледяной горы и что Ермак окружил место зимовки валом, а находящаяся под городищем пещера была убежищем для храброй дружины, но не от врагов-инородцев, а от лютых морозов”²⁴⁷. Называлось в уральских преданиях еще одно место сылвенской зимовки – правый берег р. Сылвы в 3 км. от Кунгура и в 1/2 км от с. Крестовоздвиженского²⁴⁸. Наконец, “работники из остатков Ермакова отряда”, “по преданию”, жили на городище, лежащем на р. Иргине (притоке Сылвы) в 3 км от с. Ключи²⁴⁹.

Ермак на Сылвенском городище поставил часовню в честь святого Николая: в источниках XIX в. только дважды упоминается эта часовня. В 1898 г. Е. Косвинцев писал: “В память предания о часовне святого Николая на площадке городища теперь поставлен деревянный крест”²⁵⁰. В. Весновский также отмечал, что “часовня конца XVI века существовала на реке Сылве в районе деревни Петушки, в которой, по преданию, жил и разбоем кормился соратник Ермака Петух”²⁵¹.

На Сылве казаки оставили “насад”: мотив очень редкий. Имеется единственное свидетельство конца XIX века. “Пеньковские крестьяне мне рассказывали, что повыше Елпача, в излучине реки Сылвы, в древности стоял “насад”, на котором плыл Ермак в Сибирь. Нос у насада был

²⁴⁴ Н. Чупин. Географический и статистический словарь Пермской губернии, т. I, Пермь, 1873, с. 142.

²⁴⁵ Там же, с. 482.

²⁴⁶ А. Дмитриев, указ. соч., с. 142.

²⁴⁷ Е. Косвинцев. На Ермаковском городище. //Рудопоп, 1898, №63.

²⁴⁸ Ф.А. Доброхотов. Урал Северный, Средний, Южный, Петроград, 1917, с. 335-336.

²⁴⁹ В.А. Семенов-Тяньшанский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. V Урал и Приуралье. СПб, 1914, с. 418, Кроме того, Е. Косвинцев в конце XIX в. записывал предания, согласно которым сылвенские деревни Ермаки и Кокуй также основаны ермаковцами. – Е.Н. Косвинцев. Материалы для областного словаря – ГАПО, ф. 837, д. 94, л. 14.

²⁵⁰ Е. Косвинцев. На Ермаковском городище. //Рудопоп, 1898, №63.

²⁵¹ Цит. по: Е. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири. Свердловск, 1965, с. 65.

будто бы обит железом. С течением времени насад засыпала обваливающаяся береговая земля и о нем осталось только устное предание у местных жителей"²⁵².

Ермак шел в Сибирь "тремя путями, тремя войсками": мотив, отраженный в источниках второй половины XVIII-XIX вв. лишь однажды. у В.И. Немировича-Данченко: "... шел он, Ермак на Сибирь тремя путями, тремя войсками, одно войско – мимо Басегов"²⁵³. Мотив вымышленный.

Ермак шел в Сибирь через "Верхотурские горы, зимовал на том месте, где сейчас стоит город Верхотурье, получил здесь от Строгановых материальную помощь": так рассказывалось о пути Ермака в Сибирь в преданиях, которые слышал Страленберг²⁵⁴.

В Басегах Ермаку пришлось сражаться с волшебными людьми; он их загоняет в горы: сюжет, скорее всего, книжного происхождения; бытовал в среде старообрядцев; пересказан В.И. Немировичем-Данченко²⁵⁵.

Ермак шел Кунгурским трактом, отдыхал в лощине возле Кунгура:

- Вон Ермакова лощина, ишь...

- Почему Ермакова?

- Да здесь сам отдыхал, как шел на Сибирь²⁵⁶.

Один из случаев, когда местные достопримечательности связывались с именем Ермака. Мотив кунгурского предания.

В пещере Чусовского камня Ермаком оставлен клад: Один из наиболее распространенных мотивов. Г.Ф. Миллер пересказывает слышанные им рассказы уральцев следующим образом: "Ермак имел такие большие богатства, что не считал возможным везти их с собой, а потому сложил на берегу Чусовой в одной скале, в образовавшейся в ней пещере с выходом к реке. По возвращении он легко мог забрать эти богатства с собой"²⁵⁷. "Как баснословят, Ермак Тимофеевич скрывал свои сокровища" в камне на Чусовой, писал Н.С. Попов²⁵⁸.

В пещере Чусовского камня Ермак зимовал вместе с казаками: как уже было отмечено, такой мотив впервые встречается у К. Данилова. В

²⁵² "Отдельные листы из различных статей по вопросам этнографии и топонимики Е.Н. Косвинцева" - ГАПО, ф. 837, д. 99, л. 25.

²⁵³ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. X, с. 137.

²⁵⁴ Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 221.

²⁵⁵ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. X, с. 138.

²⁵⁶ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. XI, с. 241.

²⁵⁷ Г.Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 218.

²⁵⁸ Н.С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, с. 44.

ХІХ в. записывали Я. Рогов²⁵⁹, Е. Янишевский²⁶⁰, в начале XX в. – М. Герц и В. Чамов²⁶¹.

Ермак зимовал в пещере Чусовского камня и оставил там клад: в некоторых преданиях соединялись два предыдущих мотива: “по местному преданию, Ермак зимовал в пещере во время похода в Сибирь и похоронил в ней сокровища свои”. При этом добавлялась характеристика пещеры: она высоко над водой и попасть в нее можно только по веревке, спущенной с верха скалы; пещера “не имеет конца”, “разделена на множество гротов”²⁶² и т.п.

Ермак приказал духам стеречь свой клад: мотив довольно редкий в горнозаводских преданиях. Зафиксирован, пожалуй, только П.И. Мельниковым-Печерским: “Предание говорит, что Ермак, искусный в чародействе,... спрятав тут (в пещере чусовского камня – В.Б.) свои сокровища, приказал духам стеречь их”²⁶³. Клад достанется только тому, “кто знает слово”²⁶⁴.

В Чусовой пещере остался жить дух Ермака, требующий к себе почитения: “вот на одном утесе зачернела зияющая пасть пещеры, которым обильны окружающие Чусовую скалы, и дружный возглас “Ура, Ермак!” вырывается разом из широких могучих грудей русских бурлаков и рабочих, а в ответ ему из глубины пещеры, из расщелин соседних скал эхо гулко отвечает то же приветствие. Если вы спросите, что означает этот возглас, то найдете туманное объяснение, гласящее, что живущий в этой пещере дух великого завоевателя Сибири и его дружины может быть недружелюбным к каравану и его спутникам в случае недостаточного к нему почитания”²⁶⁵. Другой автор оставил такой рассказ о приветствии камня Ермака: “По принятому на Чусовой обычаю, мы от-

²⁵⁹ Я. Рогов. Заметки во время плавания по реке Чусовой. //Журнал министерства внутренних дел, 1852, март, с. 350.

²⁶⁰ Е. Янишевский. Поездка на Чусовую. Пермь, 1886, с. 47.

²⁶¹ М. Герц. 70 дней пешком и на лодке по Уралу. //Естествознание и география, 1915, №7-8, с. 95. В. Чамов. На лодке по Чусовой. //Рулевой, 1914, №2, с. 46-50. Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами центрального штаба. Пермская губерния, ч. I, СПб, 1864, с. 83. См. также: И. Лепехин. Вторая часть дневных записок путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб, 1772, с. 216-217: Письма из Сибири. Из Невьянских заводов. Письмо VII //Азиатский вестник, 1825, март, с. 201; Настольный энциклопедический словарь. Объяснение слов по всем отраслям знания. Вып. 35, М., 1891, с. 1673; В.П. Семенов-Тяньшанский. Указ. соч. т. V, с. 420; И.Г. Остроумов. Географическая энциклопедия обоих склонов Урала (бывшей Пермской губернии в границах до 1917 г.) – ГАПО, ф. 72, д. 29, л. 27.

²⁶² В.Г. Чекан. Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899, с. 30. И.Г. Остроумов. Географическая энциклопедия обоих склонов Среднего Урала... - ГАПО, ф. 72, д. 29, л. 26.

²⁶³ П.И. Мельников-Печерский. Дорожные записки... //Отечественные записки, 1840, т. IX, с. 41.

²⁶⁴ К.А. П. Пестрые письма из летних скитаний: Поездка по Чусовой. //ПГВ, 1904, №236.

²⁶⁵ В.П. Семенов-Тяньшанский, указ. соч., т. V, с. 369.

дали Ермаку салют. Весной, при сплаве чусовского каравана камню “Ермак” отдадут салют с казенок из маленьких пушек-фальконетов и есть поверье, что если с казенки не отдадут салюта, то плавание каравана, которому принадлежит несалютованная казенка, не окончится благополучно. Мы за неимением пушек салютовали из ружья и револьвера”²⁶⁸.

Надо полагать, этот мотив был очень распространенным и в чусовских преданиях; в советское время фольклористами записывался многократно, хотя и в несколько трансформированном виде, примерно, как у Д. Мамина-Сибиряка: “Когда плывут по Чусовой мимо Ермака-камня барки, бурлаки каждый раз кричат: “Ермак! Ерма-ак!” Скала отражает звук и в ответ раздается громкий гул. “Это Ермак отзывается”, - говорят бурлаки”²⁶⁷.

Ермак в пещере чусовского камня прячется от вогулов: этот мотив зафиксирован только у академика Георги, как отмечает Н. Чупин²⁶⁸. Мотив, скорее всего, вогульского предания, ибо герой труслив, вынужден “несколько раз” скрываться в пещере от вогулов. Подобная трактовка поведения Ермака не характерна для русских преданий. Кроме того, академик Георги записал предание после посещения деревень Копчики Бабенки (находятся в 6-8 км от камня Ермака), где основное население в 1771 году, когда там был Георги, составляли вогулы.

Очень неопределенно этот мотив упомянут в конце XIX в. В. Лохтиным: “Множество рассказов и преданий сохранилось относительно этих (чусовских – В.Б.) пещер: в одной укрывался Ермак во время похода в Сибирь и сражений с туземцами, в другой было убежище разбойников”²⁶⁹.

В один из чусовских камней Ермак заточил персидскую царевну, измывавшую ему: сюжет редкий в ермаковском фольклоре. Пересказан В.Н. Семеновым-Тяньшанским²⁷⁰.

Когда Ермак плыл по Чусовой, дорогу ему указывал лебедь²⁷¹: в ермаковских преданиях этот мотив появился, очевидно, не ранее XVIII века – времени начала интенсивной эксплуатации Чусовой. В переработанном виде мотив вошел в сказ П.П. Бажова “Ермаковы лебеди”.

Ермак “прудит воду парусами”, чтобы преодолеть мелководье уральских рек: впервые упоминает Г.Ф. Миллер²⁷². После Г.Ф. Миллера это

²⁶⁶ К.А.П., указ. соч. – ППВ, 1904, №236.

²⁶⁷ Д. Мамин-Сибиряк. Покорение Сибири. //Журнал для детей старшего возраста, 1882, март, кн. III, с. 158.

²⁶⁸ Н. Чупин, указ. работа, с. 484-485.

²⁶⁹ В. Лохтин. Сплав по реке Чусовой горнозаводских караванов. //Русская речь, 1880, сентябрь, с. 333; он же, Сплав по Чусовой горнозаводских караванов. М., 1886, с. 35.

²⁷⁰ В.П. Семенов-Тяньшанский, указ. работа, с. 369-370.

²⁷¹ В.И. Немирович-Данченко, указ. соч., кн. X, с. 208.

²⁷² Г.Ф. Миллер, указ. соч., с. 219.

сюжет отмечали И. Фишер, И. Черепанов, Н. Попов, Г. Спасский и другие²⁷³. В одних преданиях говорилось о сооружении ермаковцами запруд на Чусовой, в других – и это более вероятно – на Серебрянке.

Ермак устраивает зимовку в Кокуй-городке: в XVIII веке предание об этой зимовке слышали многие. У Г.Ф. Миллера: “Ермак... приказал разбить... зимний лагерь, укрепив его по своему обыкновению стоячим тыном, остатки которого еще до сих пор можно там видеть. Это место в память Ермака называется “Ермаковым городищем”; оно находится на северо-восточном берегу Серебрянки при устье небольшой речке Кокуя”²⁷⁴. В 1738 г. на городище побывал офицер Екатеринбургской горной канцелярии Н. Клеопин. Его “дневальная записка” позволяет судить, во-первых, о бытовании среди “работников” рассказов о Ермаке и, во-вторых, представить весь казачий лагерь, его устройство. Н. Клеопин впервые назвал точное местонахождение городища: “... при устье Кокуя речки, впадающей в Серебрянку, с левой стороны”²⁷⁵; - П.С. Паллас перелагал “сказки старожилов”: “Сие есть то место, где был первый Сибири завоеватель Ермак Тимофеевич, пришедши из Чусовой в Серебрянку и до ручья Кокуй зазимовал и для того несколько зимовьев с укреплением построил. Видны и доныне следы сих хижин...”²⁷⁶

Кокуй-городок (или Буй-городок) назывался местными жителями Ермаковым городищем²⁷⁷, а мыс при впадении речки Кокуй в Серебрянку – Ермаковым²⁷⁸. К концу первой половины XIX в. “остатки” городища еще были “видны”²⁷⁹, затем это место окончательно заросло кустарником, лесом. Предание о Кокуй-городке продолжало бытовать. А археологи “потеряли” его. Только в советское время городище удалось обнаружить Л.Ф. Толмачеву; раскопки, произведенные археологами во главе с А.И. Рассадович, дали материал, необходимый для установления длительного пребывания в этом месте русских в конце XVI в.²⁸⁰.

²⁷³ И.Е. Фишер, указ. соч., с. 119; Черепановская летопись – Рук. отд. РНБ. F. IV. 324 л.4 об.; Н.С. Попов, указ. соч., ч. I, с. 186; Картина Сибири. – “Сибирский сборник, издаваемый Григорием Спасским” М., 1818, ч. I, с. 15; П. Мельников-Печерский, указ. соч. //Отечественные записки, 1840, с. 41.

²⁷⁴ Г.Ф. Миллер, указ. соч., с. 220.

²⁷⁵ Цит. по: Н. Чупин, указ. соч., с. 483.

²⁷⁶ П.С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Академии наук, книга I, часть I, с. 1770 год.

²⁷⁷ Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года. Пермь, 1801, с. 118.

²⁷⁸ И.Г. Остроумов, указ. соч., - ГАПО, ф. 72, д. 29, л.25; В. Весновский. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 190, с. 160.

²⁷⁹ И. Рябов. Былина и временность Нижне-Тагильских заводов, находящихся в Пермской губернии Верхотурского уезда и принадлежащих А.Н. и П.П. Демидовым. //Ученые записки Казанского университета, 1848, с. 7.

²⁸⁰ Д. Владимирский. Ермаково городище. //Советская Россия, 1956, №102, 26 октября.

Между Серебрянкой и Баранчой (речкой Журавль) казаки бросили лодки: “Казаки были принуждены бросить мелкие суда по дороге. Как уверяют живущие в тем местах русские и вогулы, - писал Г.Ф. Миллер, на основании будто бы их личных наблюдений, между Баранчой и Серебрянкой до сих пор можно видеть остатки этих судов: через прогнившие их днища проросли теперь большие деревья”²⁸¹. У П.С. Палласа также отмечено: “Видны и донныне... остатки вытащенных на берег судов”²⁸². Уралец П. Икосов в конце XVIII в. писал: “Струги Ермаковы, в коем месте оставлены, и поныне есть многим лесникам и ловцам известны, ибо где оные на берегах (Серебрянки! – В.Б.) оставлены, вырос на них кустарник немалой”²⁸³. В XIX в. предания уже несколько по-другому говорили о местонахождении брошенных стругов: “Октай, сия историческая речка, которая извиается у подошвы Синей горы, напоминает, что завоевателем Сибири на ней были оставлены лодки через Урал перетащенные. За несколько лет были старожилы, которые будто бы еще видели те лодки, но правда ли сказка ли (это)...”²⁸⁴

Называлось и “точное” число оставленных ермаковцами стругов - три²⁸⁵. Были даже попытки поисков их. Так, некто В.Д. Белов “стал там бурить землю и, действительно, нашел доски, остатки барачного леса, но ни одного железного гвоздя”²⁸⁶.

У тагильского камня Медведь ермаковцы зимовали: в конце XIX – начале XX вв. “предание гласило”, что возле камня Медведь казаки Ермака провели всю зиму²⁸⁷. Сюжет сравнительно поздний, более ранние два последующих.

У Медведь-камня на Тагиле ермаковцы провели часть зимы и строили суда: Об этом говорит П.С. Паллас: “Перешедши гору и достигши Тагила, Ермак для препровождения остальных дней зимы и для сооружения себе новых судов сделал на том месте (у Медведь-камня – В.Б.) другую крепостцу и несколько зимовьев”²⁸⁸.

²⁸¹ Г.Ф. Миллер, указ. соч., с. 220-221; историк также отмечал: “Небольшая речка Журавля впадает... в Баранчу с южной стороны. В устьях этой речки Ермак велел выстроить небольшие плоты, на которых он плыл до Тагила” - там же, с. 221. Зато П. Икосов пишет, что от Серебрянки до Тагила ермаковцы прошли пешком с необходимыми запасами – П. Икосов, указ. соч. //ПГВ, 1880, №99. Видимо, уральский историк пересказывает местное предание.

²⁸² П.С. Паллас, указ. соч., с. 260.

²⁸³ П. Икосов, указ. соч. //ПГВ, 1880, № 99.

²⁸⁴ Письма из Сибири. Гороблагодатские заводы. Письмо IV //Азиатский вестник, 1825, март, с. 192 (176).

²⁸⁵ Там же, с. 426.

²⁸⁶ Там же, с. 426.

²⁸⁷ В. Весновский, указ. соч., Екатеринбург, 1904, с. 216.

²⁸⁸ П.С. Паллас, указ. соч., с. 260.

У Медведь-камня на Тагиле ермаковцы строили плоты (или лодки, струги, лады): сюжет близок к предыдущему по содержанию, но содержит лишь упоминания о зимовке. Н. Чугин, собравший все фольклорные сведения о пребывании ермаковцев на Тагиле, счел нужным дать такую информацию: “По преданию, тут было укрепление, построенное Ермаком с дружиною его после того, как он, перешедши Урал, поплыл на плотях по Баранче и достиг Тагила. Говорят, что в этом самом месте казаки его строили для дальнейшего путешествия в Сибирь новые, большего размера плоты”²⁸⁹.

Любопытно, что указанный сюжет присутствует и в татарских зауральских преданиях, правда, в несколько трансформированном виде: плывущая по реке щепка – признак скорого появления русских. Академик Радлов от тюменских татар записал предание, где есть такой момент: однажды “вдоль по реке Вагаю поплыли стружки и никто не знал, откуда они и что это значит”, а через три года появился корабль Ермака²⁹⁰.

В Кокуй-городке и возле тагильского камня Медведь ермаковцами оставлены клады: Относительно существования таких преданий можно говорить предположительно – записей нет. Зато есть свидетельства Н. Клеопина о Кокуйском городище и П.С. Палласа – о Тагильском, что на обоих городищах есть следы “кладоискательских ям”²⁹¹.

Ермак по реке плыл, останавливался за Верхней Салдой на отдых:

“За Верхней Салдой появились кедры...”

- Это еще Ярмаков лес!... Тут, в Салде реке, он ставил свои лады и отдыхал под нашими кедрами”.

(из разговора В.И. Немировича-Данченко с салдинцем)²⁹².

Мотив вымышленный, из местного салдинского предания.

Ермак оставил свои лады в Салде; находили их останки: “Тут, в Салде реке он (Ермак – В.Б.) ставил свои лады... Говорят, остатки ладей до сих пор отыскиваются”²⁹³.

Ермак по пути в Сибирь оставляет знаки на тагильских скалах (камях-утесах). Они указывают на клады: первое упоминание о существо-

²⁸⁹ Н. Чугин, указ. соч., стр. 483, см. там же: Я. Рогов. Предания о Ермаке. //Москвитин, 1952, май, кн. 2, с. 76; И. Рябов. Несколько слов о древностях Верхотурского уезда. //ПГВ, 1855, №28.

²⁹⁰ Перевод Н. Катанова. См.: Н.Ф. Катанов. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке. //Ежегодник Тобольского музея, вып. V, Тобольск, 1896. с. 12. См.: там же: Н. Костров. Народные предания татар о Кучуме и Ермаке. //Сибирская газета, 1881, №2.

²⁹¹ П.С. Паллас, указ. соч., с. 260-261; Н. Чугин, указ. соч., с. 481; см. также: Е. Кузнецов-Тобольский. Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири. //ТГВ, 1896, №27; О.Н. Бадер. Археологические памятники Тагильского края. //Ученые записки Молотовского университета им. А.М. Горького, 1953, т. VIII, вып. 2, с. 316.

²⁹² В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. XI, с. 426.

²⁹³ Там же, с. 426.

вании этого мотива в уральских преданиях относится к 1800 году: "Писменной, в 2 верстах от деревни Гаевой на левой стороне Тагила, получил свое название от написанных на нем красным цветом фигур, о которых простой народ думает, что Ермак начертил оныя"²⁹⁴.

Чуть позже это же отмечали Н.С. Попов²⁹⁵ и П. Мельников-Печерский²⁹⁶.

Камней с надписями (рисунками) на Тагиле довольно много – Балабан, Соколий, Караульный, несколько Змеевых и т.д.²⁹⁷ Некоторые из них считались хранилищами ермаковских кладов. "На вершине утеса (Балабан – В.Б.) находится несколько ям, вырытых корыстолюбием кладоискателей, предполагавших, что надписи указывают на зарытые сокровища"²⁹⁸.

Вогулы устраивали засаду возле Караульного камня, перегораживали цепью Тагил; Ермак разорвал цепь "напором судов": в пересказе тагильского краеведа середины XIX в. Д. Шорина предание звучит так Караульный камень получил такое название "будто бы потому, что тут вогуличи, загородивши Тагил, караулили Ермака, но он напором судов разорвал цепь и без потерь в дружине уплыл дальше вниз по Тагилу"²⁹⁹. Это известный сюжет, получивший уральское приурочение. Бытование его в тагильских деревнях в XIX в. отмечено также И. Рябовым³⁰⁰.

Ермак покоряет вогулов при продвижении по Тагилу: сохранились свидетельства, позволяющие предположить, что подобный мотив был в уральских преданиях в XIX в. К примеру, И.Я. Кривошеков писал: "Предания в населении говорят о гибели вогул при битвах с русскими во время похода по Тагилу Ермака для покорения Сибири"³⁰¹.

При помощи "соломенных людей" Ермак обманывает (запугивает) татар: в XVIII в. сюжет фиксировался многими авторами³⁰². Места дей-

²⁹⁴ Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года. Пермь, 1801, с. 211.

²⁹⁵ Н.С. Попов, указ. соч., ч. I, с. 32-33.

²⁹⁶ П.И. Мельников-Печерский, указ. соч. //Отечественные записки, 1841, т. 18, с. 9.

²⁹⁷ См., например, О.Н. Бадер, указ. соч. //Ученые записки Молотовского университета им. А.М. Горького, 1953, т. VIII, вып. 2, с. 315-360.

²⁹⁸ И. Рябов. Несколько слов о древностях, находящихся в округе Нижне-Тагильских заводов Верхотурского уезда. //ПГВ, 1855, №25.

²⁹⁹ Д.П. Шорин. О древностях в окрестностях Нижне-Тагильского завода. – ГАСО, ф. 139, д. 22, л. 7.

³⁰⁰ И. Рябов. Былина и современность Нижне-Тагильских заводов. //Ученые записки Казанского университета, 1848, кн. III, с. 8

³⁰¹ И.Я. Кривошеков. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910, с. 535.

³⁰² Г.Ф. Миллер, указ. соч., с. 224; И.Е. Фишер, указ. соч., с. 123-124; Картина Сибири. // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским, 1818, ч. I, с. 16-17; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, изд. 2-е, М., 1910, т. II, с. 719-720; Куратов, Личность Ермака в народной оценке. // ТГВ, 1883, №5; А. Оксенов. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа. //Сибирский сборник. Приложение к "Восточному обозрению", 1886, ч. II, с. 47; Садовников, наши землепроходцы. М., 1874, с. 18.

ствия назывались разные – Тагил, Тура, Тобол; остальные детали почти не изменялись.

Подобный сюжет был и в преданиях зауральских татар³⁰³.

Объединившись, вогулы и татары разбивают отряд ермаковцев у реки Нейвы: Г.Ф. Миллеру “рассказывали”, что “один казачий отряд отправился однажды из зимовья Ермака через Тагил на разведку до реки Нейвы. Татарский мурза, живший при этой реке, собрал столько татар и вогулов, что казаки не смогли с ним справиться и едва ли кто-либо из казаков спасся, чтобы дать весть Ермаку”³⁰⁴. В XIX в. такого предания не записывал никто.

Возле Билимбая Ермак побил неверных; остались их гробы: у В.И. Немировича-Данченко: “Название горы “Гробовская” явилось потому, что близ ее вершины нашли громадные гробы в виде колоды. Над гробами насыпан был курган.

- Чьи ж это гробы?

- Да, вишь, цари были такие неверные, которых Ермак побил, так это гробы их”³⁰⁵.

Ермак загоняет чудь вместе с ее царем в гору: Сюжет пересказывает также В.И. Немировичем-Данченко³⁰⁶. Предание бытовало скорее всего в среде старообрядцев.

Возле Кунгура Ермак окружил чудь (“немоту”) и “три дня бил”, пока не уничтожил всю: так, очень схематично, сюжет пересказан в очерках “Кама и Урал”³⁰⁷.

Ермак превращает 7 волшебных братьев в скалы: один из наиболее ярких сюжетов. Пересказан у В.И. Немировича-Данченко³⁰⁸.

“Во время нашествия Ермака” чудь прячется в вырытых ямах; когда же “не стало возможности укрываться и тут, люди эти подрубили стойки, поддерживающие потолок их жилищ и погибли”: сюжет зафиксирован И. Вологодиным в 1850 г. в Пермской губернии³⁰⁹.

Предания о том, что “чудь зарылась в землю” широко бытовали в Урало-Сибирском крае уже в XVII в. Очевидно, в XVIII в. указанный сюжет был “втянут” в ермаковский цикл.

Возле Ирбита чудь построила крепость “на защиту от нашествия Ермака”: некто И. Ту-в (видимо, ирбитский житель) сообщал в “Пермских

³⁰³ См. например: Н.Ф. Катанов, указ. соч., с. 12, Н. Костров, указ. соч. // Сибирская газета, 1881, №2.

³⁰⁴ Г.Ф. Миллер, указ. соч., с. 220.

³⁰⁵ В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал, кн. XI, с. 282.

³⁰⁶ В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал, кн. X, с. 266-267.

³⁰⁷ В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал, кн. XI, с. 241.

³⁰⁸ Там же, кн. XI, с. 356.

³⁰⁹ Из преданий, записанных И. Вологодиным. – ГАПО, ф. 672, д. 119, л. 118.

губернских ведомостях": около Ирбита есть "земляной бугор", окруженный с двух сторон озером; горожане и окрестные крестьяне рассказывают, что это городище есть остаток чудской крепости, построенной на защиту от нашествия Ермака с его дружиной и что озеро образовалось от выношенной для бугра земли"³¹⁰. Предания о борьбе Ермака с чуждью существовали и в Сибири³¹¹.

Ермак разбивает "чудаков" возле Ледяной горы: на склоне Ледяной горы, что возле Кунгура, сообщал В. Косвинцев, кроме Ермакова городища есть еще другое, "называемое крестьянами Чудковым... Вал этого городища выше, чем на первом, но короче. Здесь жили "чудки", которых побил Ермак, идя в Сибирь". "Чудки составили на городище "положение" (клад – В.Б.); их могилы находятся в двух курганах, что лежат в "полуверсте от городища на крестьянской пашне. Крестьяне их оберегают и не дают раскапывать"³¹².

Все вогулы во главе с Самарой собрались, чтобы сразиться с Ермаком; жрица умолила бога Рачу дать разрешение на эту битву; ночью перед боем ермаковцы неожиданно нападают на вогулов и убивают всех: это скорее всего, зауральский сюжет; пересказан Л. Симоновой³¹³. Очевидно, рассказы о многочисленных стычках ермаковцев с урало-сибирскими аборигенами представлены здесь крупным сражением.

Победив шестерых татарских князев – среди них были Кашкара, Варвара и Майтас – и взяв много добычи, Ермак оставил клад около устья Туры: предание зауральское; одно из наиболее ранних; пересказ находится у Г.Ф. Миллера³¹⁴, бытовало и в XIX в.³¹⁵

"Вблизи Бегишевского озера" Ермаком оставлен клад, состоящий из "добра", взятого у князца Бегиша: предание зауральское. Зафиксировано Е. Кузнецовым-Тобольским³¹⁶.

Ермак вынудил Кучума бросить часть своих богатств: мотив зауральского предания: Кучум, "спасавшийся бегством, бросил часть своего богатства" в "колодезь" возле речки Сибири; "колодезь" был завален плитками." На моих памятях, - говорил один старик, - были тут каменные

³¹⁰ И. Ту-в. Ирбитское городище. //ПГВ, 1870, №74.

³¹¹ См., к примеру: А. Кострен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. //Магазин земледелия и путешествий, географический сборник Н. Фролова, т. VI, ч. II М., 1860, с. 232.

³¹² Е. Косвинцев. На Ермаковом городище. //Рудопол, 1898, №63.

³¹³ Л. Симонова. Последняя победа Ермака (На основании преданий): Очерк. //Эхо газет, 1881, №21.

³¹⁴ Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 223.

³¹⁵ Е. Кузнецов-Тобольский. Кладоискание и предание о кладах в Западной Сибири" //ТГВ, 1896, №27.

³¹⁶ Там же. //ТГВ, 1896, № 27.

плиты. Крестьяне разобрали в печи, да видно, зарок был у татар наложен: все перемерли, которые плиты-то взяли. Не приведи бог и богатства его искать”³¹⁷.

Татары строят укрепления для защиты от Ермака: “Около деревни Новофилатовой, - писал Е. Кузнецов-Тобольский в конце XIX в., - это в 52 верстах от Тобольска по тракту на Березов, видны два кургана. Народ считает эти круганы чудскими, а укрепление (что рядом – В.Б.) – татарским, сделанным для защиты от нападения Ермака”³¹⁸. Мотив вымышленный.

Татарки построили возле Ермаковой перекопи укрепление, где спасали себя и свое имущество: Мотив, вероятно, татарского предания; перешел в предания русских. Свидетельство Е. Кузнецова-Тобольского: “В 50 верстах от Тобольска вверх по Иртышу... на бугре, близ так называемой Ермаковой перекопи тоже видны остатки укрепления, называемого Кысым-Тура (Девичий городок). Говорят, что место это названо так в воспоминание подвига тех татарок, которые во время поражения мужей их Ермаком наносили сюда земли и сделали вал, за которым спасали себя и свое имущество”³¹⁹.

Возле села Усть-Суерского у Ермака были битва с татарами; погибшие похороны здесь же: сообщение о существовании подобного предания относится к концу XIX в.: “В 3 верстах от села Усть-Суерского близ озера Скрибинского (Тобольской губернии Курганского округа) лежит курган. Вблизи этого кургана, в 200 саж от него, находится еще 4 кургана. Между этими курганами лежит дорога, называемая Казачьей. Здесь, по преданию, происходила битва у Ермака с татарами и могилы христианские тут перемешаны будто бы с татарскими”³²⁰.

Ермак вместе со Стенькою Разиным, Ванькою Каином, Иваном Мазепой, Гришкой Отрепьевым завоевывает Сибирь: запись выполнена П.Н. Рыбниковым от уральцев – крестьян Екатеринбургского уезда Пермской губернии³²¹.

Ермак погиб случайно: перепрыгивая с лодки на лодку, упал в Иртыш и “царский лат в 12 пуд” утащил его на дно: сюжет бытовал на Южном Урале, записан И. Железновым³²².

³¹⁷ З. Прогулка по историческим окрестностям Тобольска. //ТГВ, 1881, №37.

³¹⁸ Е. Кузнецов-Тобольский, указ. соч. //ТГВ, 1896, №27.

³¹⁹ Там же. //ТГВ, 1896, № 27.

³²⁰ Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы. //ТГВ, 1878, № 44.

³²¹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. II, М., 1910, с. 719-720.

³²² И. Железнов. Сказания уральских казаков. Ермак. //Библиотека для чтения, 1861, март, т. 164, с. 50-51.

Ермак был застрелен одним татарином: вариант предания о гибели Ермака. Очевидно, позднего происхождения. Бытование отмечено в Зауралье.

По этому преданию, Ермак неожиданно появляется в Сибири, он плывет по Иртышу на “корабле”; по нему стреляют два татарских стрелка. Оба они в “панцирях”, поэтому другие татары им сказали: “Вы показываете вашу богатырскую силу – в панцирях”. Тогда они устыдились, сбросили панцири...” Один “стрелок увидел Ермака, как он надел свой панцирь и стрелял на корабле из ружья. Тут они прицелились друг в друга и выстрелили. Пуля стрелка попала в Ермака, пуля Ермака попала в стрелка; оба умерли”³²³.

На Иртыше, на месте гибели своей, “является Ермак то в сияющих доспехах, то в шубе, подаренной ему за его подвиги Иваном Грозным”³²⁴: мотив скорее всего зауральского предания.

Автор цитируемой заметки долго жил в Зауралье, слышал русские и “инороднические предания”, по ним “смерть Ермака относится к октябрю 20 и не далее 1 ноября”³²⁵.

Кучум умер сам; похоронен с живой девушкой и своим имуществом; над его могилой насыпаны три шихана: в некоторых преданиях, видимо, не упоминалось о гибели покорителя Сибири, но говорилось о смерти Кучума³²⁶.

Ермак оставил после себя оружие: сохранилось довольно много свидетельств, позволяющих говорить о том, что предания об оружии, будто бы оставленные покорителем Сибири, активно бытовали по всему Уралу.

Уже Радищев отмечал во время своего вынужденного путешествия в Сибирь, что в Кунгуре, “в сарае, называемом цехгаузом, хранятся пушечки (фальконеты) ермаковы и ружья весом в пуд или в 1,2, по крайней мере, ствол чугунный, ложа деревянная простая, замок старинной с колесами”. В Перми, напротив, считали, что ермаково оружие хранится у них. Н.С. Попов писал: “Пищали (большие ружья с фитилями), как-вые хранятся при Пермском главном народном училище, известны здесь под именем ермаковских”³²⁷. Подробен в описании ермаковского оружия и преданий о нем П.И. Мельников-Печерский: “Здесьняя гимназия обширна для Перми. В ней обращает на себя внимание так называемое

³²³ Н. Костров. Народные предания татар о Кучуме и Ермаке. //Сибирская газета, 1881, №2.

³²⁴ М. Кулишов. Письмо в редакцию. //Харьковские губернские ведомости, 1882, №225.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Ф. Голубев. Могила Кучума: Из рассказов старожила. //Сибирский вестник”, 1889, №79.

³²⁷ Н.С. Попов, указ. соч., часть III, СПб, 1813, с. 72.

ермаково оружие, привезенное сюда из Екатеринбургского арсенала³²⁸. Это оружие состоит: а) из железного большого оружия, весом фунтов в 60, с замком и деревянной ложею; б) из двух чугунных пушек, одна длиною аршина в 2 1/2, другая в 2, с узкими дулами, так что их надобно заряжать оружейною пулею; в) фитиля. Большое ружье украшено резьбою в виде чешуи и насечками³²⁹. Иногда пермякам удавалось уверить заезжих людей, что оружие действительно принадлежало Ермаку; разумеется, после этого оно покупалось. К примеру, один пермяк-лесник продал "ружье Ермака", и оно экспонировалось в частном музее в столице³³⁰.

В Петербурге, в доме Строгановых гостям также показывалось "ружье Ермака"³³¹.

А в Тюмени, Тобольске считали, что "подлинное Ермаково оружие" хранится все-таки у них. При "Тюменском городовом волостном правлении, - писал Н. Абрамов, - я видел в 1852 году четыре затинные пищали, длиною кажда по 2 арш., толщиною 4 дюйма, дуло в поперечнике – 3 дюйма... По преданию, эти пищали принадлежали Ермаку"³³². "В Тобольском арсенале хранятся и поныне некоторые вещи от похода Ермака, как-то: кольчуги, пищали и другие тогдашних времен военные снаряды"³³³ - так было в начале XIX в., но к 90 годам уже никаких "военных снарядов" не осталось³³⁴.

Видимо, к началу XX в. предания о "ермаковских ружьях" затухают. В советское время подобных преданий никто не записывал.

Щит (панцирь) Ермака: О. Константинов в заметке "Выставка художественных произведений и редких вещей в императорской Академии Художеств" сообщал: "Посредине помещена арматура из старинного ору-

³²⁸ Очевидно, предание о "ермаковом" оружии бытовало в свое время в Екатеринбурге.

³²⁹ П.И. Мельников-Печерский. Полное собрание сочинений. Т. XII, с. 219-220.

³³⁰ А.В. Арсеньев. Письмо в редакцию. //Новое время 1891, №543 (перепечатано в "Сибирском листке" 1891, № 37).

³³¹ А. Ефимов. Письмо в редакцию. //Новое время. 1891, № 5431. Н. Воронихин справедливо писал, что это ружье поддельное: дарственная надпись датирована "по числению от рождения Христова, а не от сотворения мира, как бы следовало ожидать для времени, к которому будто бы относится пищаль" - Н. Воронихин. Письмо в редакцию. // Новое время, 1891, № 5433.

³³² Н. Абрамов. Ермак – покоритель Сибири. //ПГВ, 1866, № 18. Несколько раньше он писал, что "по преданию, эти ружья заплавлены туда Ермаком в 1580 году" - Н. Абрамов. Город Тюмень. //ТГВ, 1858, № 50.

³³³ Картина Сибири. //Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским". 1818, ч. I, с. 14.

³³⁴ К. Кузнецов-Тобольский с горечью констатировал: "Равнодушная к своему прошлому Сибирь почти ничего не сберегла из тех достопримечательностей, которые бы напоминали краю о воинских доблестях завоевателя его. Мы не имеем ни одного из тех доспехов Ермака". – Е. Кузнецов. Находка ружья покорителя Сибири. //ТГВ, 1891, №22.

жия, висит щит Ермака, почитаемый за дарственный от царя Иоанна Васильевича IV³³⁵.

Думается, что существовали предания о щите покорителя Сибири: в них, очевидно, давалась история этого царского подарка, подчеркивалась его роковая роль в судьбе Ермака.

Мотив же “Грозный дарит Ермаку щит (панцирь)” присутствовали во многих преданиях.

Ермак оставил иконы, хоругви, знамена: предания об этих вещах, будто бы оставленных Ермаком, бытовали, видимо, преимущественно в Зауралье. Авторы XIX в. писали: “Уважения же достойны (оставшиеся) от похода казаков на Сибирь две хоругви, весьма уже ветхие”, хранящиеся в Тобольском арсенале³³⁶. “В ризнице Тобольского собора хранится небольшой поставец с иконами Ермака”³³⁷. Вероятно, чаще фигурировали в преданиях XVIII-XIX вв. боевые знамена ермаковцев. Трудно сказать, сколько осталось этих знамен. Так, есть сообщение: “В Березовской сотенной войсковой канцелярии до 1827 г. хранилось принесенное Ермаковыми казаками знамя, но приехавший в Березов тобольский гражданский губернатор Бантыш-Каменский взял его оттуда и передал Тобольский городской казачий полк”³³⁸. Однако к 1877 г. в Тобольске знамени уже не было. И следы его потерялись. А у березовцев оказалось еще одно знамя. Любопытна история его. Тобольский архиепископ Василий сообщал тайному советнику Лысогоскому: “После покорения Сибири Ермаком, отделившимися от его дружины казаками, поселившимися первыми в Березове Шахом, Ляхом, Мещеряком, Оболтою и др., потомства коих, кроме искоренившегося потомства Ляха, существуют в г. Березове и доньне под Фамилиями Шаховых, Мещеряковых и Оболтиных, занесено было в Березов знамя Ермака, которое принад-

³³⁵ О. Константинов. Выставка художественных произведений. //Русский художественный листок, 1851, №11.

³³⁶ Картина Сибири. //Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским, 1818, ч. I, с. 14.

³³⁷ 3. Прогулка по историческим окрестностям Тобольска. //ТГВ, 1881, № 39. К этой статье неизвестного З., есть любопытное примечание одного из тобольских церковников Сулоцкого: “Ермаковых икон в соборе прежде было и немало, но одни из них, как замечательные исторически, преосвященными тобольскими отправлены были для поднесения государям императорам по случаю восшествия их на престол или коронования, а другие розданы в благословение важным лицам, например, сибирским губернаторам и проч.” Н. Абрамов упоминал о том, что в 1826 году архиепископ тобольский Евгений препроводил в Петербург ко дню коронования Николая I икону “святителя Николая”, которая будто бы в свое время находилась в “походной часовне” Ермака. Н. Абрамов. Киприан – первый архиепископ сибирский. //ТГВ, 1858, № 4; он же, Ермак – покоритель Сибири. //ТГВ, 1866, № 21. Совершенно очевидно, что народная молва о Ермаковых иконах, возможно и не очень широкая, но существовала.

³³⁸ Н. Абрамов. Описание Березовского края. //ТГВ, 1858, № 22.

лежало затем рядовым казакам Березовской пешей казачьей команды и всегда хранилось при команде. Но когда команда эта была упразднена и принадлежащие к ней казаки должны были приписаться к податному состоянию, то занесенное в Березов поименованными казаками Ермака знамя, которое ныне уже весьма ветхо, внесено 8 сентября 1881 года для хранения в Березовский Воскресенский собор. Знамя это квадратное, на полотне, с древком, на одной стороне изображен архистратиг Михаил, а на другой – св. Георгий Победоносец³³⁹. Видимо, или знамен было несколько, или в 1827 г. Бантыш-Каменскому Березовские казаки отдали неермаковское знамя... Но для нас важно – подчеркнуть, что тот же архиепископ Василий в действительности пересказывает устную историю одного из ермаковских знамен и использует при этом сведения, почерпнутые из родовых преданий березовцев Шаховых, Ляховых, Мещеряковых, Оболтиных.

Ермак дарит своим казакам земли за их участие в покорении Сибири: о существовании такого мотива в ермаковских преданиях можно говорить на основании следующего свидетельства: "... Котины ведут свой род от казака, пришедшего с Ермаком и получившего, как говорит их родовое предание, от завоевателя Сибири в потомственное владение всю землю, принадлежащую деревне (дер. Котино, в окрестностях Тобольска – В.Б.). Следующие поколения оформили эту дарственную и владели ей до прошлого столетия..." Разумеется, дарственная потом куда-то "затерялась"³⁴⁰.

Мотив, скорее всего, вымышленный. Возник, вероятно, в среде потомков участников сибирского похода.

Ермак захватывает Сибирь при помощи коровьей шкуры: сюжет "Герой захватывает участок земли при помощи шкуры животного" давно бытует в фольклоре разных народов. Самое раннее свидетельство об этом сюжете относится, по наблюдениям В.Ф. Миллера, к III в. н.э. В своей интересной работе В.Ф. Миллер показал³⁴¹, что сюжет был известен древней индийской литературе, бытовал в фольклоре народов Балканских стран и был в исландских сагах, в датской литературе XII в., шведской XIV в, и даже – в "рассказах северо-американских племен"...

³³⁹ Е. Кузнецов. К сведению о знаменах Ермака. //ТГВ, 1892, № 43. То знамя, о котором пишет архиепископ Василий, 17 марта 1883 г. было передано "первому полку Сибирского войска". Причем, судя по сообщению наказного атамана этого войска тобольскому губернатору, всем казакам было известно, что переданное знамя "принадлежало дружине Ермака".

³⁴⁰ З. Прогулка по историческим окрестностям Тобольска. //ТГВ, 1881, № 39.

³⁴¹ В.Ф. Миллер. Всемирная сказка в культурно-историческом освещении. //Русская мысль, 1893, ноябрь, с. 207-229.

Бытовал сюжет и в России – на Севере, в Псковской, Черниговской губерниях; в частности, был записан П. Якушкиным (в русских вариантах героями выступали Иван Грозный, Петр I). В.Ф. Миллер замечал, что фольклористы еще не раз “нападут на этот популярный сюжет со всеми его несложными деталями”³⁴². И, действительно, через несколько лет сюжет был зафиксирован в Зауралье, он был распространен среди татар и среди русских, живших в Сибири³⁴³. Главный герой – Ермак (или Иван Кольцо).

Итак, выявленные из различных источников XVII-XIX вв. мотивы, сюжеты ермаковских преданий, взятые в совокупности, показывают, что у народа существовала своя устная история завоевания Сибири. И хотя она включает порой сюжеты, освещающие по-разному один и тот же факт деятельности Ермака, все-таки у нее есть ядро, состоящее из ряда традиционных сюжетов и мотивов. Поэтому вполне правомерной представляется попытка дать схему этого ядра устной истории, то есть перечислить основные сюжеты, привести их варианты. Эта схема – предварительный итог наших рассуждений; кроме того она необходима для дальнейшего анализа.

A. Ермак – из бедной семьи, подростком работал у Строгановых; став взрослым, собрал “артель” и начал разбойничать.

A1. Ермак – из семьи, жившей “в великой скудности”, у него с отцом всего “один топор на двоих”.

A2. Ермак был еще подростком, когда его отец “в поисках лучшего пропитания” перебрался в вотчины Строгановых.

A3. Подростком будущий покоритель Сибири попал “на суда Строгановых”, был артельным кашеваром, поэтому был прозван Ермаком, так как “Ермак по их назывался дорожной артельной таган, либо по вольскому наречию также ермаком назывался жерновой камень ручной”.

A4. Настоящее имя Ермака – Василий Тимофеевич Аленин (вариант: Ермолай Тимофеевич, Ермил Тимофеевич, Ермак Тимофеевич Бургомров...).

A5. Ермак – настоящее имя, а прозвище – Токмак.

A6. Когда Ермак вырос, стал “силен и речист”, он “прибрал к себе небольшую артель” и “пошел от работы на разбой”.

A7. “Артельники видели смелость и проворство” Ермака, поэтому “по выбору назвали его атаманом”.

³⁴² Г.Ф. Миллер, указ. соч. //Русская мысль, 1893, ноябрь, с. 227.

³⁴³ Н. Катанов. Предания русских инородцев о том, как русские захватили их земли. // Деятель, 1898, № 3, с. 100-101. Здесь же приводится вариант предания, по которому русские таким же образом захватили черемисские земли. См. также: П.А. Городцов. Азан-Юрты: Западно-Сибирская легенда. //Этнографическое обозрение, 1906, № 1-2, с. 108-111; Дионео. На крайнем северо-востоке Сибири. СПб, 1895, с. 228.

Б. Ермак – разбойник участвовал во взятии Казани и Астрахани.

Б1. Ермак помог Грозному взять Казань.

Б2. Казань и Астрахань Ермак взял с помощью “шишигов”.

В. Ермак вместе с другими разбойниками грабит “путников”, купцов, убивает царских послов.

В1. Ермаковцы грабят “суды и катарги”, “торговые караваны”, “нагайцев и ордабазарцев”.

В2. Казаки грабили только “русские всякого чина”.

В3. Ермаковцы захватывают “царскую казну”, а также государев сви-
нец и порохов.

В4. Ермаковцы убили князя Григория Засекина и “российского послан-
ника” Карамышева”.

В5. Ермаковцы действовали не только в районе Волги, но и на Каме,
Оке, на Каспийском море.

В6. Под командованием Ермака огромный отряд, в нем несколько со-
тен (5000, 6000, 7000) разбойников.

В7. Во время волжских разбоев Ермак жил в Жигулевских горах (ва-
риант: жил в пещере, находящейся в месте впадения Белой в Каму).

В8. В числе соратников Ермака были Иван Кольцо, Богдан Брязга,
Никита Пан, Матвей Мещеряк, Иван Гроза (или Гроза Иванович) и дру-
гие атаманы (во время камских разбоев его “сверсниками” были разбой-
ники Сокол и Петух).

Г. Ермаковцы сражались с царскими войсками.

Г1. Казаки под командованием Ермака неоднократно “побивали рат-
ных людей” Ивана Грозного.

Г2. Царские войска, возглавляемые Иваном Мурашкиным, нанесли
ермаковцам удар.

Г3. Ермак один сражался с “царскими приставами”, скрывался от них
в верховьях реки Ик.

Д. Ермаковцы ушли с Волги, так как были не в состоянии оказывать
сопротивление царским войскам.

Д1. Казаки ушли с Волги потому, что испугались “множества ратных
людей”, которых Грозный послал против них “водою на судах и горою на
конях”. Ермаковцы “с возвратом здумали бежать в Сибирь”.

Д2. Ермаковцы ушли с Волги, когда убили царского воеводу Засекина
(вариант: убили Карамышева, который был “послан от великого госуда-
ря в Персию”).

Е. Ермаковцев пригласили на службу Строгановы.

Е1. Строгановы пригласили волжских разбойников с тем, чтобы те защищали вотчины от набегов аборигенов.

Е2. Строгановы пригласили ермаковцев, чтобы отправить их на завоевание Сибири.

Ж. До сибирского похода Ермак покорил “некрещеное” население Приуралья.

Ж1. По пути в вотчины Строгановых Ермак “покорил” и собрал дань с нерусского населения Приуралья.

Ж2. Ермак грабил “поселки пермяков”, когда находился на Урале.

З. Были предзнаменования сибирского похода.

З1. Перед походом Ермака в Сибирь перестали ловиться звери, а в лесах начала расти береза.

И. Ермаковцы запаслись у Строгановых провизией и амуницией.

И1. Оказавшись во владениях Максима Строганова, ермаковцы хотели его убить, поэтому Строганов выдал казакам все необходимые для похода “припасы”.

И2. Казаки пришли в “слободы” Никиты, а не Максима Строганова.

И3. Ермаковцы покинули Строгановские вотчины “того же лета осени”.

К. Ермак служил у Строгановых и вместе с ними он “воевал” татар.

К1. Ермаковцы были “на службе” у Строгановых, защищали их вотчины.

К2. Ермак был женат на родственнице Строгановых, которая умерла перед походом в Сибирь и была похоронена в Ледяной пещере.

Л. Ермаковцы шли в Сибирь по Уралу.

Л1. Ермак шел в Сибирь Камой, Чусовой, Уткой, затем перешел на лыжах к верховьям Ницы, спустился “вешним ходом и по Верхотурку...” и по иным сибирским рекам” дошел до Тобола.

Л2. Казаки шли в Сибирь пешком через “Верхотурские горы”.

Л3. Казаки на лошадях добрались до Тобола, потом сделали “ладьи” и на них уже продолжали свой путь по Тоболу.

Л4. Ермак шел в Сибирь Кунгурским трактом, отдыхал в ложине возле Кунгура.

Л5. Казаки плыли по Салде, останавливались отдыхать в кедровой роще возле Нижней Салды.

Л6. Казаки плыли по Чусовой, Серебрянке, речке Жаравль, затем перетаскивали “лодки-набойницы” в Баранчу, из нее вышли в Тагил, далее – Тура, “Епанча – река” и “Тоболь-река”.

Л7. Ермак шел в Сибирь “тремя путями, тремя войсками”.

М. Ермак был на Сылве. Здесь казаки зимовали, “воевали вогуличей”, готовились к походу.

М1. Ермак, плывя вверх по Чусовой, ошибочно повернул в Сылву.

М2. В Верховьях Сылвы казаки вынуждены были зазимовать; их зимовка была на правом берегу Сылвы недалеко от села Крестовоздвиженского (варианты: на месте деревни Хутора Ермаковы, лежащей у устья притока Сылвы Шатлыка, на восточном склоне Ледяной горы).

М3. На месте зимовки были построены “казармы и обнесены тыном.

М4. Ермаковцы построили на своем городище часовню “во имя Никола чудотворца”. (Позже, когда часовня стала ветхой и ее убрали, на этом месте был “поставлен деревянный крест”).

М5. Казаки, зимую на Сылве, “в поход ходиша на вогуличей”.

М6. Порядки в отряде Ермака во время зимовки были особенно строги: провинившихся казаков заковывали в цепи, “угружали” в Сылве.

М7. Не все ермаковцы ушли со своим атаманом в Сибирь, некоторые “оставшиеся на городище том... вечно оселишася”; некоторые стали “первонасельниками” сылвенских деревень Кокуй, Ермаки.

М8. После Ермака на Сылве остался один из его “соратников” - разбойник Петух.

М9. Уходя с Сылвы, ермаковцы бросили один из своих “насадов”.

Н. Ошибочного захода в Сылву не было; ермаковцы первую зимовку провели в другом месте.

Н1. Казаки ошибки не совершили, их первая зимовка была на Чусовой, в пещере камня Ермак.

Н2. “Осеновал” Ермак на реке Утке, а первая зимовка была “на вершине” реки Ницы.

О. Путь по Чусовой был труден.

О1. После сылвенской зимовки казаки двинулись по Чусовой, но не зная точно, когда повернуть в Серебрянке, дошли до верховьев Чусовой, пришлось возвращаться назад.

О2. Когда Ермак плыл по Чусовой и Серебрянке, то “прудил воду парусами”, чтобы преодолеть мелководье.

О3. Плыть по Чусовой Ермаковым стругам помогал лебедь, который указывал на мели и подводные камни.

П. На Чусовой остался “дух” Ермака.

П1. В пещере чувовского камня “остался жить дух Ермака”.

П2. Дух Ермака требует почтения, поэтому все проходящие мимо камня барки приветствуют его выстрелами из фальконетов (люди, проплывающие на лодках приветствуют выстрелами из пистолетов или криком).

Р. Ермаковцы зимовали в Кокуй-городке. В верховьях Серебрянки они бросили свои струги.

Р1. Ермаковцы зимовку провели в верховьях Серебрянки к Кокуй-городке (Буй-городище).

Р2. Казаки построили в Кокуй-городке “зимний лагерь”, окружили его “стоячим тыном”.

Р3. Во время зимовки казаки “кормились... птицею, рыбою, зверем”.

Р4. Казаки также в течение зимы многими бои улусы (вогулов – В.Б.) погромили”, взяли “рухледи много”.

Р5. Весной на своем городище Ермаковцы строили “суды легкие”.

Р6. Тяжелые струги, на которых ермаковцы плыли по Чусовой, Серебрянке, оставлены в верховьях Серебрянки (на Утке, между Серебрянкой и Баранчой, на берегах речки Окай, “на Баранченской переволоке”, в Салде).

С. От Кокуй-городка до Тагила казаки добрались пешком, у тагильского камня Медведь провели часть зимы, строили новые струги.

С1. До реки Тагил казаки добирались пешком (вариант: плыли на плотах, “сосновых батах и лодках-набойницах”).

С2. Возле Медведь-каменя ермаковцы построили “крепостцу и несколько зимовьев” (или: “укреплений”) и провели здесь часть зимы.

С3. У Медведь-каменя ермаковцы жили “с весны до Троицова дня”, “кормились рыбными промыслами” и строили “большие коломенки”.

Т. На Урале Ермак сражался с вогулами, татарами, чудью белоглазой и с волшебными людьми.

Т1. Казаки продвигались вверх по Чусовой “з боем”.

Т2. Ермак воевал с вогулами, укрывался от них в пещере чувовского камня.

Т3. Ермак сражался с вогулами, когда плыл по реке Тагил.

Т4. Вогулы устроили засаду возле Караульного камня на Тагиле, перегородивали реку частоколом (цепью).

Т5. Вогулы и татары, объединившись, разбили отряд казаков у реки Нейвы.

Т6. Чудь белоглазая, узнав, что идет Ермак, спряталась в вырытых ямах, потом заживо похоронила себя.

Т7. Ермак разбил чудские отряды возле Ледяной пещеры.

Т8. Возле Кунгура казаки окружили чудь и “три дня били ее”, пока не уничтожили.

Т9. Возле Ирбита чудь построила крепость для защиты от казаков, но все-таки была побеждена.

Т10. Ермак загнал чудь вместе с ее царем в горы, где она будет “до окончания века”.

Т11. Борьбу Ермака с чудью продолжали другие разбойники-ермачки.

Т12. Возле Билимбая Ермак сражался с “волшебными людьми”, загнал их в “гробы”, золото, взятое “волшебными людьми” с собой, ушло в горы.

Т13. В Басегах Ермак бился с “волшебниками” и вынудил их уйти в горы.

Т14. Ермак превратил в скалы семь волшебных братьев.

Т15. Ермак победил черта, надев на него крест.

У. Ермак победил татар, завоевал Сибирь.

У1. На Туре Ермак сражался с шестью татарскими князьками и победил их.

У2. Для обмана татар ермаковцы, когда вышли на “Епанчу-реку”, “поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное, было у Ермака дружины три ста человек, а стало со теми больше тысячи”.

У3. Казаки перебили людей княжца Печенег и наполнили трупами озеро.

У4. Казаки победили “мужиков” княжца Патлика.

У5. Казаки взяли городок “табарница Бия”; здесь они убили татарского богатыря, которого хотели взять живым в плен, но он “не дался”.

У6. Ермаковцы захватили Тюмень.

У7. Когда Кучум узнал, что посланные им для освобождения Тюмени “ратные люди” во главе с Канцелеем разбиты, то он послал ко всем своим людям золоченые стрелы.

У8. В “Медянских юртах” ермаковцы пленили некоего “князька небольшого”, который показал “путь до Тобольска”.

У9. Ермак взял столицу Сибирского царства с помощью атаманов Анофрея и Самбура.

У10. Ермак взял столицу Сибирского царства обманом (см. сюжет о пыхах).

У11. Во время боя за Тобольск у Кучума вдруг перестали стрелять две пушки; Кучум приказал их сбросить в реку.

У12. Казаки разгромили татар под Чувашинами, в Карачине.

У13. Ермак вынудил Кучума бросить большую часть своих богатств в "колодезь" возле речки Сибири.

У14. Татары строили укрепления для защиты от Ермака (в 52 верстах от Тобольска по тракту на Березов).

У15. Возле села Усть-Суерского у Ермака была битва с татарами; погибшие ермаковцы похоронены возле этого села.

У16. Татарки построили недалеко от Ермаковой перекопи на Вагае укрепления, где спасали себя и свое имущество.

У17. В городке Алышата татарами был похищен Ермаков "ертаульный струг".

У18. Все вогулы во главе с Самарой однажды собрались, чтобы сразиться с Ермаком; жрица умолила бога Рачу дать разрешение на эту битву; но накануне битвы ермаковцы ночью напали на спящих вогулов и перебили всех.

У19. Возле Караульного яра татары перегораживали реку цепью, рассчитывая, что казачьи струги перевернутся. Однако струги благополучно прошли, разорвав цепь.

У20. Вести войну Ермаку помогали Степан Разин, Ванька Каин, Иван Мазепа, Гришка Отрепьев.

У21. Ермак захватил Сибирь при помощи коровьей шкуры.

Ф. Завоевав Сибирь, Ермак послал в Москву к Ивану Грозному посольство.

Ф1. После захвата Сибири Ермак отправил посольство во главе с Иваном Кольцо.

Ф2. Послов было пять человек, возглавил посольство атаман Гроза Иванович. Послы повезли подарки.

Ф3. Грозный "простил" Ермака и прислал с послами "государственное жалованье" казакам, "жалованную грамоту" и панцирь самому Ермаку.

Ф4. После победы над татарами Ермак "со всеми казаки отъезжал... ко грозному царю", которому признался, что это его казаки "персидскова посла устукали"; Ермак поклонился Грозному Сибирью, царь простил Ермака и отпустил брать с татар "дани-выходы в казну государеву".

Х. Татары напали на спящих казаков, перебили всех; Ермак, оказавшись в реке, утонул, потому что на нем был тяжелый панцирь.

Х1. Ермаковцы заночевали "на перекопи". Кучум разослал татар и "повеле твердо стрещи" спящих, в полночь татары напали и перерубили

ему стругу, “звержесе” в Иртыш и “утопе”.

X2. Ермак, увидев, что татары перебили всех русских, побежал в свой струг, и “не може дойти, понеже одеян бе железом, стругу же отплыву-шу от берега не дошед утопе”.

X3. Ермак утонул не в Иртыше, а в Вагае.

X4. Нападением татар руководил не Кучум, а его сын Алей.

X5. Татары перебили всех русских (варианты: “много”, 150 человек).

X6. Татары не обнаружили бы лагерь казаков, если бы не один татарин, который был у Кучума “в смертной вине”. Этот татарин, чтобы заслужить прощение, нашел брод в Вагае и дорогу в лагерь русских.

X7. Недалеко от устья речки Сибирки, “на лугу”, Ермак поставил “полатки” и спал в них с казаками; татары ночью напали, “дружина... отъидоша в целости”, а Ермак выбежал из “полатки своей спальной”, “скачил с яру... в струг свой и перескочил три струга мочию своей”, но все-таки упал в воду и потонул, потому что на нем было два панциря.

X8. Татары напали на казаков, когда у Ермака все казаки были “разосланы по разным дальним странам, а при нем было казаков на дву коломенках”. Бой был на Енисее; Ермак, чтобы помочь своим товарищам”, хотел перескочить в их коломенку и “ступил на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся...”, переходня “с верхнева конца подымалася и на ево опускалася, росшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею – быстру реку”.

X9. Ермак погиб случайно. Казаки пировали в лодках по случаю взятия Сибири; Ермак же, перепрыгивая с лодки на лодку, упал в Иртыш и “царский лат в 12 пуд” утащил его на дно.

X10. Еще на Урале один “татарский мурза” отрубил Ермаку голову, но при помощи пермяцкого волшебника Ермак воскрес.

X11. Ермака застрелил из ружья некий татарин.

X12. Кучум приказал выловить тело Ермака “сетями и баграми и всякими снастями”. Тому кто найдет – “отвес серебра”.

X13. Кучум обещал, что если труп Ермака будет найден, то он прикажет разрезать его на части.

X14. На Иртыше, на месте своей гибели, “является Ермак то в сияющих доспехах, то в шубе, подаренной ему за его подвиги Иваном Грозным”.

Ш. Ермак сам убил Кучума.

Ш1. Ермак убил Кучума в одном из сражений.

Ш2. Ермак прогнал Кучума из Сибири, и он погиб, неизвестно где (или: в “Ногайской земле”).

Ш3. Изгнанный из Сибири Кучум умер своей смертью; похоронен вместе с живой девушкой на речке Кучу-мында; над его могилой насыпаны три шихана.

Щ. После себя Ермак оставил клады и заговорил их.

Щ1. Добро, добытое разбоями, спрятано ермаковцами в “Пыжкиной луке”.

Щ2. В пещере чусовского камня Ермак оставил свои сокровища, приказав духам стеречь их.

Щ3. Клады Ермака находятся в Кокуй-городке и у Медведь-камня.

Щ4. Ермак “заклял” те места в реке Ик, где оставил клады.

Щ5. “Добро”, взятое у Бегиша, спрятано Ермаком вблизи Бегишевского озера.

Щ6. Возле устья Туры лежит ермаков клад – часть добычи, захваченной у Кашкары, Варвары, Майтаса и других татарских князцов.

Щ7. По пути в Сибирь Ермак оставлял на скалах рисунки – указатели своих кладов.

Э. Подарки Ермака; его вещи, оружие.

Э1. Все казаки, участвовавшие в сибирском походе, получили от Ермака вознаграждение: участки земли в вечное пользование.

Э2. На Урале и в Сибири Ермак оставил свои ружья и пушки.

Э3. Ермак оставил также коны, хоргуви, знамена.

Так можно представить “костяк”, ядро устной народной истории о Ермаке, о завоевании им Сибири.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ИСТОРИИ О ЕРМАКЕ

Возникновение и развитие народной истории о Ермаке — это процесс порождения действительностью и бытование тех или иных сюжетов, мотивов. Первый вопрос, возникающий при таком подходе к теме, касается времени возникновения первоначальных сюжетов и мотивов и определения их содержания. Для решения следует обратиться к действительности 60-70-х гг. XVI в.

Известно, что торговый путь, пролежавший по Волге, привлек сюда в начале второй половины XVI в. десятки и сотни вольных людей, донских казаков, беглых “воров” и т.п. Они “разбивали” иностранные торговые караваны, “нападали даже на русских послов, ехавших в Персию, причем грабили казну, посылавшуюся царем персидскому шаху”³⁴⁴. Слухи, рассказы о разбоях нашли также отражение в разного рода письменных источниках той поры: доносах, жалобах и т.п. Эти документы имеют любопытные данные о предводителях “воров”, о составе “воровских шаек”, их действиях. Не вдаваясь в подробный анализ подобных источников, возьмем из них несколько примеров. Так, царский гонец доносил однажды, что на пути из Казани в Астрахань “пришли в стругах князь Василий Мещерский да казак Лючига Хромой Путивлец и взяли у нас одно судно царя Ямчугея, а меня позорили”; в 1573 году 150 казаков возле Астрахани напали на английское судно, шедшее из Персии, и овладели им, потеряв в столкновении 14 человек убитыми, англичан казаки отпустили, те с пустыми руками прибыли в Москву и жаловались Ивану Грозному³⁴⁵. Понятно, что кроме отряда, возглавляемого Ермаком, одновременно действовали ватаги других атаманов и действовали, может быть, даже более решительно и дерзко, чем ермаковцы. Их разбои имели широкий общественный резонанс и, естественно, отразились в письменных источниках 70-х гг. XVI в., которые, кстати, молчат о Ермаке. Имя Ермака в дошедших документах впервые названо только в “опальной”, как ее именуют историки, царской грамоте от 16 ноября 1582 года Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым, но каких-либо “немилостей”, касающихся лично Ермака, этот документ не содержит.

Все сказанное не значит, конечно, что Ермак был неким “третьестепенным” атаманом среди вожаков волжских “воров”. Таких, как Ермак,

³⁴⁴ Г. Ф. Миллер. История Сибири, с. 212.

³⁴⁵ Данные заимствованы из работ: И. Карамзин. История государства Российского. СПб, 1821, т. IX, с. 380; Г. Красинский. Покорение Сибири и Иван Грозный. // Вопросы истории, 1947, №3, с. 92.

было много, по крайней мере, несколько, и все они (или наиболее храбрые из них) фигурировали в рассказах о волжской вольнице. Но какое место в этих рассказах 70-х гг. отводилось Ермаку, мы точно не знаем. Можно только предположить на основании вышеизложенных фактов, что Ермак навряд ли был более популярной личностью, чем, скажем, тот же Иван Кольцо. В то же время он не мог быть вообще безвестной личностью: та же “опальная” грамота свидетельствует, что о его “воровских” делах знали.

Совершенно очевидно, что в устной истории о Ермаке самыми “древними” являются сюжеты, рассказывающие о разбоях атамана на Волге и их возникновение следует отнести, по крайней мере, к 70-м гг. XVI в. Однако начало всей устной истории о Ермаке в том виде, в каком мы ее знаем, нужно датировать серединой 80-х гг., ибо только результативный сибирский поход принес Ермаку всероссийскую известность и породил о нем представление не только как о победителей татар, но и как о единственном предводителей волжской вольницы. Рассказы о сибирском походе дали во второй половине 80-х гг. толчок к “оживлению” и интенсивному развитию преданий о былых делах храброго атамана. Это развитие шло одним путем: “разбойные дела” волжских атаманов 60-70-х гг. (далее – 80-90-х гг., и т.д.) “стягивались” к имени Ермака – старый сюжет о Ермаке-волжском разбойнике стал варьироваться, наполняться фактами, сведениями, заимствованными из преданий о других атаманах. Мы не знаем деталей из рассказов о волжских разбоях Ермака – рассказов 80-х-90-х гг. XVI в. – нам известно только их общее содержание, как и содержание устных повествований, циркулировавших в Приуралье в 80-е годы: когда чердынский наместник Василий Пелепелицын докладывал царю о посылке Строгановыми “волжских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевати вотяки и вогуличи”, то он, скорее всего, из устных источников знал о “разбойных” делах Ермака; характеристика Ермака Пелепелицыным не противоречила, вероятно, царской, по которой атаманы и казаки Ермака “преж того ссорили нас с Нагайской ордою, послов нагайских на Волге на перевозех побивали и ордобазарцов грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили”³⁴⁶. Кроме того, содержание преданий не могло принципиально отличаться от содержания исторических песен, рассказывавших о бесчинствах казаков, о нападении на царского посла, грабеже царской казны. Как и в исторических песнях, в преданиях 80-90-х гг. XVI в. Ермак выступал предводителем храброй вольницы, основное занятие которой – разбои и грабежи. Очевидно, в преданиях также подчеркивался конф

³⁴⁶ Г. Ф. Миллер. История Сибири, с. 36.

ликт волжских “воров” с государством, рассказывалось о нападении казаков не только на “торговые суда, катарги и караваны”, но и на “государевы казенные суды”, об убийстве, “позоре” царских послов и посылке Грозным своих “ратных людей” для усмирения казаков (по нашей классификации мотивы В₁, В₂, В₃, В₄, В₅, В₆, В₇).

Рассказы о столкновении ермаковцев с царскими воеводами могли служить связующим звеном, ибо давали рассказчикам возможность вполне логично объяснить ход дальнейших событий: царские войска разгоняют “воров” и те вынуждены идти “с возвратом” на Сибирь (Д₁), или: Ермак решается примириться с царем, заслужить его прощение, поэтому идет покорять Сибирь.

Думается, что в конце XVI века уже существовали оба указанные варианта преданий. Реальность первого несомненна – исторической наукой этот факт установлен, и мы его касаться не будем. Остановимся на втором варианте – искупление Ермаком своего “греха”. Нет оснований относить его возникновение к 80-90 гг. XVI в.; его истоки уходят в действительность 70-х гг.

Историки давно уже обратили внимание на то, что в начале 70-х гг. политика царя в отношении волжских “воров” меняется. Правительство Ивана Грозного, кроме вооруженного подавления действий “воров”, подыскивает “способы использования этой буйной силы в государственных целях путем привлечения волжских казаков к ратному делу на восточной, уральской границе”³⁴⁷.

Многочисленные военные столкновения русских с аборигенами Приуралья и Урала часто были предметом переписки Строгановых с Грозным. Последний уже в грамоте от 6 августа 1572 года разрешает Строгановым использовать “охочих казаков” для обороны, охраны своих вотчин, для набегов на “остяков” и вогулич³⁴⁸. Скорее всего, в число “охочих” следует, видимо, отнести тех, кто отходил от вольной жизни. Такие люди и шли на службу к Строгановым, в интересах которых было увеличение населения необжитого уральского края. К 1574 г. “охочие казаки” уже состояли на службе у Строгановых: “А они-де Яков и Григоий... из своего острога наемных казаков за сибирской ратью без нашего вельня послати не смеют” (царская грамота от 30 мая 1574 г.).

Возможность перехода из “воровской шайки” в “наемные казаки” была известна казакам и использовалась, видимо, в первую очередь менее решительными, менее стойкими людьми, порывавшими с вольной жизнью, которая становилась все труднее, так как репрессии со стороны

³⁴⁷ Г. Красинский, указ. работа, с. 93.

³⁴⁸ Там же, с. 93.

царского правительства усиливались: до 1577 г., по сохранившимся сведениям, царские войска посылались для усмирения “воров”; к 1579 г. между Астраханью и Царицыным было уже 5 воинских застав, а в Астрахани – гарнизон в 2 тысячи человек³⁴⁹. У казаков был выбор: или идти на службу к Строгановым, где можно было легализоваться, получать плату и в качестве трофеев “брать рухлядь” у “некрещеных” – это разрешалось – или продолжать разбои на Волге, подвергаясь все возрастающей опасности быть убитыми или повешенным. Вполне вероятно, что некоторая часть казаков уходила к Строгановым. Тем более сам Иван Грозный в 1581 г. уже непосредственно обращается к тем, кто хотел бы служить у камских солепромышленников (конечно, обращение Грозного было непосредственным только для XVI в.): грамоту от 20 декабря 1581 г. он посылает “с прочетом” пермским всем “старостам и целовальником и всем земским людям”; в ней царь писал: “... а которые будут охочие люди похотят идти в Оникиевых слободы... и те б люди в Оникиевых слободы шли... и на тех бы вогулич приходили, и над ними промышляли”³⁵⁰.

Некоторые казаки порывали с разбойной жизнью, шли в отряды, формируемые в строгановских вотчинах – этого было достаточно, чтобы “замириться” с властью. Такой вид, надо думать, имел против примирения в народных преданиях 70-х – начала 80-х гг. XVI в. В конце же 80-х – 90-х гг. этот мотив попал в ермаковские предания. При этом он, конечно, несколько трансформируется: Ермак хочет заслужить царское прощение, ради этого он кончает разбой и идет в Сибирь. Главное дело волжской вольницы – завоевание Сибири, поэтому все сюжетные линии преданий так или иначе связаны с ним, “подчинены” ему, объясняют его и т.д. И примирение с царем оказывается возможным для Ермака только после совершения им этого дела.

Другой важный сюжет, входивший в число первоначальных, раскрывал взаимоотношения ермаковцев со Строгановыми. Принадлежала ли инициатива похода Строгановым или они только по необходимости оказали материальную помощь ермаковцам – вопрос, породивший солидную полемическую литературу. В настоящее время большинство историков склонны считать, что роль Строгановых в завоевании Сибири ограничивалась лишь материальной поддержкой ермаковцев. В народных преданиях уже конца XVI в. взаимоотношения волжских “воров” и камских солепромышленников освещались в двух планах.

³⁴⁹ Г. Красинский, указ. работа, с. 93.

³⁵⁰ Г. Красинский, указ. работа, с. 95: см. также: С.В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 100.

В одной части преданий, бытовавших в среде, где могли быть участники сибирского похода или очевидцы пребывания ермаковцев в строгановских вотчинах, скорее всего события освещались как в Кунгурской летописи, по этой версии – казаки под напором царских войск уходят с Волги в Сибирь, по пути попадают к Строгановым и силой берут у них необходимое продовольствие и снаряжение. То, что эта версия была письменно зафиксирована Кунгурским летописцем (и с незначительными изменениями Н. Венюковым, Ю. Крижаничем), говорит о ее широкой распространенности на Урале и в Сибири в течение всего XVII в. Но начало ее восходит, очевидно, к 80-м годам XVI в.

В другой части преданий говорилось, что Строгановы пригласили Ермака к себе на службу и, снабдив всем необходимым, отправляют “воевать” татар. Истоки этой версии уходят в 70-е гг. XVI в. – мы уже отмечали, что мотив примирения волжских казаков с властью существовал в преданиях 70-х годов. В 80-е годы, после побед Ермака в Сибири, этот мотив трансформировался под влиянием известий о том, что Ермак все-таки имел какую-то материальную помощь от Строгановых, и принял такой вид: Ермак сам перешел к камским солепромышленникам после их приглашения и при их содействии отправляется в Сибирь.

С уверенностью можно считать, что путь казаков в Сибирь правильно освещался лишь в незначительной части первоначальных преданий, главным образом, в тех, которые бытовали в “околоермаковской” среде. Только сами участники перехода через Урал могли точно знать и рассказать, где, что с ними произошло.

Известно, что до 90-х гг. XVI в. проторенными путями в Сибирь считались или Печорский (Новгородский путь) через Северный Урал, или Старая Казанская дорога, которой пользовались в основном татары³⁵¹. Ермак же избрал путь, почти неизвестный русским; он, видимо, четко не представлял трудностей перехода по незнакомой, заселенной враждебно настроенными аборигенами местности... Казаки прошли, и можно предположить, что преодоление всех трудностей перехода через “Камень” было предметом гордости самих участников похода, и это заставляло их вводить сведения о движении через Урал в свои рассказы. Бесспорно, в первоначальных преданиях фигурировали сведения о зимовке при устье речки Кокуй, о волоке Серебрянка-Жаравль, о брошенных между этими речками стругах, о “спруживании” воды при движении по мало-водным рекам, о постройке “больших коломенок” возле Медведь-камня (O₂, P₁, P₂, P₃, P₆, P₇, C₃). О пребывании Ермака на Сылве, видимо, мож-

³⁵¹ Н.П. Степанов. Урал. М., 1953, с. 33. Подробнее о путях в Сибирь см.: С.В. Бахрушин. Научные труды. т. III, ч. I, с. 72-100.

но предположить: не является ли заход в Сылву попыткой пройти в верховья этой реки и выйти далее на Казанскую дорогу, ту самую, которой постоянно пользовались татары, добираясь из Сибири в Казань.

В отношении же преданий о Кокуй-городке, “спруживании” воды и т.д. ясно, что это – не вымысел. Кокуй-городок достаточно хорошо археологами изучен, установлена его принадлежность ермаковцам. “Спруживание” воды в мелководных уральских реках (при снятии с мели) также проводилось, очевидно, ермаковцами, хотя некоторые авторы XVIII-XIX вв. сомневались в этом. Так, И. Фишер назвал действия казаков “чудной выдумкой”³⁵², П. Мельников-Печерский – “странным способом”³⁵³. Однако уральцы “запруды” делали; у Рычкова есть описание этого нехитрого способа снятия судна с мели: “Они, плывучи с судами, полным грузом нагруженными, употребляют способ: приплыв к оным источникам (речки Еловка, Вогулка – по величине равные примерно Серебрянке – В.Б.) в сухое лето, вколачивают они по обоим берегам толстые деревянные сваи, к коим привязывают паруса от своих судов, прищепляя к нижней части оных камня, дабы они могли погрузиться ко дну источников. Сей способ составляет некое подобие плотины; ибо через несколько времени вода, будучи ограждена утвержденными парусами, скопившись в одно место, умножает речную глубину. Когда пловцы усмотрят, что пруд наполнен довольно числом вод, тогда сняв парусы, ее спускают и вместе со стремлением вод плывут их суда до тех пор пока речка не оскудеет опять водой”³⁵⁴. Вполне возможно, что Ермак также вынужден был сооружать подобные запруды при движении по мелководным летом уральским рекам.

Волок Серебрянка-Жаравль оказывался для ермаковцев камнем преткновения. Очевидно, после попыток перетащить свои “суда”, они их “бросили”. К концу XVII – началу XVIII вв. “сквозь” них уже “деревя проросли”, в конце XVIII в. были “видны остатки вытасненных на берег судов”, о них было известно местным “лесникам и ловцам”, а к началу XIX в. оставались лишь “старики, которые будто бы видели те лодки”.

Указанные предания могли бытовать скорее всего в Сибири, где находилось много казаков, испытывавших трудности перехода через Урал. В то же время подобные предания могли функционировать и в Приуралье, в районе Сылвы, нижнего течения Чусовой, Серебрянки, т.е. в пределах границ владений Строгановых. Предания получили жизнь за счет свидетельств местных жителей, побывавших в местах, хранивших сле-

³⁵² И. Фишер, указ. соч., с. 119.

³⁵³ П. Мельников-Печерский, указ. соч. //Отечественные записки, 1840, т. IX, с. 41.

³⁵⁴ Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 год. СПб, 1772, с. 109.

ды пребывания ермаковцев. Эти же следы пребывания давали уральцам возможность восстановить довольно точно маршрут Ермака. Важной частью устной истории о Ермаке являлись предания о борьбе с урал-сибирскими аборигенами. Преданий о борьбе с вогулами было, по всей вероятности, меньше; они содержали сведения о кратковременных набегах, совершаемых ермаковцами на вогульские поселения из Кокуй-городка, и о стычках с вогулами во время движения по Чусовой и, особенно, по Тагилу. Большая часть преданий была посвящена, конечно, борьбе с татарами и с другими сибирскими аборигенами. Здесь следует отметить сюжеты, освещавшие и небольшие стычки казаков с сибирскими аборигенами и довольно крупные сражения ($T_1 T_3 Y_1 Y_2 Y_3 Y_4 Y_5 Y_6 Y_{12}$ и др.). Возникли они в начале 80-х годов XVI в. на основе "слухов, толков", рассказов очевидцев и участников сибирского похода.

Одна из сибирских летописей сообщает, что казаки поймали татарина Таузака на Туре; узнав у него все про Кучума, они отпустили Таузака: "да скажет салтану Кучуму о пришествии русских воинов и всю их храбрость и мужество и мочь и силу". Причем ермаковцы специально демонстрировали пленному татарину мощь своих ружий, ибо Таузак потом рассказывал, что казаки "суть силни: егда из луков своих стреляют, тогда огонь пышет, и дым велик исходит и громко блескнет, аки гром на небеси, а как стрелы из луков их исходят, ино их не видят, а уязвляют и смертно побивают, а ущитися от нея никакими мерами, ни ратными збруями невозможно, куяки и бахтерцы и панцыпи и колчюги наши насквозь пробивают, и ничто же их не держитца"³⁵⁵. Совершенно очевидно, что Ермак был заинтересован в распространении слухов, преувеличивавших боеспособность, мощь его дружины; он использовал слух как оружие борьбы с противником; слухи дезориентировали сибирских аборигенов, внушали им страх. Так, остяки, участвовавшие в бою под Чювашским мысом, вернувшись домой, описывали своим соплеменникам поведение ермаковцев, видимо, в таких устрашающих выражениях, что вынудили их идти к Ермаку с дарами. Уже на четвертый день после взятия города Сибири к Ермаку явился остяцкий князец Бояр с реки Демьянки и принес богатые подарки. Слухи и рассказы очевидцев создавали в 80-е годы XVI в. основу для формирования татарских, вогульских преданий о Ермаке, которые, в свою очередь несколько позже проникали и в русскую среду. Русские предания о борьбе Ермака с сибирскими аборигенами также возникали на основе слухов и рассказов очевидцев. Известно, что после взятия Сибири делегация ермаковцев прошла че-

³⁵⁵ Подобные сведения, правда, с некоторыми вариациями, содержат почти все летописи. См., к примеру: Сибирские летописи, с. 65, 99, 126, 371.

рез Урал в Москву. И думается, что казаки во время движения по Уралу и другим областям рассказывали о том, где проходили сражения с татарами и вогулами, большое место в их рассказах занимала характеристика Сибири, сибирских богатств, вольной жизни. Г.Ф. Миллер считал вполне вероятным подобные рассказы казачьих послов: “Желая привлечь людей, казаки в пути так разхваливали привольную жизнь в Сибири и тамошние неисчерпаемые богатства, что... многие гулящие и беглые люди охотно к ним присоединялись и с ними вместе отправились в Сибирь”³⁵⁶.

Рассказы казачьих послов изменялись в народной среде, и это изменение шло в одном направлении: подвиги казаков преувеличивались, как преувеличивались богатства, захваченные ими у аборигенов – в сибирских летописях не случайно, конечно, описание почти каждого столкновения ермаковцев с татарами или вогуличами сопровождалось упоминанием о “мягкой рухляди”, “ясаке” и т.п. Скорее всего в народной памяти оставались не все рассказы очевидцев, а лишь наиболее красочные, например, такие, как рассказ об обмане Ермаком татар “соломенными людьми” или о попытке татар задержать ермаковы струги при помощи цепи. В отношении последнего трудно сказать определенно реален он или нет. Все историки обычно или принимали на веру или отвергали возможность применения татарами такого способа для задержания казачьих стругов. Думается, что мотив “татары перегораживают реку цепью” возник в результате фольклорной “шлифовки” реального события, о котором рассказал Кунгурский летописец: остряки (!) “скопишася между дву мысов горы Иртыша выше Цыньялы реки, злобашася в уском месте, мнящее, что бог их казаков стругами не пропустит дале ехать вниз, ту остановит да побьют всех. И умыслиша... оружие себе коварно, крюки и укрюки, засеку и веревки, да удержат. Богдан же с товарищами, слыша скоп их зле... пустишася наоплав и доплыша ту быстрины; остяцы же крюками своими и укрюками хотя хапати, он же ударища в круг из ружья на обе стороны, и повалишася, собою мятуще друг друга. И проплыша до Цыньялы и Каримского городка”³⁵⁷. Этот факт, очевидно, и фигурировал в рассказах очевидцев, затем в процессе фольклоризации татары как основные противники заменили остяков, Богдан Брязга уступил место Ермаку, а “крюки и укрюки”, “веревки” превратились в одну красочную деталь – цепь. Стала иной и прикрепленность, в XVII в. – Иртыш, Тобол, позже – еще и Тура, Тагил.

³⁵⁶ Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 239.

³⁵⁷ Сибирские летописи, с. 334-335.

“Соломенные люди” и “река, перегороженная цепью” иногда соединялись в один сюжет. У Г.Ф. Миллера есть такое свидетельство: “Еще в одном месте предстояло казакам испытать неменьшие трудности и опасности. Это там, где река Тобол очень узка и имеет крутой правый берег. Хан Кучум приказал протянуть здесь поперек реки железную цепь и приставил к ней есаула, по имени Алышая, с большим отрядом, чтобы караулить казаков и смело напасть на них, когда цепь задержит суда. Ермак прибыл туда и, действительно, выдержал сильный натиск. Трудно, однако, поверить тому, чтобы было применено такое средство обороны, так как не могла же цепь выдержать одновременно напор множества судов и течения реки. От бывшего здесь сражения и стоящего татарского караула место это получило у русских название Караульный яр. Среди жителей русской деревни с этим названием сохранился рассказ о только что описанном сражении. Ермак, узнав о высланном против него отряде, применил будто бы следующую хитрость: он расставил на судах пучки хвороста, надев на них излишнюю казацкую одежду, затем, оставив на судах лишь необходимое для управления ими количество людей, с остальными сошел на берег в нескольких верстах от Караульного яра и напал на татар с тыла. Увидев большое количество людей на судах и подвергшись нападению на берегу со стороны еще большего числа их, татары пришли в такой страх, что тотчас же обратились в бегство, и Ермак мог свободно плыть дальше”³⁵⁸. “Соломенные люди”, по предположению исследователей, выросли “из такого факта, что Ермак на Тоболе оберегался от татар снопами или даже “кусты таловыми” в которых стрелы “кучюмлян” застревали”³⁵⁹. Е.И. Дергачева-Скоп уместно приводит для сопоставления записанное Н.Ф. Катановым татарское предание о приходе Ермака в Сибирь. “...Через три года по реке Вагаю спустился на корабле Ермак. Народ в это время был на празднестве. Увидевши корабль, люди пришли и сказали: “Вот идет корабль”... На корабле стояло много народу. Стрелки выстрелили по нему, но никто не двигался, оставаясь на своем месте. “Это не люди, а искусственные изображения”, - сказал народ”³⁶⁰. Надо полагать, в основе русского и татарского преданий лежит вполне реальный факт. Как к реальному, к нему относились И. Фишер, Г. Спасский, А. Оксенов и другие историки, считая, что хитрость с “соломенными людьми” была применена Ермаком не только с целью напугать врага большим числом своих подчинен-

³⁵⁸ Г.Ф. Миллер, История Сибири, т. I, с. 223-224.

³⁵⁹ Е. Дергачева-Скоп, указ. работа, с. 107.

³⁶⁰ Там же, с. 108.

ных, но и чтобы скрыть истинное количество казаков³⁶¹. Это предание говорило о “ловкости, удалстве русских и показывало, что “побеждает не количественная, а качественная сила по пословице” “Семеро пойдут, Сибирь возмут”³⁶². Таким образом, из реального факта возникли различные по своему характеру русские и татарские предания. Рассмотренный сюжет, на наш взгляд, обязательно входил в число первоначальных.

Первоначальные предания сообщали не только о борьбе Ермака с татарами, но и о его гибели. При сравнении известий сибирских летописей³⁶³ бросается в глаза одна деталь, настойчиво повторяющаяся во всех списках, - сообщение о гибели Ермака приносит казак, единственный, оставшийся в живых. Этот казак, который “утече” с поля боя, является вымышленной условной фигурой многих фольклорных и литературных произведений, функция которой одна – принести весть о происшедшем событии.

Скорее всего ради оставшихся в живых участников завоевания Сибири не было очевидцев гибели атамана. Русские предания о гибели Ермака являются, видимо, пересказом сведений, почерпнутых из рассказов татар, причем, эти сведения были соответственно интерпретированы русскими – причиной гибели стал царский подарок. В отношении места, времени нападения татар на спящий лагерь казаков и некоторых других деталей первоначальные предания были более близки к истине и говорили о том, что “между устьем Вагая и перекопью, на острове, образованном излучиной и протокой, Ермак установил “станы своя на брег по край реки Вагая”³⁶⁴, что татары напали на спящих ермаковцев и перебили всех, атаман же, пытаясь уйти от татар, оказался в воде и утонул в Вагае.

Д.Н. Фиалков после изучения картографических и аэрофотографических материалов района, где погиб и захоронен Ермак, пришел к таким выводам: в настоящее время Вагай имеет старую излучину, в XVI в. она была прорезана, как “метко подмечает Есиповская летопись, “перекопью через луку в Вагай же реку”, по которой сейчас проходит вся масса вагайской воды”; “между устьем Вагая и перекопью”, на острове, был лагерь Ермака; атаман погиб в водах Вагая, а не Иртыша, в Иртыш его труп был вынесен вагайской водой; “с точки зрения судебной эксперти-

³⁶¹ А. Оксенов. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа. //Сибирский сборник, приложение к “Восточному обозрению”, 1886, часть II, с. 47.

³⁶² Куратов. Личность Ермака в народной оценке. //ТГВ, 1883, №5.

³⁶³ Сибирские летописи, с. 87, 102, 168, 255, 268, 288, 302, 309, 344.

³⁶⁴ Д.Н. Фиалков. О месте гибели и захоронения Ермака. //Материалы по истории Сибири: Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 280.

зы, Ермак, одетый в кольчугу, мог всплыть на 3 или 4 день, и поэтому его тело могло быть отнесено течением до Епачинских юрт”, похоронен атаман “в недалеком расстоянии от них: “на “священном” Баишевском кладбище”³⁶⁵. Вероятнее всего, что эти факты, устанавливаемые сейчас специальным исследованием, в конце XVI в. фигурировали в ермаковском фольклоре.

Итак, мы охарактеризовали ряд сведений устной истории о Ермаке конца XVI в. Этот минимум сведений в форме слухов, устных рассказов, в форме первоначальных преданий распространялся по всему Урало-Сибирскому краю, а также проникал на Волгу, Дон, в центральные районы России. В то же время эти сведения стали в конце XVI – начале XVII века дополняться, изменяться, развиваться в связи с тем, что народ начинает глубже понимать значение присоединения Сибири к России.

Историки вынуждены были отказаться от освещения родословной атамана³⁶⁶ из-за отсутствия документальных данных и признавать, что “исторической науке принадлежат только последние пять или шесть лет его жизни,... предшествовавшие же тому обязательства,... его происхождение столь же неизвестны, как неведома его могила”³⁶⁷. В фольклоре же была создана полная поэтическая биография Ермака, по крайней мере, в трех вариантах: донском, урало-сибирском и татарском. Не ставя задачу освещения “донского” варианта его биографии, отметим, что в казачьих сказаниях Ермак выступал как уроженец Дона, основоположник казачьего войска, “самый наибольший из всех станишников”³⁶⁸. “Ермака Тимофеевича знает на Дону не только старик, любой мальчишка на вопрос “А почему ты называешься казаком?” ответит: “По дедушке Ермаку, донскому казаку”³⁶⁹ - это довольно позднее свидетельство, но понятие о “дедушке Ермаке” продержалось в народном сознании не одно столетие, а сложилось, видимо в далеком XVII веке. По донским преданиям, Ермак – уроженец Кагалинской станицы³⁷⁰.

А на Урале о Ермаке рассказывали по-своему, причем, татары, жившие в Зауралье, – одно, а русские – другое.

³⁶⁵ Д.Н. Филалков, указ. работа, с. 281.

³⁶⁶ Разумеется, кроме тех, для которых “Сказание о происхождении Ермака” – документальный источник.

³⁶⁷ И. Шульгин. Происхождение казачества на южном рубеже Руси, появление Ермака и завоевание им царства Сибирского. //Труды Российской Академии. СПб, 1841, ч. V, с. 238.

³⁶⁸ Как пошло на Руси казачество: казацкое предание. //ТГВ, 1892, № 6; П. Якушкин, Путевые письма. //Отечественные записки, 1868, № I, с. 135.

³⁶⁹ Х. Попов. Атаман Ермак Тимофеевич по народным преданиям и песням. Новочеркасск, 1908, вып. VIII, с. 141.

³⁷⁰ Д. Иловайский. Ермак и покорение Сибири. //Русский вестник, 1889, сентябрь, с. 38-39.

Несколько слов о татарских преданиях. В них о Ермаке говорилось то как о неизвестном пришельце, то как о “воре”, появившимся неожиданно в Сибири. Например, в предании, записанном академиком В. Радловым, рассказывается: “Когда Кучум-хан жил на реке Тоболе, пришли к нему 3 вора, убежавшие от русского царя. Имя их вожака было Ермак. Этот Ермак пришел к Кучуму-хану, но никто его языка понять не мог...”; далее – эти “три вора” некоторое время живут вместе с татарами, узнают их язык и хитростью (используется широко известный сюжет овладения участком чужой земли посредством шкуры животного) захватывают татарские земли, затем занимаются хлебопашеством и остаются навсегда жить в Сибири³⁷¹. Рассказывали татары также и о “русском мальчике” Ермаке: он один пришел к Кучуму, стал ему прислуживать, жил долгое время среди татар, а став взрослым, хитростью захватил землю по Тоболу и Иртышу³⁷²; в представлении татар Ермак – также “хороший кузнец”, человек “умный”³⁷³ и “рыболов” - он “издавна” живет на Тоболе, ловит стерлядей, причем “больших рыб” всегда приносит в дар Кучуму³⁷⁴.

В первоначальных татарских преданиях XVI-XVII вв. Ермак изображался как богатырь, обладающий волшебными качествами; татары почитали его могилу, его одежду, вооружение (при погребении все с Ермака было снято и распределено между знатными князьками) – считалось, например, что панцири атамана приносят их обладателю удачу, а земля с могилы Ермака имеет целебные свойства и т.д.. С другой стороны, можно предположить, что в XVII веке в народных татарских преданиях была сделана попытка объяснить пошатнувшийся национальный престиж – в таких преданиях Ермак – хитрый русский пришелец, неблагодарный человек, который еще ребенком скитался по Сибири, был обласкан Кучумом, а потом обманул его. Русское происхождение покорителя Сибири подчеркнуто во всех татарских преданиях.

Остановимся на урало-сибирских русских преданиях. В одних Ермак – неуральского происхождения, он “пришел на Урал из России”³⁷⁵, “родом он из Муромца”³⁷⁶ или из Юрьевца (судя по фольклорным мотивам

³⁷¹ Н. Катанов. Предания русских инородцев о том, как русские захватили их земли. // Деятель, 1898, № 3, с. 100-101.

³⁷² Там же, с. 102.

³⁷³ З., Прогулка по историческим окрестностям Тобольска. //Тобольские губернские ведомости, 1881, № 17.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Ядринцев, Сибирь как колония, СПб, 1882, с. 61.

³⁷⁶ И. Тыжнов, Обзор иностранных известий о Сибири 2-ой половины XVII в. //Сибирский сборник. СПб, 1887, с. 135. На том, что Ермака “выводили родом из Муромца”, очевидно, сказалось влияние былевого эпоса, где Ермак представлен племянником Ильи Муромца, считает П. Головачев – см.: П. Головачев. Покорение Сибирского царства и личность Ермака. //Сибирский сборник, 1891, с. 182.

“Сказания о происхождении Ермака”) или говорят, что “жил он раньше где-то возле Тамбова”³⁷⁷. В другой части преданий, наоборот, подчеркивается его уральское происхождение: он – “крестьянин Пермской губернии”, “уралец, пермяк”³⁷⁸. Или признается, что он родился где-то в России, а затем “был сослан на Сылвенский завод”. Менее противоречивы уральские предания при освещении детства и юности атамана. Так, некоторые уральцы уверены, что на Висимском пруду в пещере жили разбойники, “у них целая артелка была. С ними и был Ермак. Ему тогда 12 лет было, и варил он им кашу. Разбойники грабили, а Ермак кашеварил, да видно набирался ума-разума, глядел на них. Места тут были сплошь дикие, народу мало, однако ходили купцы с товаром, золотonosчики. Вот разбойники и жили здесь. Видно, когда он вырос, собрал новую артелку молодцов да подался по Чусовой в Сибирь”³⁷⁹. Этот мотив уже известен нам по “Сказанию о происхождении Ермака”, где привлечено предание о кашеваре в качестве объяснения происхождения имени “Ермак”. Вспомним, что в том же “Сказании” дается и описание “скудности” жизни “породы” Ермака, сам он в юности вынужден наняться работать на “струи”, а затем набирает себе “дружину малую” и идет от “работы на разбой”. Очевидно, что мотивы “Сказания” и преданий XX века имеют много общего: герой незнатного, “простого” происхождения, беден, с детства вращается в среде “бурлаков” или “разбойников”, “кашеварит” ... И кроме того, он – вырос на Урал (или в Приуралье). Видимо, не следует думать, что такая “перекличка” указанных мотивов преданий и “Сказания” доказывала бы документальность сведений “Сказания”. Скорее она доказывает присутствие указанных мотивов в рассказах местных жителей XVII века и еще раз убеждает в фольклоризме “Сказания”.

Вполне возможно, что жизнь и деятельность атамана в некоторой части приуральских преданий XVII века идеализировалась. Так, по народным представлениям, отразившимся в Кунгурской летописи, Ермак не разбивал, не грабил царские “орленые суда”, он не убивал “государевых послов”. Кунгурская летопись, единственная из всех исторических повестей, утверждает, что грабеж “кызылбашских послов” Ермаком – неправда³⁸⁰; вероятно, снятие со счета Ермака этого поступка является результатом идеализации атамана. Кунгурский летописец (как и предания) дает идеализированную характеристику дружины Ермака.

³⁷⁷ Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961, с. 40.

³⁷⁸ ГАПО, ф. 72, д. 29, л. 27.

³⁷⁹ Предания реки Чусовой, с. 39-40.

³⁸⁰ Наблюдение В.К. Соколовой. См.: В.К. Соколова. Русские исторические песни XVI-XVII вв. М.-Л., 1960, с. 71.

Подчеркнута, например, строгость артельных правил, “указов”: “...указ на преступление чинили жгутами, а кто придумает отойти от них и изменить, не хотя быти, и тому по донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака вси укрепися, и больши 20 человек с песком и камением в Сылве угружены. Блуд и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а согрешившего обмывши 3 дни держат на чепах”. В дружине были знатоки артельных традиций; один из них – некий “старец бродяга”, который “ходил через черных риз, а правило правил и каши варил и припасы знал и круг церковный справно знал”. “Колоритная фигура этого “старца”, – пишет Д.С. Лихачев, – бывшего, очевидно, знатоком казачьих традиций, ... исполнявшего какие-то религиозные функции, и, вместе с тем, ведавшего “припасами” и варкою “каши”, вносит очень живую черту в наши представления о дружине Ермака”³⁸¹.

У нас нет оснований считать, что подобная идеализированная характеристика Ермака и его дружины была во всех приуральских преданиях XVII в. Скорее всего, она была характерна лишь для части преданий, бытовавших в среде, где создавалась Кунгурская летопись, где жили очевидцы пребывания Ермака в вотчинах Строгановых, или – в среде, где могли жить люди, порвавшие с разбоем, но знавшие обычаи, правила “артельной” жизни. Влияние казачьего фольклора на приуральские предания можно обнаружить и в таком эпизоде, переданном Кунгурским летописцем: когда князек Елычай привел Ермаку “прекрасную дочь свою в честь и в дар”, то атаман девушку “не принял и отверг и прочим запретил, ея же доступал Кучюм за сына своего взятии, та бо девка роду ханска Сергачика царя прекрасна”³⁸². Д.С. Дергачев предполагает: “Не есть это прототип той песенной “души красной девицы, молодой Урзамовны”, дочери “мурзы турскова”, которую казаки Ермака отпустили не обидев”³⁸³. Думается, что летописная “девка роду ханска Саргачика царя” и песенная “молодая Урзамовна” – фольклорного происхождения; оба эти персонажа появились независимо друг от друга; вообще же появление женских персонажей в ермаковском фольклоре следует, вероятно, отнести к тому времени, когда еще в казацкой среде поддерживался обычай не иметь жены. Е.А. Александрова, анализируя разинское предание о персиянке, которую герой бросает в Волгу, справедливо отмечают, что в нем “сказался старый обычай не заводить жены и семьи, так как

³⁸¹ Д.С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое знание, М.-Л., 1947, с. 413.

³⁸² Сибирские летописи, с. 342.

³⁸³ Д.С. Лихачев, указ. соч., с. 416.

они мешают казаку в походах, в жизни, полной опасностей. Такой обычай был и у запорожцев и у донцов”³⁸⁴. Она приводит пример: в 80-е годы XVIII в. “в станице Верхне-Кумоярской еще была жива старуха, которая была первой женщиной, появившейся среди казаков этой станицы”³⁸⁵. Видимо, такой обычай казаков нашел отражение в некоторых приуральских ермаковских преданиях XVII в.

По ним Ермак – независимый от Строгановых, храбрый атаман; район его действий обширен: Ока, Волга, “Хвалынское море”; в его подчинении тысячи разбойников, но эти тысячи образуют стройную войсковую организацию; казаки разбивают “торговые караваны”, сам Ермак хотел “идти в Кызылбаши для своей власти з донскими и еицкими”, но до царя дошел “слух”, что “кызылбашских послов пограбили Ермачко именем со многими людьми”, поэтому Грозный высылает войска во главе со “столником Иваном Мурашкиным” и ермаковцы решают временно уйти с Волги, пойти город Сибирь “разбивать”. В другой части приуральских преданий также, очевидно, говорилось и о разбоях, грабежах ермаковцев на Волге и о их столкновениях с “ратными” людьми Ивана Грозного, но уход Ермака с Волги и поход в Сибирь объяснялся его стремлением примириться с царем, заслужить у него прощение. (Вариант: мысль о примирении с царем подает Ермаку “мужик” Строганов).

По аналогии с преданиями о борьбе Ермака с вогулами, татарами в XVII веке в Приуралье появляются предания о покорении Ермаком черемисов, мордвы, причем, совершает он все это по пути к вотчинам Строгановых, уходя от царских войск: “... Вверх по великой реке Каме поиде судами с дружиною своей храброй, с иноверцами, некрещенными людьми, с подданными прежнего взятого казанского царя Симеона, с черемисою, с мордвою, вотяками”; “союзники” прошли по “Каме реке и по Вятке реке и по иным многим рекам” и “живущие народы” по этим рекам “покори” и “ясак с них на великого государя” взымали³⁸⁶. Понятно, почему Ермак взымает “ясак” “на великого государя”, спасаясь бегством от его же войск – герой уже искупает свою вину. Н. Венюков пересказал здесь одно и приуральских преданий XVII в., отразившее и вражду, существовавшую между аборигенами и русскими.

В это же время появляется сюжет о богатствах, спрятанных в пещере чувовского камня. В первоначальном виде он имеет такой вид: клад прячет не сам Ермак, а его казаки, которые будто бы после гибели атамана

³⁸⁴ Е.А. Александрова. Устная проза о Разине. //Ученые записки Даугавпилсского пед-института, IV серия гуманитар. наук, вып. 3, 1959, с. 98.

³⁸⁵ А.Е. Александрова. Устная проза о Разине, с. 98.

³⁸⁶ Сибирские летописи, с. 368.

вернулись в Россию тем же путем (Тавда, Тура, Тагил, Баранча, Серебрянка, Чусовая) и "спрятали свои богатства в скалистых горах; эти горы очень круты и высоки, и на одном из склонов имеется пещера... эту гору... называют Ермакова Гора"³⁸⁷.

О пути казаков в Сибирь приуральские жители в XVII в. рассказывали по-разному: один из вариантов отражен Кунгурским летописцем, другой вариант появился, скорее всего, во второй половине XVII в. – в таких преданиях фигурировали "Верхотурские горы", "Верхотурский камень", город Верхотурье, следовательно, они могли появиться лишь тогда, когда народ "забыл", что Верхотурская таможня была основана в 1598 г.. Например, Н. Венюков пересказывает предания, по которым ермаковцы двигались по Чусовой, Утке, далее на лыжах "на вершину реки Ницы" через "Верхотурский камень", с Ницы – "по Верхотурку". Такой вариант возник под влиянием того, что в XVII в. действительно существовал подобный маршрут в Сибирь. В это время "путь по Чусовой, пишет С.В. Бахрушин, шел иначе, чем в 80-х годах XVI столетия, когда им воспользовался Ермак. Ехали вверх по Чусовой до устья Утки, близ устья которой в Чусовой (Уткинской) слободе высаживались и продолжали путь сушею на р. Реж, далее через слободы Аятскую и Арамашевскую на реку Нейву и Невьянскую слободу, откуда дальше ехали водою и по Нице спускались до Тюмени"³⁸⁸.

В приуральских преданиях XVII в. упоминались также зимовки на Сылве, в Кокуй-городке, остановки для постройки "ладей" на Тагиле и Тоболе, брошенные струги у Серебрянки (Утки), построенная часовня на Сылвенском городище. Так же, как и в сибирских, в местных преданиях говорилось о стычках ермаковцев с аборигенами во время движения по Уралу. Рассказывали также уральцы и о том, как проходила борьба Ермака с татарами Кучума. Логично предположить, что в узкой среде, скорее всего на Сылве, могли устно передаваться многие факты Кунгурской летописи. По остальной же территории Приуралья, вероятно, бытовали предания более общего характера, типа зафиксированных Н. Венюковым. В них стычки ермаковцев с сибирскими татарами были представлены как одно крупное сражение за столицу Кучумова ханства. Причем Ермак и его казаки характеризовались не только как смелые, находчивые воины, легко и даже как-то весело захватывающие столицу татар, но и как "ведуны". Средневековое народное сознание, склонное к вере в магию слова, вполне допускало способность Ермака и его каза-

³⁸⁷ Из хрестоматии Н.Витсена "Северная и Восточная Татария" /изд. 1962 и 1705 г. Цит. по: А.А. Горелов, указ. работа. //Русский фольклор, 1961, VI, с. 362.

³⁸⁸ С.В. Бахрушин, Путь в Сибирь в XVI-XVII вв. //Научные труды, т. III, ч. I, с. 164.

ков заговаривать оружие противника. Об этом не только рассказывали, но в Тобольске даже сохранялись две пушки, которые будто бы были “заговорены” ермаковцами. Предание о заговоренных пушках бытовало в Приуралье, видимо, в нескольких вариантах. Нам известно два. Кроме указанного, был еще вариант, по которому казаки “умолвиша” пушки не во время взятия Тобольска, а позже, когда ермаковцы ходили встречать бухарцев; был бой за городок князя Бегиша, татары успели дать один залп по русским, тогда казаки “умолвиша” пушки и те “в другорядь” уже не могли “лунуть на казаков”³⁸⁹.

Итак, личность главного героя в приуральских преданиях XVII в. освещалась по-разному. В более ранних произведениях, Ермак представлял обыкновенным казачьим атаманом, от войска неприятеля он “бежит”, чего не сделал бы герой-богатырь. Иногда он именовался Ермачком. Сила, приписывалась не ему и не его соратникам, а всей дружине. Он еще не возвышается над дружиной как исключительная личность, хотя он – храбрый, смелый атаман. Таким он, вероятно, был в самых ранних преданиях 80-90 гг. XVI в. – начале XVII в.

Характер обрисовки Ермака, оценки его действий менялся по мере отдаления во времени сибирских событий. Чем дальше они уходили в историю, тем четче вырисовывалась грандиозность совершенного Ермаком дела, тем ощутимее для России становилась важность присоединения Сибири. И несомненно, что уже в первые два-три десятилетия XVII в. в казачьих преданиях Ермак превращается в идеального казачьего предводителя, он – настоящий казак, знающий и выполняющий “правила” - все дела он решает “советом с дружиною”, он отвергает “девку роду ханска”, как и положено идеальному казаку; у него также идеальная дружина, организованная и живущая по всем традиционным казачьим порядкам; сам Ермак дерзок и смел, и эти его качества как бы отражение качеств дружины, которой он руководит.

В то же время в неказачьей среде, в среде уральских работных людей, крестьян, Ермак в первые десятилетия XVII в. и позже представлялся, по всей вероятности, личностью, вышедшей из трудовых низов: у него “бедная порода”, с детства он в работе, познает все трудности, но он человек смелый, умный, хитрый (хитрость – качество положительное!) поэтому уходит в разбойники. Он – справедливый разбойник, грабящий богатый, вступающий в конфликт с самим царем. Он – завоеватель Сибирского царства и по праву должен считаться сибирским царем. Подобные предания выражали не только уважение тружеников к покорителю Сибири, но и их мечты о настоящем, “мужицком” царе.

³⁸⁹ Сибирские летописи, с. 341.

Можно говорить и о локальном характере ермаковских преданий XVII века. Выше было проведено сопоставление ряда преданий одного сюжета – смотрите, к примеру, сравнение преданий о гибели Ермака. Это сравнение, кроме всего прочего, показывает, что летописцы XVII века, создавая свои произведения в разных районах Урала и Сибири и используя предания в качестве источника сведений, невольно отразили именно местный колорит народных преданий. Сошлемся еще на чужие наблюдения. А.А. Горелов сопоставил летописные известия XVII века о пленении ермаковцами татарского князька. У Саввы Есипова: в устье Тавды казаки “яща тотарина именем Тауза, царева Кучюмова двора; поведаше же им сей все по царя Кучюма”. “Это сообщение, - замечает исследователь, - почти дословно повторено в ряде других летописей” (Сибирские летописи, с. 269, 194, 244, 276, 99, 16, 65)³⁹⁰. Далее А.А. Горелов фиксирует, что в Бузуновском списке Есиповской летописи это “сообщение чуть подкрашено: пойманный татарин именем Таусин, “от Кучума царя Сибирского прислан был на Тавду для рыбной ловли”; Ремезов пишет о взятии казаками на Тоболе в Тарханском городке Кутугая, дворецкого Кучума, собиравшего ясак; в Кунгурской летописи есть сведения о взятии в плен на Тавде есаула Ичимка; в “Описании новые земли Сибирского государства” говорится о победе Ермака над любимым советчиком Кучума Канцелеем в битве под Тюменью и о пленении последнего”. Вывод исследователя: летописцы пользовались местными преданиями.

Эта разноголосица летописей не случайна. Уже в середине XVII века была картина, подобная той, какую мы наблюдаем и сейчас: на узкой территории (и только на этой территории) бытует свое, местное предание о Ермаке, или чаще – какой-нибудь общеизвестный сюжет с местными реалиями. Авторы летописей и отразили местные предания с их разноголосицей: пленен был Таузак, Таусин-рыболов, дворецкий Кутугай, есаул Ичимок, “советчик Кучума” Канцелей; пленение произошло в устье Тавды, на Туре, на Тоболе в Тарханском городке, под Тюменью. Реальный факт пленения оброс “местным вымыслом” в преданиях.

Из преданий XVII века исчезают многие фактические сведения, многие реалии свободно komponуются, переосмысляются. Так, в одних преданиях фигурировало, вероятно, четыре сподвижника Ермака (Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк), в других – три “сверсника” (Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брязга), были и такие, в которых называлось девять атаманов Ермака³⁹¹; по-разному рассказывали

³⁹⁰ А.А. Горелов, указ. работа. //Русский фольклор, вып. VI, М.-Л., 1961, с. 367.

³⁹¹ См.: Сибирские летописи, с. 98, 263, 316.

и о посольстве казаков в Москву, его возглавляет то Иван Кольцо, то Гроза Иванович. Было отмечено также, как говорилось в преданиях о численном составе ермаковой дружины. Она либо гиперболизировалась и тогда появлялись эпические цифры, либо рассказчики совсем отказывались называть какие бы то ни было цифры и заменяли их формулами “много”, “много тысяч”, “со многими людьми”, “множество воинов” и т.п. Далее, если в рассказах-воспоминаниях участников завоевания Сибири могли быть довольно точные указания на то, когда происходило то или иное событие, как долго оно длилось, в какой временной последовательности шли события и т.п., то в преданиях подобных временных вех мы не находим. В них происходят, начиная, видимо, с первой половины XVII века, резкие хронологические смещения – мы говорили, что Н. Венюков в своем “Описании”, составленном главным образом на основе урало-сибирских преданий, хронологически связал взятие Казани и начало похода ермаковцев на Кучума; далее, как это делается народом в преданиях, Н. Венюковым перенесены “представления и обстоятельства своего времени (т.е. конца XVII в. – В.Б.) на события столетней давности: Кучум владеет не Искером, а Тобольском, Сибирь делится на уезды...”³⁹²

С конца 90-х годов XVII века начинается интенсивное освоение Среднего Урала. Разведанные ранее месторождения железа и меди, наличие источников гидроэнергии, богатые лесные массивы, пригодные для выработки высококачественного угля, необходимого для металлургического производства, служили основой для быстрого получения дешевого металла. К 30-м гг. XVIII в. на Среднем Урале и в Приуралье работали уже несколько десятков крупных и мелких металлургических заводов. Во второй половине XVIII в. горнозаводской Урал превратился в настоящую всероссийскую кузницу. Начиная со второй половины XVII в. резко увеличивается приток населения в Приуралье.

Все историки, путешественники, писатели, бывавшие на Урале в XVIII-XIX столетиях, стали известны с фактом широкого распространения народных преданий и легенд о Ермаке. О нем рассказывали и в рабочих поселках горнозаводского Урала, и в приуральских таежных деревнях, и в слободах, лежащих на Исети, Туре, Тавде. Популярность Ермака была в равной степени широкой и продолжительной.

Приступая к рассмотрению ермаковских преданий XVIII-XIX вв. бытовавших на Урале, следует в первую очередь обратиться к тем, в которых давалась характеристика Ермака – волжского разбойника.

³⁹² В.Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири, с. 101-102.

Ученые, сочинявшие в XVIII столетии официальную историю сибирского похода, колебались в необходимости вводить в науку сведения о Ермаке-разбойнике. Так, Г.Ф. Миллер в 1748 г. в письме на имя Исторического собрания Академии просил профессоров высказаться относительно того, “что он написал о Ермаке”.³⁹³ Написал же он то, что и следовало: Ермак до похода в Сибирь разбойничает на Волге. Профессора Браун, Фишер, Крузиус, Штруб, Штелин, Леора единогласно заявили о том, что нужно “выбросить вон” подобные “описания”; Тредиаковский, поддерживая своих коллег, объяснил их решение: этого требуют “благопристойность и некоторые политические опасности и предосторожности”; Ломоносов также не противоречил общему мнению членов Исторического собрания: если “рассуждения, которые об его (Ермака – В.Б.) делах с нескольшим похулением написаны и не могут быть переменены, лучше их все выключить”³⁹⁴. Под “похулением” понималось разбойничество Ермака. Академики решили, что и как следует “объявлять народу” о Ермаке, сам же народ пел и рассказывал о нем то, что считал важным и нужным.

Казацки разбои на Волге, попав в конце XVI века в сферу фольклорного отражения, не исчезли из исторических песен, преданий и сказаний и в последующие века. Описание их входит и в исторические повести о покорении Сибири. Сведения о волжских разбоях Ермака настойчиво вводились во все списки; по наблюдениям Н.А. Дворецкой, например, распространенная редакция повести Саввы Есипова создавалась “путем включения в текст... известий о разбое казаков на Волге и Дону, известий, которые основная редакция тщательно обходила”³⁹⁵.

Вообще все авторы, касавшиеся похода Ермака в своих сочинениях, вынуждены были так или иначе освещать разбойничью деятельность покорителя Сибири, используя при этом по-прежнему сведения, почерпнутые из устных народных произведений. Так, уральский историк Икозов говорит в своей “Истории знаменитой фамилии Строгановых” об убийстве казаками Ермака “посланника Карамышева” и представляет дело так, будто это убийство было самым тяжким преступлением ермаковцев, и поэтому против них было послано “из Москвы знатное число российского воинства и пойманные казнены смертно, только многие живот свой спасли бегством”³⁹⁶. Сообщение это – фольклорного харак-

³⁹³ Из протоколов Исторического собрания Петербургской Академии наук. //Библиографические записки, 1861, т. III, № 17, с. 516.

³⁹⁴ Там же, с. 517.

³⁹⁵ Н.А. Дворецкая. Археологический обзор списков повестей о походе Ермака. //ТОДРП 1957, с. 468.

³⁹⁶ История о родословии и богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 г. //ПГВ, 1880, № 96.

тера с явно выраженной трансформацией факта гибели И.К. Карамышева от руки казаков (к тому же говорится, что он был послан “от Великого государя в Персию”). Пермский историк не забывает упомянуть и о том, что ермаковцы “казну его царского величества разграбили”³⁹⁷.

Г. Новицкий как широко известные, достоверные и не требующие доказательства приводит такие сведения: Ермак на Волге “упражняшеся разбоем, многия иностранныя люди, персидския, кызылбашския купци и прочая разораше, от сего государства купеческия промыслы и прибыли разорашуся...”³⁹⁸ И.Е. Фишер замечает на основании того, что ему “сказывали”, будто у Ермака “сообщников” на Волге было от 6000 до 7000 человек³⁹⁹. Как видим, на Урале и в Зауралье в XVIII веке продолжали рассказывать примерно то же самое, что и в XVII веке: он грабит торговые караваны, убивает царских и иностранных послов, присваивает царскую казну.

В то же время ермаковские предания продолжали испытывать сильное влияние со стороны преданий о других разбойниках. Мы уже отмечали “стягивание” в народных повествованиях в имени Ермака разбойничьих действий других волжских атаманов – современников покорителя Сибири. В конце XVII-XVIII вв. этот процесс продолжался. Он был непрерывным, а в определенные периоды становился, вероятно, более интенсивным. В конце XVII – начале XVIII вв. был как раз такой период, когда в цикл ермаковских преданий вошло много новых мотивов и сюжетов из других циклов. Ведь именно в это время началось сплошное заселение Среднего Урала, освоение его природных богатств, строительство всех основных заводов, составивших ядро горнозаводского Урала. Очевидно, что переселенцы не все в ермаковских преданиях воспринимали так, как уральцы. Они могли вносить свое понимание событий более чем вековой давности. Кроме того, в это время на Волге, в Центральной России активно бытовали предания о Разине. Они попадали и на Урал через беглых, бродяг, переселенцев, через работных людей, приписанных к уральским заводам и занимавшихся доставкой промышленной продукции на Волгу, в Москву, Петербург. Именно в конце XVII – начале XVIII столетий уральцы получили возможность сравнить, сопоставить в своем представлении фигуры Ермака Тимофеевича и Степана Тимофеевича Разина.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. “Памятники древней письменности”, 1884, т. 53, с. 21.

³⁹⁹ И.Е. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием... СПб, 1774, с. 114.

На Среднем Урале и в Приуралье и в XVII и особенно в XVIII столетии действовало много местных разбойничьих отрядов. Приведем несколько примеров. В 1691 году, пишет соликамский воевода, “воры”, “вверх по Каме реке разбивали и грабили купеческих людей, а иных и до смерти побивали и в город Кайгород разбоем приходили, из ружья стреляли, к церквам Божиим и к таможенным избам для грабежу приступали”⁴⁰⁰. Судя по отписке этого воеводы, разбойники были верхотурские, чувсовские, обвинские. В. Генин отправился на Урал в 1722 году с охраной “от воровских людей”⁴⁰¹. По “молве и старинным архивам”, в 1756 г. разбойники штурмовали родовой Строгановский монастырь в с. Пыскоре, пытались захватить хранившиеся там богатства; в 1773 г. был разграблен Юговский завод; в 1788 г. “воры” обобрали в устье р. Курьи богатых пермских чиновников, а в 1771 г. атаман Золотой, пройдя в верховье Чусовой, “овладел Васильево-Шайтанским заводом, захватил заводовладельца Ширяева, ограбил его и казнил на глазах всего населения”⁴⁰².

О разбойничестве, этой своеобразной форме протеста против существовавших феодально-крепостнических порядков, на Урале рассказывалось много преданий. И хранились они в народной памяти продолжительное время, удивляя порой некоторых монархически настроенных историков Пермского края. Так, И.В. Вологдин поражался тому, что “имена разбойничьих атаманов, когда-то свирепствовавших по берегам Камы и Волги, до сих пор (1880 г. — В.Б.) сохранились памятью местного населения, меж тем как имена тех лиц, которые не жалели себя, ратовали в старину за общественную безопасность, остаются в забвении”⁴⁰³. К концу XIX — началу XX вв. народная память еще удерживала многие имена камских разбойников: Сокола, Петуха, Гурьки, Коршуна, Быкова, Камита, Рыжанко (Золотого), Сеньки Бурцева, Гераськи Рудакова, Васьки Соловьева и др. Рассказывали уральцы об “удальце” Бадьянко, побывавшем в 70 тюрьмах, о Щукине, который “разбивал караваны на виду Казани” и многих других разбойниках⁴⁰⁴.

Несомненно, находясь в окружении многочисленных преданий о разбойниках, ермаковские предания испытывали влияние с их стороны.

⁴⁰⁰ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб, 1787 часть II, с. 69. См. также с. 70, 71.

⁴⁰¹ В. де-Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937, с. 31.

⁴⁰² В. Весновский. Камская вольница. //Кунгурско-Красноуфимский край, Кунгур, 1925 № 8-10, с. 17.

⁴⁰³ И.В. Вологдин. Редькин //ПГВ, 1880, № 23 (Записано Ф.А. Прядыльщиковым и Сивкова и других “пермских старожилов”).

⁴⁰⁴ В. Весновский. Камская вольница. //Пермский краеведческий сборник, 1927, вып III, с. 67.

Покоритель Сибири начинает осмысляться как камский разбойник (поместному, гурька): он живет в пещере, расположенной в месте впадения Белой в Каму, пещеру Ермак сам “ископал”, придав ей правильную четырехугольную форму; выбрал же он это место потому, что “здесь никто не мог миновать его”: “с Белой ли кто пойдет, по Каме ли поплывет, все одно “скрозь руки” не пройдет”; пещера, где скрывался Ермак, не имеет конца; “комната там следует за комнатой, а в самых дальних, на которые зарок положен, спрятаны клады”⁴⁰⁵. Очевидно, что это типично приуральское предание о камских разбойниках оказалось втянутым в ермаковский цикл и, сменив героя, стало ермаковским.

Любопытно также предание о том, как Ермак “от царских приставов долго хоронился” на реке Ик. Приведем его в пересказе В.И. Немировича-Данченко: Ермак скрывался на реке Ик. “Но только и ему поперек горла подошло... Устье-то воевода как-то занял и давай на него тучей надвигаться. Думал сначала Ермак бой принять, да силы у него не хватило. Выплыл он с лодкой своей посередь реки и взял с собой только одну любимую царевну татарскую Алмаз. Выплыл он и крикнул: “Ох ты гой еси, река Ик могучая, кланяюсь я тебе всем добром моим: серебром, золотом, камением самоцветным, товаром дорогим”. И побросал в реку всю казну свою. Замутилась река, приняла Ермаково добро. Тогда он взял меч свой булатый, непослесток царевну Алмаз поцеловал в уста сахарны, да как полоснет — так насмерть прямо! Взял он это ее, голубушку, и в воду! Бултых! Опосля он давай молить реку Ик, чтобы вызволила его из лихой беды, спасла от конца неминуемого. Ну, река Ик богатыря послушала... Не успел он еще в свое становье вернуться, как поднялась непогода, взбушевал Ик и потопил царские суда с приставами и московскою дружиною! С тае самое поры Ик и помутнела. Омутами ее всю затянуло, потому что она в этих омутах казну Ермакову хранит”⁴⁰⁶. Здесь Ермак — разбойник опозитизирован. Ему помогает даже природа. Мотив этот — древний, очень характерный для фольклора и его наличие в ермаковском предании говорит о сочувствии рассказчиков к удалому атаману. Мотива о царевне Алмаз не было в ермаковских преданиях XVII-XVIII вв. Думается, что это слегка трансформированный мотив известного сюжета о Разине и персиянке⁴⁰⁷. Его наличие в ермаковском предании свидетельствует о взаимодействии ермаковского и разинского циклов. Этот мотив в измененном виде присутствует и еще в одном

⁴⁰⁵ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. IX, с. 80.

⁴⁰⁶ В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал, кн. IX, с. 75.

⁴⁰⁷ Предание о Разине и персиянке Л.С. Шептаев считает исконным для разинского цикла — см.: Л.С. Шептаев. Ранние предания и легенды о Разине. //Славянский фольклор и историческая действительность, М., 1965, с. 84.

ермаковском сюжете, звучащем в пересказе П. Семенова-Тяншанского следующим образом: “Бурлаки обращают внимание на высокий камень (это на Чусовой – В.Б.), из середины которого светлой холодной струей брызжет родник прямо в реку. Это, объясняют они вам, плачет персидская царевна, взятая Ермаком за себя замуж, но изменившая ему и заточенная им навеки”. Исследователь добавлял: “Как видно, предание о сибирском завоевателе смешалось с преданием о вольном молодце Стеньке Разине и приняло совершенно своеобразный колорит”⁴⁰⁸. Появление разинского предания в ермаковском цикле объясняется еще и тем, что к XIX веку резко изменились представления народа о моральном облике идеального казачьего атамана. Вспомним, что в уральских преданиях XVII столетия Ермак характеризовался как идеальный атаман, который ради возможности вести вольную жизнь не связывал себя семейными узами, который тщательно следил, чтобы в дружине не было “блуда”. А сейчас он уже имеет спутниц жизни: то это женщина из рода Строгановых⁴⁰⁹, то царевна Алмаз, то безымянная персиянка.

Так как в конце XVIII – начале XIX вв. в народном сознании образы Разина и Ермака постоянно сопоставлялись и дела, поступки Разина часто трактовались народом в сравнении с деятельностью Ермака, то происходило взаимовлияние ермаковского и разинского цикла преданий; шел, если можно так выразиться, сюжетный взаимообмен. К примеру, фольклорная биография покорителя Сибири оказала существенное влияние на поэтическую биографию Степана Разина, формирование которой в XVIII веке еще только заканчивалось. По записи Д.Н. Садовникова, судьба подростка Разина во многом совпадает с ермаковской: у Разина родители простые люди, ребенком он попадает в шайку 12-ти разбойников, атаман начинает его “воспитывать и научать своему ремеслу”, здесь он получает вместо своего настоящего имени Михаил другое, разбойничье – Степан, в среде разбойников он проходит выучку и мужает⁴¹⁰. То же самое можно сказать и о другом разинском предании – “Ураков бугор”: Разин, как и Ермак, приходит подростком (ему 15 лет) в шайку разбойников и служит у них кашеваром⁴¹¹. Если обратить внимание на то, что эти предания записаны в Саратовской и Самарской губерниях, то станет очевидным, что на Волге сюжет о мальчике Ерма-

⁴⁰⁸ П. Семенов-Тяншанский. Полное географическое описание нашего отечества. Урал и Приуралье, т. V, СПб, 1914, с. 370.

⁴⁰⁹ Е. Косвинцев. На Ермаковском городище. //Рудокоп, 1898, № 63.

⁴¹⁰ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступ. ст., ред. и примеч. А.Н. Лозановой. М., 1935, с. 85-86.

⁴¹¹ Там же, с. 83. Сравнительный анализ “Уракова бугра” и ермаковского предания советского времени см.: В.П. Кругляшова. Предания реки Чусовой, с. 35-36.

ке, служащим кашеваром у разбойников, прикреплялся к более известному в этих местах Разину.

В народном сознании постоянно сравнивались “великие воители” Ермак, Разин, Пугачев⁴¹² и иногда первые два атамана в уральском фольклоре оказывались соратниками. Известная запись П.Н. Рыбникова позволяет говорить о том, что в представлении уральцев Ермак – старший атаман, а Разин – его правая рука (далее по этой разбойничьей иерархии следовали: Ванька Каин, Иван Мазепа, Гришка Отрепьев); Ермак – более опытный, более рассудительный, он не способен “без пути” рубить головы “немилостиво”, заводить “коней в церкву”, как это делает Разин; Ермак как старший не выносит и непочтения к себе – он “отказал” Стеньке за “грубости”; в то же время они – “сотоварищи”, и когда Разин осознает, что быть в ссоре с Ермаком – “дело плохо”, он приходит к главному атаману, “низко-низко” кланяется ему и предлагает идти вместе против Кучума⁴¹³.

Для уральских преданий характерной становится такая тенденция: Ермак – родоначальник всех разбойников вообще, от него пошло разбойничье племя. Поэтому пошедшие по его стопам называются в местных преданиях ермачками (слово “ермачек” и “разбойник” употреблялись как синонимы). Ермачки так же, как и Ермак, по рассказам жителей Урала, “всякую чудь воевали”, они ее прогнали и “ушли дальше”⁴¹⁴, а по их следу пришли пращурсы теперешних жителей. Уральцы разделяли ермачков на справедливых и разбойных. Если ермачек грабил “и своих и чужих”, то он считался разбойным, если “воевал” чужь – справедливым. В преданиях о справедливых ермачках отчетливо проступает влияние народных повествований ермаковского цикла: герой “не сидит на одном месте”, он борется с аборигенами, идет дальше, по “следу Ермакову”. Симпатии рассказчиков, конечно, на стороне справедливых ермачков. О разбойных же уральцы говорили с осуждением, как о людях “зряшных”, как о “ворах”.

Ко второй половине XIX в. Ермак окончательно превращается в родоначальника всего русского разбойничества. Это в горнозаводских уральских преданиях. А в преданиях уральских казаков Ермак выглядел иначе: он служит в войске Ивана Грозного, как “первый ярой” берет Казань, Астрахань для Грозного... “Он-то, самый этот воитель, Ермак Тимофеевич, с донскими, да с гребенскими, да со яицкими казаками и взял Ка-

⁴¹² Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935, с. 110, 112; Л.Е. Элиасов. Русский фольклор Восточной Сибири, часть II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960, с. 314.

⁴¹³ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. II, М., 1910, с. 719.

⁴¹⁴ В.И. Немирович-Данченко, указ. соч., кн. X, с. 141-142.

зань да Астрахань и покорил их под высокую руку царя белого, а после уж и Сибирь покорил"⁴¹⁵. По другим вариантам преданий тех же уральских казаков, Ермак по просьбе Грозного берет Казань и Астрахань с помощью "чертей": "и взял Ермак Казань и Астрахань, взял без силы-рати, один взял с двумя своими вестовыми – сам третий значит Ермак... с прибыльцой немного был... то-исть имел в послушании у себя маленькую толику шишигов (чертей). Где рати недоставало, там он и выставлял их"⁴¹⁶. Для сравнения скажем, что в преданиях терских казаков Ермак выступал как основоположник их войска: "Когда-то жили на великой Руси три богатыря: Ермак-богатырь, атаман Кольцо и еще третий. Тесно стало жить богатырям на Руси, и задумали они искать места попросторнее, попривольнее. Клади богатыри промеж себя великий завет: всюду вместе ходить по свету белому и найти три таких места, чтобы всем им по нраву пришлось..." Далее говорится, что нашли они "места", бросили жребий; Кольцо достался Дон, Ермаку-Терек, а третьему богатырю – Енисей. "Стал Ермак собирать к себе всех, что придет из отдаленной России, кто с Чечни, кто от ханов татарских сбежит. Всех он принимал под свое покровительство. А потом, основав войско, воевать ходил со своими храбрецами Сибирь, в полон брал девушек и отдавал их в жены своей храброй дружине"⁴¹⁷. Но и донские казаки не хотели "отдавать" терским знаменитого казака, поэтому в их среде также широко бытовали предания, согласно которым Ермак – "большой богатырь", отважный разбойник, живет он постоянно на Дону, но временами уходит разбойничать на Волгу; там он "без оброка ни одного судна не пропустит", однажды даже царское судно с казной "дочиста обобрал"; Ермак помог Грозному победить "какого-то другого короля или султана", и за это царь пожаловал донцов Тихим Доном"⁴¹⁸.

Таким образом, можно констатировать: на горнозаводском Урале ермаковские предания, в отличие от преданий других областей, наполнились более острым в социальном отношении содержанием; Ермак в уральских преданиях XVIII-XIX вв. – это вольный казак, справедливый разбойник, смело нападающий на царские войска, царских послов; герои типа Разина оказываются его сподвижниками, соратниками; Ермак – "старший" разбойник, он положил начало камской вольницы. "Пусть потомство забудет черные строки в его первоначальной, удалой жизни и не осуждает человека, загладившего свои преступления великою заслу-

⁴¹⁵ Цит. по: В.К. Соколова. Русские исторические песни XVI-XVIII в. М., 1960, с. 76.

⁴¹⁶ И. Железнов. Сказание уральских казаков. Ермак. //Библиотека для чтения, 1861, март, т. 164, с. 50.

⁴¹⁷ Как пошло на Руси казачество: Казацкое предание. //ТГВ, 1892, № 6.

⁴¹⁸ П. Якушкин. Путевые письма. //Отечественные записки, 1868, № 10, с. 134-135.

гою человечеству”⁴¹⁹ - такие призывы неоднократно звучали в официальной печати XVIII-XIX вв. Народу же импонировала “удалая жизнь” покорителя Сибири, поэтому и продолжали бытовать по всему горнозаводскому Уралу предания о Ермаке – “борце против социального гнета”⁴²⁰.

Указанными чертами не исчерпывалась характеристика Ермака в уральских преданиях XVIII-XIX вв., ибо многие из них были посвящены непосредственно сибирскому походу. В них Ермак выступал уже в новом качестве. Обратимся к этим преданиям.

Уральцы по-прежнему отлично представляли трудности, встретившиеся на пути казаков и связанные с переходом по совершенно незнакомой местности, населенной враждебно настроенными манси и татарами. Поэтому много преданий существовало даже в XIX веке о маршруте ермаковцев, средствах, способах передвижения, временных остановках, зимовках и т.п. Причем многие реалии преданий XVII в. перешли в предания XVIII-XIX вв. без изменений. “Если бы г. издатель новой летописи (речь идет о Спасском, издавшем в 1821 г. Строгановскую летопись – В.Б.) ныне посмотрел по следам Ермака Урал и помянутые реки (Чусовая, Тагил, Тура, Тобол – В.Б.), он бы услышал изустные предания, подтверждающие Миллерову историю Сибири”, - писал в 1826 году П. Словцов⁴²¹. Так, в рассказах уральцев по-прежнему упоминались городища, на которых будто бы жили ермаковцы; в XVIII веке бытовало предание о зимовке Ермака на Сылве, оно сохраняется “среди окрестных крестьян” до конца XIX века, причем приобретает к этому времени явно вымышленный мотив: перед походом в Сибирь атаман “схоронил свою жену”. Продолжало бытовать и предание о зимовке казаков в Кокуй-городке. Предания XIX в. повествуют также и о Тагильском городище: Ермак останавливается “у того Медведя камня, у Магницкого-горы”, а плотбище для изготовления коломенок устраивает на “другой стороне” Тагила. Рассказывали также, что здесь ермаковцы провели зиму (или часть зимы), строили укрепления (или даже “крепостцу и несколько зимовьев”), уходя, казаки оставили на Тагильском городище клад (или несколько кладов) и т.п.

⁴¹⁹ Н. Абрамов. Ермак-покоритель Сибири. //ТГВ, 1866. № 21.

⁴²⁰ М. Китайник. Устное поэтическое творчество Урала (очерк). //Ученые записки Уральского государственного университета, 1949, вып. VI, с. 23.

⁴²¹ П. Словцов. Письма из Сибири 1826 года. М., 1928, с. 52. Это ценное для нас высказывание П. Словцова вызвано тем, что Спасский пренебрежительно отзывался о Кунгурской летописи, на основе которой охарактеризован маршрут Ермака у Г.Ф. Миллера.

Из всех Ермаковых городищ Тагильское является наиболее изученным в археологическом отношении⁴²². О.Н. Бадер, исследуя эту стоянку, пришел к выводу, что «сооружение действительно принадлежит Ермаку, представляя собой остатки укрепленного «стана на реке Тагил»⁴²³.

Содержательный культурный строй, остатки глинобитных сооружений, оплывшие, но еще достаточно четко обозначенные валы, предметы материальной культуры, найденные при раскопках, а также самое расположение городища хотя и убеждают в том, что «народная молва права, связывая эту стоянку с лагерем ермаковской дружины», но в то же время говорят не от трехнедельном пребывании здесь казаков, как утверждалось в преданиях XVIII в.⁴²⁴ Очевидно, люди жили на городище действительно долго, но народная память даже в XIX в. не сохранила никаких сведений об этом, что, впрочем, вполне объяснимо: предания донесли только основную информацию о городище – здесь останавливался Ермак, стоил плоты, а то, что было потом, не являлось для народа чем-то важным и потому забыто. Время наложило отпечаток и на характер содержания предания: если к началу XVIII (и в XVII в.) уральцы говорили об остановке казаков на этом месте для постройки плотов или коломенок, то уже П.С. Паллас во второй половине XVIII в. фиксирует рассказы, по которым Ермак провел на Тагильском городище часть зимы, а в конце XIX – начале XX в. «предание гласило», что ермаковцы зимовали у Медведь-камня⁴²⁵. Предание о стоянке на Тагиле уподобилось по содержанию преданиям о Сылвенском и Кокуйском городищах.

Народная молва связывала с именем Ермака массу других мест на Урале. Так, широко бытовал, начиная с конца XVII века, рассказ о чусовском камне Ермак, в пещере которого казаки будто бы спрятали «свои богатства». Правда, уже в первой половине XVIII в. об этой пещере рассказывали как о зимовке ермаковцев⁴²⁶. На Чусовой есть камень Дыроватый, про который даже в 30-е годы XX в. рассказывали будто в «старые годы» к одной из пещер Дыроватого «была приделана деревянная лестница», существовавшая «со времени Ермака и до нашего века»; «стрелы же, наличие коих в пещере известно местному населению, будто бы были

⁴²² Об истории изучения городища см.: О.Н. Бадер. Археологические памятники Тагильского края. //Ученые записки Молотовского университета им. А.М. Горького, п. VIII, вып. 2, 1953, с. 515-518.

⁴²³ О.Н. Бадер. Археологические исследования на Урале в 1946 году. //Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института исследования материальной культуры, 1948, XX, с. 81.

⁴²⁴ О.Н. Бадер. Археологические памятники Тагильского края, с. 316.

⁴²⁵ В. Весновский. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904.

с. 216.

⁴²⁶ Сборник Кирши Данилова, М.-Л., 1958, с. 343-344.

отобраны Ермаком у войска Кучума»⁴²⁷. Очевидно, в преданиях XIX в. говорилось о пребывании Ермака в пещерах камня Дыроватого.

По берегам Сылвы есть ряд скал, именуемый сылвенскими рифами: Межевой камень, Зуб, Поворотный, Корона, Дядя, Бастионы и др. В их число входит и камень Ермак; он находится, примерно, в 13 км от Кунгурской Ледяной пещеры⁴²⁸. Отметим еще камень Ермак на р. Березовой⁴²⁹, Ермакову пещеру в месте впадения Белой в Каму, Ермакову гору, находящуюся недалеко от Бисерти, Ермаков холм на Бесегах, Ермакову лошину возле Кунгура⁴³⁰, Ермаков лес за верхней Салдой⁴³¹. К концу XIX - началу XX вв. на Урале существовали десятки пунктов, мест носящих имя Ермака. Например, были: станция Ермак, 13 деревень Ермаково, 2 села Ермаковка, 2 села Ермчата, села Ермачки и Ермаши, Ермакова гора на Чусовой (это кроме общеизвестного камня), Ермакова сопка на Туре, Ермаковский рудник, две речки Ермаковки (одна - приток Чусовой, другая - приток Беляновки), Ермаков перебор на Чусовой и т.п.⁴³²

Разумеется, не все перечисленные пункты были названы в честь покорителя Сибири. Наименования сел, речек, гор могли произойти или от прозвища «ермаковцы», которое давали казакам, отставшим от отряда, шедшего в Сибирь, или от названия разбойников-ермачков, или от имени Ермак, которое носили первопоселенцы, не имевшие вообще никакого отношения к покорителю Сибири. В то же время названия многих гор, речек да и населенных пунктов, особенно на территории бывшего Кунгурского и Верхотурского уездов, население связывало именно с Ермаком Тифомеевичем. Даже сейчас старики рассказывают «... Многие здешние (т.е. Алапаевского р-на Свердловской обл. - В.Б.) места с его именем связаны. И деревня Ермаки будто бы с тех пор свое начало да название берет»⁴³³. Думается, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы отметить определенную тенденцию народных повествований - связать пребывание Ермака в данной местности в первую очередь с необычной скалой, труднодоступной пещерой, «кондовым» лесом и т.п. Эта тенденция была замечена еще в XIX в.; так, один из собе-

⁴²⁷ Н.А. Прокошев. Район реки Чусовой. Археологические работы академии на новостройках в 1932-33 г. // Известия ГАИМК, 1935, вып. 109, с. 185.

⁴²⁸ Е.Г. Александрова. По родному краю. // Сылвенский край, 1954, №6, с. 8.

⁴²⁹ М. Заплатин. В Объективе-Уральский Север. Пермь, 1965, с.126.

⁴³⁰ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. XI, с. 241, 80, 138. 426.

⁴³¹ Там же, кн. X, с. 266.

⁴³² И.Г. Остроумов. Географическая энциклопедия обоих склонов Среднего Урала (бывш. Пермская губ. в границах до 1917 г.) Черновик, часть IV, Д-И-ГАПО, ф.72, оп.1, д.29. лл.14-30.

⁴³³ Е. Новоселов. Большая история маленькой деревни. //Уральский рабочий, 1966, 9 декабря.

седников В.И. Немировича-Данченко говорил: «Народ со всем, что здесь выдается из ряда, соединил имя Ермака... Ермакова гора, Ермакова падь, Ермаков лес...»⁴³⁴

На Урале много больших и малых пещер, живописных рек, причудливых скал и гор, поэтому весь этот ландшафт оказывается «втянутым» в предания; понятно, что когда-то он в значительной мере определял характер жизни народа, жившего на данной территории. Так, если говорить об аборигенах Урала, то у них пещеры являлись часто местом захоронения князьков, шаманов, а также местом «языческих капищ», где они «в прежние времена совершали свое идолослужение»⁴³⁵. Утесы и скалы /по-уральски камни/ также не были неким «лишним» предметом - они использовались аборигенами в самых разных целях. Например, один из сосвинских утесов «служил в прежние времена для испытания силы и ловкости юношей в управлении луком, ... если молодой стрелок был в состоянии перебросить стрелу через этот утес, то ему давали отдельный участок в лесу для охоты»⁴³⁶. Часто аборигены использовали выгодное географическое расположение какой-нибудь горы, устраивая на ней укрепленный городок или своеобразные «гульбыща», на которые собиралось большинство населения всей округи для торжеств, празднеств. В преданиях коми-пермяков, манси камни являются местом жительства князей, богатырей... Так, на Дивьем камне, что на Вишере, по преданию, была «столица особого племени чудаков», где жила их правительница, «волшебница-дева, сильная и мудрая»⁴³⁷; в Приуралье широко бытовало предание о двух богатырях Полюде и Пере (Пеле): «... каждый из них жил в громадных камнях, первый обитал в камне его же имени - Полюде, а другой - в Квакуше»⁴³⁸.

Очевидно, что русские предания, рассказывающие о жизни Ермака, предположим, в Ледяной пещере, возникли не без влияния преданий аборигенов, в которых четко проступает обусловленность действий героев природными силами - обусловленность, порожденная реальностью. Русские, соприкасаясь в течение длительного времени с коренным уральским населением, несомненно, интересовались названием гор, рек

⁴³⁴ В.И. Немирович-Данченко, Кама и Урал, с. 426, кн. XI

⁴³⁵ Х. Мозель. Материалы для географии... ч.1, СПб, 1864, с. 95.

⁴³⁶ Там же, с. 93.

⁴³⁷ Н. Белдыцкий. Ныробский узник. Древности и окрестности села Ныроба Чердынского уезда. Пермь, 1903, с. 49.

⁴³⁸ Н. Белдыцкий. Ныробский узник. Древности и окрестности села Ныроба Чердынского уезда. Пермь, 1903, с. 2. В Сибири также бытовали предания, по которым аборигены жили «на высочайших мысах и горных вершинах по Иртышу». - А.Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860, с. 232, 252.

и т.д., происхождением этих названий и не могли не слышать рассказов аборигенов об их богатырях, злых духах и т.п., живущих в камнях, в пещерах гор, на неприступных вершинах скал...

Ермак же уже к концу XVII века осмыслился уральцами и как богатырь, как личность, обладающая сверхчеловеческими качествами, и эти представления легко укладывались в русло традиционных преданий о коми-пермяцких вогульских и прочих богатырях. Кроме того, на фоне последних русские рассказы о зимовке Ермака в труднодоступной «пещере каменной», о его пребывании в пещерах Дыроватого камня и т.п. выглядели вполне правдоподобно. Нужно учесть и то, что такой тип сюжета (герой-богатырь живет в труднодоступном для обыкновенного человека месте) способствовал выражению народных представлений о Ермаке как человеке на редкость храбром, смелом - ведь в пещеру, например, чусовского камня Ермак попасть чрезвычайно трудно: вертикальная стена утеса не имеет каких-либо выступов, сама пещера удалена от поверхности реки более чем на 10 метров, и забраться в нее может только очень ловкий человек, спустив веревку с верха скалы.

Нетрудно представить, какими чертами наделяло Ермака народное воображение, если постоянно рассказывали, начиная с конца XVII в., что он жил (или ночевал, или просто отдыхал) в этой пещере, когда шел в Сибирь. То же самое можно сказать про однотипные предания, связанные с другими камнями и пещерами. Рассказывая о пещерах, где будто бы бывал Ермак, уральцы вносили детали, явно не соответствовавшие действительности. Так, по Кирше Данилову, в пещеру чусовского камня «опускались... много не мало двести человек»; другие говорили, что она «не имеет конца»⁴³⁹, «разделена на множество гротов»⁴⁴⁰. На самом деле, как отметил еще академик Георги, а затем Н.Чупин, пещера эта очень небольшая, «в ней свод, подобный своду пекарной печи, длина ее около 2 сажень»⁴⁴¹.

Также вымышленным является мотив о спрятанных кладах. Зарыты они, по преданию, в пещерах чусовских камней, на Тагиле, Туре и т.д. Вообще пещера в уральских преданиях - одно из традиционных мест хранения клада. «Рассказывают, будто Ермак... имел такие большие богатства, что не считал возможным везти их с собой, а поэтому сложил

⁴³⁹ В. Чамов. На лодке по Чусовой. /Рулевой, 1914, №2, с. 50.

⁴⁴⁰ В. Чекан. путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899, с. 30. Кстати, многие авторы верили таким преданиям - см., например: П. Мельников-Печерский, указ. соч., «Отечественные записки», 1840, т. IX, отд. VII, с. 41; П. Семенов-Тяньшанский. Россия, т. V, СПб, 1914, с. 420.

⁴⁴¹ Н. Чупин. указ.соч., с. 486.

их... в пещере... По возвращении он легко мог забрать эти богатства с собой»⁴⁴². О сокровищах Ермака «баснословили» и в XIX в.

Конечно, эти «басни» отчетливо отражают общественную психологию уральских плавщиков, углежогов, рабочих людей. Ненавидя промышленников, богатых купцов, чиновников, они сами хотели обогатиться и создавали предания о сокровищах, добытых Ермаком во время разбоев и спрятанных на Урале. Недоступность многих пещер создавала вполне правдоподобные обстоятельства хранения кладов и «подталкивала» охотников быстрого обогащения к овладению сокровищами Ермака. Уже у Н. Витсена есть упоминание о посещении Чусовской пещеры с такой целью.

Г.Ф.Миллеру рассказывали о камне Ермак люди, которые однажды «спустились с вершины скалы на веревках до отверстия», но не обнаружили каких-либо следов когда-то спрятанных сокровищ». Н.С.Попов упоминает про «отчаянных», которые «лазили в сей страшный вертеп по веревке искать ермаковых сокровищ»⁴⁴³. П. Мельников-Печерский замечает, что «были смельчаки, которые пытались взять казну Ермакову, но им не удалось найти ее»⁴⁴⁴. В пещеру лазили постоянно на протяжении трех столетий.

Видимо, предание выглядело настолько правдоподобным, что заставляло сомневаться даже исследователей. Г.Ф.Миллер не отрицал возможности нахождения Ермаковых «сокровищ» и предполагал, что «они могли быть частью добычи, награбленной еще на Волге, частью же этого могла быть рухлядь, взятая казаками у вогулов...»⁴⁴⁵. Студент Лебедев, спутник академика Георги в 1771 году, специально приезжал на Чусовую в 1775 г., в пещеру и обнаружил, что в ней «ровно ничего нет привлекательного»⁴⁴⁶.

Поиски местными жителями ермаковых богатств свидетельствуют о том, что находились люди, собственнические стремления которых были очень сильны. Они и толкали их на риск. В преданиях говорилось, что клад оставленный Ермаком, не дается, его стерегут духи и т.п.⁴⁴⁷

Таким образом, рассказы о ермаковых кладах отразили, как и вообще фольклорные предания о кладах, двойственный характер народной психологии: с одной стороны, - стремление вырваться из тисков бедности путем овладения спрятанными богатствами, с другой, - отрицание не-

⁴⁴² Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 218.

⁴⁴³ Н.С. Попов, указ. соч. с. 44.

⁴⁴⁴ П. Мельников-Печерский, указ. соч., с. 41.

⁴⁴⁵ Г.Ф.Миллер. История Сибири, с. 218.

⁴⁴⁶ Н. Чупин, указ. соч., с. 485.

⁴⁴⁷ П.Мельников-Печерский, указ. соч., с. 41.

трудового обогащения: достаток должен быть заработан собственным трудом, поэтому клад заговорен и не любому достанется.

Сам Ермак в подобных преданиях не осуждается - он ведь "разбогачел" за счет грабежа купеческих и царских "судов" - такой путь с народной точки зрения возможен.

Пещеры (особенно расположенные высоко в скалах) часто были у аборигенов жертвенным местом. Они считали недоступные пещеры именно таким местом, где живут духи, скала объявлялась священной, а духам в жертву приносились стрелы⁴⁴⁸. Н.А. Прокошев, проводивший археологическое расследование пещер на Чусовой, пришел к выводу, что «одна из пещер камня Дыроватого является древнейшим из известных на Урале жертвенным местом, просуществовавшим... от эпохи употребления кремневых и вкладышевых орудий до железных наконечников XIII-XIV вв.»⁴⁴⁹

Ученый собрал десятки костяных, бронзовых, железных наконечников ("дротиков или гарпунов"), многие из них были с загнутым острием, это вызвало у него догадку, что "наконечники попадали в третью пещеру камня Дыроватого путем выстрела снизу вверх в устье пещеры"⁴⁵⁰. Русские же, обнаруживая в XVII-XIX вв. пещеры со множеством наконечников, говорили, будто бы эти стрелы "были отобраны Ермаком у войска Кучума"⁴⁵¹, или нечто подобное.

То же незнание обычаев, образа жизни древних жителей Урала породило русские предания о надписях, сделанных будто бы Ермаком во время движения через Урал. Камни-писанцы (по-местному, писанки) известны во многих районах Урала. Идеографические рисунки существуют на отвесных скалах по рекам Тагилу, Нице, Пышме, Вишеру, Серне, Туре⁴⁵². Вообще писанцы есть во многих районах России и везде про них рассказывают предания. К сожалению, последние не собраны и не изучены.

На Урале писанцы рассказывали по-разному.

⁴⁴⁸ «Обычай принесения стрел в жертву духам священных скал широко распространенный в охотничьем культе племен нашего Севера» - О.Н. Бадер. Жертвенное место под Писанным камнем на р. Вишере // Советская археология, 1954, XXI, с. 257.

⁴⁴⁹ Н.А. Прокошев. Район р. Чусовой. Археологические работы академии на новостройках в 1932-33 гг. // Известия ГАИМК, 1935, вып. 109, с. 185.

⁴⁵⁰ Н.А. Прокошев. Указ. соч., с. 185.

⁴⁵¹ Там же, с. 185.

⁴⁵² Некоторые из них описаны еще в XVIII в. Мессершмидом, Страленбергом, Г.Ф. Миллером; в XIX в. - Н. Поповым, Х. Мозелем и др. Наиболее полные и точные сведения об уральских писанцах можно найти в работах: Н. Рябов. Несколько слов о древностях Верхотурского уезда. // ПГВ, 1855, № 25; А.А. Формозов. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы. // Советская этнография, 1950, №3; В.Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного камня на реке Вишере, // Советская археология, 1954, XXI; Н. Хрущев. На Сергее. // Уральский следопыт, 1959, № 5, с. 74-75; В. Бириюков. Скала под Ирбитом. // Уральский следопыт, 1959, № 7, с. 77-78; Е. Боташев. На реке Тагил. // Уральский следопыт, 1959, № 10, с. 48; А. Бармин. Камень на Вишере. // Уральский следопыт, 1959, № 12, с. 52-53.

1.

Когда я еще мальчишкой был, отец рассказывал, будто бы Ермак бывал в наших местах. Тут ведь у нас пещера есть на камне. Когда пруд демидовский был, так в ту пещеру можно было забраться только с лодки, она была прямо по-над водой. Жили в той пещере разбойники, целая артелка у них была. С ними-то и был Ермак. Ему тогда только двенадцать лет было и варил он им кашу. Разбойники грабили, а Ермак кашеварил да видно набирался ума-разума, глядя на них. Места тут были сплошь дикие, народу мало, однако ходили купцы с товаром, золотonosчики. Вот разбойники и жили здесь, а пещера имела два конца: вход и выход, так что разбойники могли уйти – скрыться. А в гражданскую войну в той пещере скрывались от белых жены и дети красных партизан. Потом пещера обвалилась. Сейчас вход есть, а выхода нет. Куда Ермак потом делся, не скажу. Видно, когда он вырос, собрал новую артелку молодцов да дался по Чусовой в Сибирь.

Записано в 1959 г. в с. Малые Галашки от Сильных Петра Платоновича, 70 лет.

2.

Ермак Тимофеевич родом из чусовских казаков. Жил раньше где-то возле Тамбова. Давно дело было, разве что упомнишь. Сказывают, набрал армию и воевал. Зимовал у камня на Чусовой, камень и зовут с тех пор Ермаковским именем. Барки плыли царские раньше, он эти барки и грабил.

Записано в 1959 г. в поселке Стерляжьем от Малкова Степана Сергеевича, 70 лет.

3.

Ермак – казак. Это атаман с Волги. Он здесь проходил в Сибирь, когда воевал. Иван Грозный ему кольчугу дал. Он был разбойником на Волге.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Петелина Логина Игнатьевича, 67 лет.

4.

Ермак – разбойник был, с Камы шел сюда. Верст сто не дошел до Мартьяновки. До Серебряной дошел – и кверху поднял свои челноки. Бедного человека он не трогал, богатых грабил. Начнет кто народ прижимать, так он его и прижмет. Защищал народ. Артель у его, войско было. Из кого оно, не могу сказать. Он не тихонько дело вел: о нем правительство знало. Потом на Иртыш войско пошло. Там уж у него войско было настоящее, Намучились они, вся охрана-то и уснула. А татары-то

и напали. А на нем кольчуга была, пуля не брала его. Он бросился в Иртыш. Кольчуга его и утопила.

Хитрый был. Чучело поставит, татары и базлают в него, а люди-то спокойно стояли. На кол одел его – чучело – оно и повертывается, а не падает.

Клады, говорят, были, но ничего не могли найти.

Записано в 1959 г. в д. Мартьянова от Ошуркова Ивана Ивановича, 75 лет.

5.

Много Ермак перенес. Ермак, он был на славе, он о себе память хорошую заслужил. Больше хвалят за то, что Сибирь просветил. Тут татары были, а они нападали на мирных жителей. Он и усмирил их.

Ермак сперва был разбойник по Волге, потом решил свою совесть очистить, пошел просвещать Сибирь, на татар шел. Отправлен был туда государством, ему помощество дали. Ермак на Волге был, на Каме, на Чусовой, поднялся по р. Серебрянке, из Серебрянки в Туру, из Туры — в Тобол. На Волге он богатых грабил, бедных людей, рабочих он не шевелил, он шел за рабочий класс. Дружина у него была из рабочих собрана. Помещики-то да заводчики жали, вот и бежали к Ермаку. Они с богатыми мужиками и расправлялись.

Записано в 1959 г. в с. Чусовое от Попова Василия Степановича, 76 лет.

6.

Как рассказывают, Ермака считали раньше за разбойника. А сейчас мы говорим, что он шел за народ. Не трогал таких, а вот купцов обирал. Ну, скажем, барку. Ведь надо было чем-то жить ему. У него несколько сот рабочих, команда его была. А казенные барки не трогал.

Записано в 1959 г. в с. Усть-Утка от Серебрякова Павла Афанасьевича, 71 год.

7.

Ермак против помещиков, капиталистов, богачей был. Он был завоеватель Сибири. Жил в камню. Он от царизму скрылся. А потом царю угодил. Ермак был человек, полководец. Командиром был крестьян.

Записано в 1959 г. в д. Мартьянова от Турланова Сергея Дмитриевича, 77 лет.

8.

Ермак-то зачем здесь шел? Здесь тоже была неверщина, Ермак-то ее выгнал, просвещал реку, а в Сибири-то ее больше было. Вогул-то

Ермак выжил, они поднялись, ушли за Урал к Тоболу, к Иртышу. А Ермак свое право, свою власть устанавливал. Заводы-то не от него, а от помещиков. Русский-то народ его любил, он к народу навстречу и народ к нему. Он только против кучумов был, какие-то кучумы там были. Давно, шибко давно Ермак шел, годов ста три, а то и еще больше, Смелый был? Да уж наверное пустая-то голова не пойдет далеко, брал войско, на Иртыш вышел.

Записано в 1959 г. в с. Чусовое от Ручкова Алексея Дементьевича, 68 лет.

9.

Между Ослянкой и Серебрянкой зима захватила Ермака, и он построил барак, где зазимовал. Было жилище возле камня, который зовется Ермаковым. Бил татар, шевелил купечество, за ленинскую власть стоял. Утонул он в Иртыше, 12 пудов кольчуги надето было. Путешествовал он много, всю Сибирь прошел.

Записано в 1959 г. в д. Копчик от Лазарькова Василия Андреевича 75 лет.

10.

Ермак поднимался по реке Серебряной. Свои челна по ей подымал, потом перетаскивал их дале. Он переходил в Сибирь, в ту сторону — на Нижний Тагил. Его ведь там снабдили Строгановы. Они его снабдили оружием на первых порах. Команда-то у него была небольшая — всего человек сорок. Ну, крепко вооружен. Он далеко зашел в Сибирь-то — до Иртыша.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Авдеева Василия Александровича, 71 год.

11.

Воевал в этих местах Ермак, воевал с татарами, татары его ненавидели, но он все-таки сделал одно государство. Шел он Кунгурским трактом от Перми на Сибирь. Завоевал он Урал, ушел к Серебрянке. В дыре-камне он остановился с войском, останавливал барки и грабил. Сзади камня был заход. Когда Ермак поехал, он заход завалил камнями. Потом в этой дыре стрелы находили. И сейчас, когда проезжают мимо этого камня, кричат: “Ермак, дай денег на табак!”

Записано в 1959 г. в д. Копчик от Лобанова Алексея Гавриловича, 51 года.

12.

Камней тут много по Чусовой. Где камень-Ермак, там была у него пещера. Он сверху спускался туда. Стрелы там находили, чайник. Ермак доходил до Кунгурского завода. По Сылве шел, дошел до Суксуна, вернулся по Сылве обратно и пошел вверх по Чусовой. Он и сделал разведку, по каким рекам пройти. Он сперва прошел по Сылве — не получилось, он пошел вверх по Чусовой. Ни от кого не слыхать, чтобы он занимался грабежом, население терроризировал.

Записано в 1959 г. в д. Мартьянова от Ошуркова Степана Каллистратовича, 78 лет.

13.

Ермака не пускали эти вогулы. Тогда он волокушей лодки-то и повез. Ему не было возможности речным путем пробраться. Наделали они из берез волокуш, вот и проложили дорогу на Кузью. А с Кузьи — оглоблей вогул перекрестил и пошел на Коноваловку. У камня Шайтан татары первый раз услышали выстрел из огнестрельного орудия. Они закричали: "Шайтан, шайтан!" Черт это по-ихнему. Испугались, значит. А отсюда и название камню пошло. Про Ермак-камень слыхали. Пещера там есть. Он в нее сверху по веревке спускался, а веревку в пещере оставил.

Записано в 1959 г. в д. Усть-Ковва от Мошкина Михаила Семеновича, 61 года.

14.

Ермак жил в пещере на Ермаковом камне да не один жил, а с войском своим. Грабил он помещиков да их барки, а людей-то не шевелил. Пока разбойничал, в пещере скрывался, а потом разбойство бросил и подался татарье бить на Иртыш. Шел он по Чусовой, Серебрянке, а потом до Иртыша сухопутьем. Сам-от Ермак-то русский человек был, и дружина у него русская, а в дружине было всего двенадцать человек. Зато все богатыри, только котомка у каждого четыре пуда тянула, да посчитай кольчуга, шлем... Ну, вот с этой дружиной в двенадцать человек он и подался на Иртыш. У Ермака да у воинов его ружья кремневые были, а у татар только лук да стрелы, ну, и победили их русские. Только Ермак-то сам погиб, уж потом только татар-то прибили.

Записано в 1959 г. в д. Пермяково от Пермякова Ильи Григорьевича, 65 лет.

15.

Говорят, Ермак с татарами воевал. У него особая армия. Сам-то он не татарской веры-то. Он по Чусовой подымался, потом в Тагил ушел.

Там перешеек был из Тагила к реке Туре. В Тагиле он и строил барки-те. Настроил барок-то. А плыли они до этого на лодках. А там все уж его узнали, что воеватель идет, забирает всех. Татары стрел настроили, а стрелы они оковывали железом. Когда он пошел по Туре на барках, взял ржаные снопы, на барки наставил, одел их в солдатскую одежду и стал отпускать по реке. А с ним сто человек было — его товарные, когда снопы-то поплыли, татары и давай стрелять по ним. Когда все лука-то выстрелили, им и стрелять нечем было. Вот Ермак всех тут и забрал. Пошел он из Туры дальше. На нем кольчуг был броневой в двенадцать пудов. Пешки на нем железные, они, болтались. Ихние-то стрелы его и не брали. Он четверы сутки по Иртышу-то и плыл, не спал, все шли забирали.

Записано в 1959 г. в д. Мартьянова от Ошуркова Степана Каллистратовича, 78 лет.

16.

Ермак не опасный камень, об него не убивались; будто бы говорят, когда разбойник Ермак тут был, так зимовал со своим войском. Пещера у него тут была. По всей Чусовой разбойничал. До нас не дошел: по Серебрянке пошел, по Тагилу, на Тагиле есть камень — зимовье Ермака, а потом на Туру, а в Иртыше его убили. Иван Грозный был царь, а Ермак подобрал себе двух товарищей и начал разбойничать: один Иван Кольцо, другого я не помню. Один пароход остановили на Каме или на Волге, всех сбросал с пароходу, а два парня ему понравились, он спросил, если будете со мной, то оставляю в живых; они пошли с ним. Дошел Ермак до Иртыша. На диком берегу Иртыша писал письмо Ивану Грозному: если простишь все мои поступки, то я тебе много земли дам. Иван Грозный простил. Ермак и пошел разбойничать татар. Татар он разбойничал. На Иртыше остановились. Поют: сидел Ермак, объятый с думой. Все уснули, а татары на спали. Если бы на нем не было кольчуги, он бы уплыл. Кольчуга тяжелая — ни пулей, ни копьем ее не достать. Караваны не обижал, не слышно, население не грабил. Большие суда останавливал, чтобы было чё взять. Русские его тоже не тронули, в против татар шел. Правительство не могло его брать.

Записано в 1959 г. в с. Усть-Утка от Бельникова Филиппа Константиновича, 86 лет.

17.

Ермак был обыкновенный человек, только сильный, огромный.

Записано в 1959 г. в д. Копчик от Кучумовой Прасковьи Ивановны, 70 лет.

18.

Ермак Тимофеевич шел за правду. Сибирцев покорил, с тарами воевал. Мамай был, хан татарский, вот он на него и шел. Камень Ермак есть. Он до него дошел. Ермак в Иртыше утонул. Он бы еще не утонул, да на нем была кольчуга, тяжелый панцирь, он его и потопил. Царь ему его подарил. У его около двухсот атаманов было, казаков. Он тоже казак был, а откуда – не знаю.

Стенька Разин на купеческие суда нападение делал. В лодках они плавали. По Чусовой-то его не слышать. По Чусовой-то Ермак проходил. Ему царь разрешил идти. Про лодку с серебром, говорите, вам рассказывали, будто Ермак ее оставил? Волынка это одна. Вранье.

Записано в 1959 г. в с. Илим от Гилева Михаила Андреевича, 66 лет.

19.

С Ермаком вместе ходатайствовали Стенька Разин, Ванька Каин, Гришка Отрепьев. Шайкой ходили. То ли они шли – Гришка, Стенька и Ванька – на министерство, а Ермак – за министерство. Вот я в церкви слыхала – Ермаку вечную память поют, а этим – проклятье. Ермак-то ведь утонул, его татары загнали, он с барки на барку прыгнул и утонул.

Записано в 1959 г. в д. Усть-Койва от Черепановой Марфы Андреевны, 78 лет.

20.

Здесь на Чусовой еще Иван Кольцо был. Воевал, караваны грабил, стариков грабил, деньги отбирал. Был он отдельно от Ермака, Иван-то.

Караван идет, он его останавливает, ультиматум ставит: “плати дань!” Заплатит – плыви дальше, не заплатит – ограбит. Караванному предъявлял требование-то. Это шайка грабителей-разбойников была. Иван Кольцо оттуда, из России, бежал из тюрьмы.

Записано в 1959 года в д. Мартыаново от Ошуркова Николая Каллистратовича, 76 лет.

21.

Погиб Ермак в Иртыше. Потонул там. Он всегда выставлял караул, а тут не выставил. Врасплох на него напали. Из шайки только один спасся. Ермак в Иртыш бросился, а на нем был кольчуг 9 пудов — нагрудка от копей. Он в нем и бросился, но не мог справиться.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Попова Василия Степановича, 76 лет.

22.

В Иртыше погиб. Там Кучум был. Они их сонных застали, перебили их. А Ермак бросился в Иртыш. Он в Иртыше погиб. На нем кольчуга была, дарственная Иваном Грозным. Кольчуга его и одолела. Она была тяжелая. Не пробивало ее оружие. Такую тяжесть носили. Кольчуга его и одолела. Когда Сибирь-то забрал, послал к Ивану: "Земля такая-то взята мной". Иван Грозный ему и даровал эту кольчугу. От нее и погиб.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Авдеева Василия Александровича, 71 года.

23.

Пошел из Туры в Иртыш. На нем кольчуг был двенадцати пудовый, он броневой, на нем как пешки болтались, ихние стрелы из луков не брали его, видать, Ермак здоровенный был, такую тяжесть носил. Четверы сутки шел, все не спал. Выплыли к устью Иртыша в Обь, придумали отдохнуть, лодки вытащили на берег, расположились отдохнуть ("пристали уж" — поясняет старуха, жена С. К.), поставили часового, часовой тоже уснул, а на них киргизы напали. Они соскочили, побежали к лодкам, а лодок нет, их киргизы отпустили. Киргизы всех перебили. А Ермак хотел переплыть через Иртыш, да не мог ("Лопотина-то тяжелая" - поясняет старуха, жена С. К.), поплыл и потонул.

(Другой слушатель — брат С. К. — Николай добавляет:

"Тяжелый панцирь, дар царя,
Стал гибели его виною").

Записано в 1959 г. в д. Мартьяново от Ошуркова Степана Каллистратовича, 78 лет.

24.

Ермак Сибирь завоевал, а Иван Грозный дарит ему в подарок кольчугу — стрела не возьмет. Она много весила. Он сам-то широкий был — казак. Кольчуга была тяжелая, она его и потопила. На них ночью напали. Татары — прошли тайной тропой. Те-то подрались и спать легли. А охраны-то нет. Они, татары, на них и напали. Им и пришлось спастись бегством. У тех огнестрельное оружие было, а у этих-то не было, у Ермака. Царский подарок его и утопил.

Записано в 1959 г. в с. Чусовое от Петелина Логина Игнатьевича, 87 лет.

25.

Ермак жил в пещере и стрелял из пушки по баркам, чтоб добыть добро. Он был за русских и воевал с татарами. Татары его ненавидели и решили его убить. Ночью они подкрались к его бойцам и всех расстре-

ляли. Ермак поплыл через реку и утонул, потому что на плечах у него надела чугунина.

Записано в 1959 г. в д. Копчик от Козлова Вовы, 10 лет.

26.

Погиб Ермак темной ночью. На них татары напали врасплох. Дружина успела в лодки заскочить, а на самого Ермака-то шибко много татар насело, пока он их разгонял, замешкался, не успел в лодку прыгнуть. Но поплыл он через Иртыш, думал, что на другом берегу их нет. Подплыл он к другому-то берегу, а их там видимо-невидимо. И все стрелять в него начали, не хотят пускать на берег. Пришлось Ермаку завертаться. Подплывает он к одному берегу, посмотрит, что нет ему возможности выйти на берег, завертает, да к другому. Плавал он, плавал, устал, да и то все бы ничего, если бы на нем кольчуга не была. Тяжелющая кольчуга, ровно четыре пуда тянула. В ней и ходить-то не каждый мог, не то чтобы плавать, да еще в холодной воде, когда руки-ноги сводит от холода. Ну, а Ермак-от богатырь был, ходил в ней легко, а вот плавать устал. Плавал он, плавал от одного берега к другому несчетное число раз, а потом все-таки выдохся и четырехпудовая кольчуга утащила его на дно Иртыша.

Записали в 1959 года в д. Пермяково от Пермякова Ильи Григорьевича, 65 лет.

27.

Ермак погиб от сожительницы своей. С ней он связался в Сибири, а сначала-то он жил в пещере на Чусовой. Молодым я бывал в тех местах, проплывал на барках мимо той пещеры. Она высоконько по-над водой-то. Крикнешь: "Ермак, дай денег на табак!", а из пещеры ответ: "Так-так". Жил он в той пещере со своей артелкой, а потом в Сибирь подался татарье громить. Сильный он был, татары его боялись. И ружья-то у них были кремневые, а у татарина, известно, лук да стрелы. Кремневое ружье шибко неудобно, посыплешь на полочку пороху, чиркнешь, оно сначала попыхтит-попищит, а уже потом только стрельнет. В дождь да в ненастье ружье-то не стреляло, потому как порох становился сырой. Вот и узнала про это Ермакова сожительница, сама она была не русская, а татарка; она-то, стерва, и сказала татарам, чтобы они напали на Ермака в сырую, дождливую ночь, когда ружья их кремневые не стреляли. Так-то оно и вышло. Напали татары на ермаковых разбойников, порубали их кривыми саблями, а самого-то Ермака Тимофеевича в Иртыш-реку спихнули. Там он и потонул, потому как на нем кольчуга

была. А кольчугу эту подарил ему царь Иван Грозный, которому Ермак Тимофеевич верно и честно служил. Кольчуга-то была тяжеленная, не один пуд весила, она и потащила его на дно.

Записано в 1959 г. в пос. Висимо-Уткинск от Разина Григория Логиновича, 81 года.

28.

Ермак доходил до Усть-Утки, через Урал ему надо было перебраться. По Утке пройти нельзя было, пошли на стругах по Серебряной. Немножко неправильно у него получилось, скочил в лодку, да промахнулся. Мимо скочил. Кольчуга его и утопила. Насчет того, что кольчуга двенадцатипудовая, разговоры, может быть, такие.

Записано в 1959 г. в с. Сулем от Гилева Михаила Андреевича, 66 лет.

29.

Здесь и Ермак плавал. От камня Дыроватого по Чусовой до камня Ермака, а потом по речке Серебряной. Жил он у графа Шувалова в Серебрянке целую зиму. А погиб он в Иртыше, а может еще дальше. Там татары господствовали, а он хотел их в свои руки взять. Битва была на Иртыше. У Ермака-то кольчуга была. Ее стрелы не брали. Ну, а потом он вздумал плыть по Иртышу. Ну, и потонул.

Записано в 1959 г. в д. Пермяково от Пермякова Ивана Аввакумовича, 76 лет.

30.

Какой был сперва Ермак – не знаю. А потом его татары придумали утопить. Его ведь в кино показали. Такой вот высоты камыш. Он бежит, только камыш раздувался. А татары за ним гнались. Им хотелось его убить или утопить. Они бить-то начинали. А на нем кольчуга, железное одеяние, и его не брала ни пуля, ничего. Окованный был. Что пуля его не берет? Что такое? Ловить его и придумали, бросились артелью на него. Не знал он, куда деться. Надо было отбиваться, а у него оружия, видно, не было, припасов не было, он в Иртыш и скочил. Он не подумал на то, что его утянет на дно. Иртыш-от быстрый, с белью бьет вода. Тягость его и потопила. Он был окованный и потонул.

Записано в 1959 г. в д. Мартьяново от Турланова Сергея Дмитриевича, 77 лет.

31.

Ермак в Иртыше утонул, на нем была кольчуга тяжелая, металлическая, тут он и утонул. Пугнули его на Иртыш, он тоже хотел что-то завое-

вывать. Тут просто никакой программы у Ермака не было. А у Пугачева была — вот завоюю все, будете у меня свободны. Пугачев известнее был, вот как он заводы забирал.

Его какая-то женщина подвела, уследила его, увела ночевать, а его и пленили.

Тожe кольчуг на нем был металлический.

Записано в 1959 г. в с. Сулем от Гилева Владимира Платоновича, 76 лет.

32.

Ермак — не опасный камень, спокойно мимо его плывешь. Человек там жил, Ермак. Старинной человек. Он шел по Чусовой снизу вверх. Везде раньше народ-то нерусской был. Который маленько поймет его, он с собой забирал. Он не грабил, не разбойничал. Утопили его татары в Иртыше. Он кольчугу носил двенадцать пудов. Ни пуля, ничего его не брало. На Иртыше его и караулили, так как пуля-то его не брала. Вско-чили к нему в лодку, камень привязали и утопили его.

В камню-то он долго жил. Там у него комната была. Окошко на Чусо-вую среди камня. Ход с горы в эту комнату был. Он тут много годов жил. Нам это старики рассказывали.

Записано в 1959 г. в д. Мартьяново от Турланова Сергея Дмитрие-вича, 77 лет.

33.

Когда Ермак шел, реку Чусовую просвещал, Россию-то освобождал, тут путь-то и шел, на камень он нашел, в камне оказалась пещера. Со своим войском он туда и лазил, сверху спустились по веревке, по дру-гой веревке вниз к реке спустились. Эта веревка много десятков лет висела, поэтому все “Ермак” и кричали. Поэтому и “Ермак” назывался, что Ермак его посетил.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Ручкова Алексея Дементьевича, 85 лет.

34.

На Чусовой камень — Ермак есть, высокой камень, сверху в нем вход есть, как окно, на Чусовую. Там палка привязана, висит веревка. Кто привязывал, не знаю. Скричишь, так там здорово отдается. В пещере, говорят, он зимовал со своей командой, когда тут разбоем занимался. Потом пожелал очистить свой грех. Это шибко давно было, при Иване Грозном.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Попова Василия Степановича, 76 лет.

35.

Каким камням есть название — так это и наши деды и бабки так звали. Ермак-камень — говорят, Ермак тут когда-то существовал. Слышали, что он Сибирь покорял, а жил, говорят, не на этом камне, а на той стороне. Может, ночи две ночевал, а может, только проходил по камню. Ермак, как река Чусовая славится. Что-то у него из оружия было там сложено, но делали опыты, искали и не нашли.

Записано в 1959 года в д. Копчик от Кучумовой Прасковьи Ивановны, 70 лет.

36.

Прятал там он свое оружие, старики так говорили. Да и действительно, в 1927 году находили в ней наконечники стрел, шашку, по форме похожую на ятаган, сам в руках держал эту шашку. Он на веревках лишнее оружие поднял и спрятал.

Записано в 1959 г. в Усть-Койве от Волковского Владимира Ефимовича, 55 лет.

37.

Когда плыли мимо камня, кричали “Ермак”, он отгаркивается там — “Ермак”. “Ермака”-то не подозревали, он простой мужик, стоял в воде, да и все, только высокий-высокий, гладкий, прямая стена подвесная, немножко верх-то выдался на реку.

Веревку видел, веревка вот в это место будет (показывает запястье руки), большая веревка, долгая, поперек пещеры палка.

Войско было у Ермака шестьдесят человек. Дыра тут у камня-то Ермака есть, так, сказывают, тут он и был, у дыры-то верёвочка висела, по ней он и лазил. По скалам, по горам он баско лазил. Уж лет сто назад это было, как он там был. В Дыроватом еще он был, там кости нашли большие.

Записано в 1959 г. в с. Чусовом от Ручкова Алексея Дементьевича, 85 лет.

38.

Войной проходил Ермак-то Тимофеевич. У Дыроватого камня по Чусовой километров пятнадцать ниже — вот тут, значит, лестница была, залезать чтобы. Там костей сильно много нашли сохатых, оленей. Ер-

мак там с войском ел. А ниже Копчика в камень с веревкой спускались в пещеру. Вообще он с татарами боролся, стрелами они стреляли. Ушли в Сибирь туды.

Слыхивали и про Стеньку Разина, но слова-то сказать не знаем, а врать-то не любим.

Записано в 1959 г. в д. Пермяково от Чудинова Михаила Федоровича, 78 лет.

39.

Плывешь... "Ермак!". Он тоже кричит: "Ермак!" "Дай денег на табак". Он тоже: "Дай денег на табак". В этом камне больше всего откликается. Разругался я с хозяином-торговцем. Он говорит, а я ему не поддаюсь. Он меня, я — его. Он говорит: "Ты, как Ермак, откликается все в тебе". Я не попускался никому.

Записано в 1959 г. в с. Усть-Утка от Долматова Еремея Кондратьевича, 80 лет.

40.

Когда плывем мимо камня — большая дыра. Кричим: "Ермак, дай денег на табак". Он тоже кричит, отдается в камне.

Ермак за нас был, за нашу жизнь. В нынешних книжках я читала, так он ничего не грабил, он за нашу жизнь шел.

Записано в 1959 г. в с. Усть-Утка от Селивановой Ангелины Ивановны, 76 лет.

41.

Камень спокойный. Только дыра в нем, говорят. Ермак в нем жил. Как будто, сказывали, барки останавливал. Подарок дадут — отпустит, не дадут — грабит. Долгонько жил, потом делся куда-то. Высокий камень-то, а сверху дыра. Как погиб, я не слыхал от стариков: разговору об этом не было. Про него песню поют.

Записано в 1959 года в с. Сулем от Гилева Егора Тимофеевича 78 лет.

42.

Рассказ жителей д. Мартьяново.

Начинает рассказывать Николай Каллистратович Ошурков, к его рассказу добавляют Моисей Петрович Мезенин и Степан Каллистратович Ошурков.

Вот вы насчет денег интересуетесь. Вот от Мартьяновой километра три, за переволокой, у Крутого Логу в болоте была затянута лодка-за-

возня, в ней были насыпаны деньги, она сереньким мохом заросла. Из этой лодки деньги брали в Утку Демидова переплавлять, так малый процент меди был, отходов много.

Это, очевидно, связано с легендой Ермака или Ивана Кольцо.

Откуда иначе? Они хотели, когда в Сибирь шли, эту лодку сплавить книзу, да не пришлось.

Степан Каллистратович Ошурков: В детстве ее видел, лет около пятидесяти назад. Тогда шибко знатко ее видно было.

Моисей Петрович Мезенин: Деньги в мешках были в лодке этой, заросли. Никто их не шевелил, боялись пошевелить-то что ли.

На вопрос: может быть и сейчас клады кто ищет, рассказывает Моисей Петрович Мезенин.

В Мочище, с километр отсюда, мужички Федор Павлыч Ошурков да Василий Денисыч Ошурков пахали да сохой задели корчагу, выворотили, деньги рассыпались, собрали их и сдали. Деньги из красной меди, не литые, а клепаные. Старинные барнаулы. Пятак, а весу в нем сколько! На них были либо конь, либо собака изображены: две собачьи головы навстречу друг другу или два коня навстречу друг другу. Сдали их государству. Были они награблены, а чьи они — не знаю. Может быть, и ермаковские были, а может, и не его. А пожалуй не его. Раньше были ведь этак-то деньги.

Записано в 1959 г.

43.

Сказывали, что Ермак по Быстрому Логу поднимался, там признак был, лодка там где-то закопана с золотом, сам ушел. Точно не знаю. Там внизу есть камень на Чусовой, Ермак, находили архивы какие-то. Говорили, что там конец каната болтался, со скалы вход был в эту пещеру, а когда туристы поплыли, то нашли архивы ермаковские. Они со скалы спустились.

Записано в 1959 г. в с. Илим от Вандышева Кронида Михайловича, 56 лет.

44.

Робили здесь, все леса рубили да плавил. А раньше здесь все Ермак ходил, руду ему плавил. Говорили, что он народ убивал, барки грабил. Пещера раньше была в камню, он в нее откуда-то сбоку заходил, там была плита большущая чугунная. В стары-то годы полубарок был увезен и в горе закопан. Пещера высоко, как поднять? Когда была боль-

шая вода, потоп был, вот он и поднялся туда. Тут недавно плыли какие-то, заходили у пещеру, так белая барыня им показалась:

- Что - говорит, - вам здесь надо?

- Золото ищем.

- Не ищите, ничего здесь не найдете, все на той стороне. Богатство было увезено за реку куды-то. Быстринска гора есть, туда и завозил полубарок, напротив камня Ермака.

Ермак-от он сильный был. Он в Иртыше утонул: с барки на барку ско-чил, да в кожухе был - и утонул. При мне уж ничего этого не было.

Записано в 1959 г. в д. Копчик от Авдотьи Осиповны Лазарьковой, 71 года.

45.

Где камень-то Ермак, веревка висела наискосых из самой дыры. Но она была такая уж дряхлая. А ведь там есть еще вход сверху. Послали нас на баню землю поднимать, вот окапывали землю и что выкопали: три прутка, один около метра, а два покороче, серебряные, потом чашка, не чашка, а как будто бы ваза, с крышкой, тоже серебряная. Поле-совщик у нас все забрал, Пенкин был лесообъездчиком. Рассказывали старики, что Ермак, когда отступал, то эти вещи - золото, серебро по-прятали. Такие штуки находили в Чизме, Рассольной и проч. Как отсту-пал, бросать их стали, девать-то некуда. Отступал он от татар.

Записано в 1959 г. в д. Усть-Койва от Мошкина Михаила Семенови-ча, 65 лет.

46.

У Ермака мать умерла, отец женился на молодой. Она мальчишку не любила, вот он и ушел от отца. Лет двенадцать ему было. Он пошел в лес и натакался там на шайку разбойников. Он пристал к ней. Разбойни-ки видели, что парнюга – беглячок и взяли его к себе. Парнишка был могутный, рослый; звали его тогда не Ермаком, а иначе ... я забыл, мо-жет, Тишка... Разбойники варили кашу в котле, который назывался "ер-маком". Согласно котлу, и мальчика Ермаком прозвали, он ведь у них кашеваром был. Разбойники уходили, а его оставляли, он и варил им кашу. Когда он вырос и атамана убили, разбойники Ермака выбрали ата-маном.

Грابتь они ходили купцов на Волгу. Добычу делили между собой и бедным людям давали. Потом царь Иван Грозный на Ермака огневался; Ермаку нечего делать, подался он в Сибирь...

Записано в 1960 г. в д. Малые Галашки Пригородного р-на Сверд-ловской области от Быстрова В. И., 52 года.

47.

Возле нашей деревни, на горе, жило двенадцать разбойников. Это было еще до основания малогалашинского населения. Вот среди этих разбойников и был Ермак, ему тогда было двенадцать годочков. Разбойники ходили на дело, а он дома оставался, кашу варил на мысу, а жили они в пещере, сейчас эта пещера завалена. Интересно было бы очистить ее и посмотреть, может, там что и осталось от Ермака? Это я слышал от деда...

Записано от Быстрова В. И.

48.

У нас про Ермака говорили, что он разбойничал, шел в Сибирь. Когда проезжал по горе Высокой, у его лошади подковы отпали. Он об этом рассказал Петру Первому. Петр послал людей, и здесь обнаружили богатые залежи железной руды.

Записано в 1963 г. в пос. Заводо-Успенска Тугулымского р-на Свердловской области от Куковьякиной Е. В., 52 года.

49.

Когда я была маленькая, с отцом ездила за сто двадцать верст (Сейчас это уже Тюменская область считается). Когда мы подъехали к одной горе, отец мне говорит: "Смотри, курган Кучума". Место ровное, земля распахана, а курган не был распахан. Отец мне говорил, что когда Ермак воевал в этих местах с Кучумом, то татары ставили четыре столба, делали настил, накидывали много-много земли на настил, за столбы привязывали веревки. Сюда они приносили все свои богатства. Как русские подходят, они веревками стойки сдергивают. Крыша падает и их хоронят живьем со всем хозяйством. Ничего не хотели оставлять Ермаку.

Записано в 1961 г. в пос. Черноисточинск Н-Тагильского пригородного р-на Свердловской области от Гунова М. С., 63 года.

50.

Ермак, он в первые войны воевал. Тысячи лет прошло, как первые войны были. Тогда еще воевали стрелками, натешут стрел да лучок сладят и стреляют. При Ермаке царица Екатерина была. Говорили, что ему не надо было женского полу на престоле. Как это? Царь должен быть, а Екатерина – баба все-таки. Против нее и шел. Она выставила воинов-богатырей, но и Ермак опять не простой человек... Да и артель у него. Схлестнулись. Его на Иртыш потеснили. Он там и остался, Сибирь покорил.

Записано в 1963 г. в пос. Заводо-Успенск Тугулымского р-на Свердловской области от Воробьева М. Е., 59 лет.

51.

Сотни лет уж прошло, как здесь война Ермака с татарами была. Я про это от стариков слышал, они сказывали, что татары первыми заняли здешние места. Когда еще сейчас мужики рассуждают, пошто в татарских деревнях поля лучше, покосы хорошие? Так ведь, конечно, они первые в здешние места зашли, лучшие земли облюбовали, на них и деревни свои ставили. Вокруг их деревень места привольные.

Ермак сюда пришел подвинуть татар. Которые не противничали, те и сейчас живут на старых местах, а которые принимать его власть не хотели, тех он оглоблей крестил.

Он, может, больше бы земель завоевал, да утонул в Иртыше. Он с дружиной отдыхал на берегу, татары напали. Русские проснулись, давай защищаться, ну их притеснили все-таки к самой воде. Видит Ермак, что нужно обмануть татар, пока, мол, отступим на лодках. Он и поплыл, а был в кольчуге, не успел сбросить. Сила у него хоть и была да такую тяжесть не удержал. Кольчуг его на дно утянул.

Записано в 1963 г. в пос. Заводо-Успенск Тугулымского р-на Свердловской области от Коробейникова Х. А., 75 лет.

52.

Я еще мальчишкой был, бегали играть на бугры. Про них старики говорили, что они татарские. Здесь татары жили в давние времена, кругом ихние земли, и названия ихние остались: Катырла, Айба, Тугулым, Тюмень... Разве это русские названия? Нет, все татарские. Недалеко от Заводо-Успенска есть Чаплык, сейчас там колхоз, а раньше аул был, жили оседлые татары, их, говорят, почему-то в армию не брали. Ну а когда в древности русские пришли в эти места, татары их не взлюбили: наши, мол, земли. Стали нападать на русские селения. До Ермака докапилось: опустошают все татары, надо выручать. Дружина у него небольшая, говорили, будто пятьдесят человек. Он с ней и пошел. Долго сюда шел, многие годы. Пришел, началась война... Но однажды лазутчик ихний пробрался в лагерь Ермака, все узнал, своим донес. Татары напали на дружину, когда она спала. В песне поется: пала, не обнажив мечей, дружина. Все так и было, не успели проснуться казаки, татары их порезали. А Ермак с царским подарком попал в беду. Кольчуга на нем тяжелая была, царский подарок. Поплыл в ней и утонул.

Записано в 1963 г. в пос. Заводо-Успенск Тугулымского р-на Свердловской области от Михайлова Г. М., 70 лет.

53.

Ермак — воевода был, воевал с татарами. Вот Стенька Разин услышал, что татары хотят изловить Ермака, и пошел помогать. Помог. Ра-

зин себя в этом деле проявил, и его оставили в живых, а то хотели казнить. И Ермаку без Разина, пожалуй, не устоять бы.

Записано в 1960 г. в г. Катав-Ивановск Челябинской области от Белянкина В. А., 69 лет.

54.

Царское правительство считало Ермака разбойником. А он и вправду разбойничал на Волге, пароходы купеческие грабил, отбирал у купцов деньги и золото. Ну, конечно, царские войска его потеснили, у них ведь всякое оружие. Ермак подался на Урал, в Сибирь, на Иртыш.

Иртышскими землями управлял не то татарин, не то монгол, а звали его Чингис. Ермак его покорил. Но погиб сам. В другой уже местности, где властвовал хан Кучум. Этот Кучум собрал свое войско и напал на Ермака. А у Ермака к тому времени мало народу осталось: войско поредело, воевал ведь, покорял Чингиса. Осталось у него роты две, не больше. Ермак спал со своим войском, а Кучум на бивуак напал. Сонных перебил.

Записано в 1960 г. в дер. Пороги Саткинского р-на Челябинской области от Алпатова А. Я., 70 лет.

55.

Ермак сначала в армии служил, кашеваром был. Вот его Ермаком и прозвали, от котла. Потом он к разбойникам попал, они организовались где-то здесь, на Урале. Вольно жили, народ к ним стекался. Один донской казак пришел, стал Ермаку первым помощником. Ермак подарил ему за верность кольцо, казака Кольцом звать стали. Ермак могутный был. Говорили, кольчугу носил в семь пудов. С Урала он ушел, в Сибирь подался. Завоевывать.

Записано в 1960 г. в дер. Минка Усть-Катавского р-на Челябинской области от Бакланова К. Г., 70 лет.

56.

Сам видать не видал, от людей слышал, вам и передаю. Знаю, Ермак воевал в Сибири. Ушел он туда с войском. Регулярное войско было, только в боях побили его, пришлось Ермаку набирать новое, а с ним много ли навоюешь?

У Ермака был подручный, который должен был лодку погонять. Но он оказался изменником, он-то и предал Ермака. Когда Ермак сражался с татарами на берегу Иртыша, то приказал подручным подогнать лодку. Татары теснят... Ермак подбежал, лодки нет. Он хотел кольчугу снять и плыть, но пожалел – добрая кольчуга! В ней поплыл. Она и загубила его, потонул он.

Записано в 1960 г. в дер. Минка Усть-Катавского р-на Челябинской области от Бакланова К.Г., 70 лет.

57.

Ермак, когда разбойничал, жил в пещере на Чусовой, пещера эта между Кыном и Серебрянкой. Сколько-то человек с ним было, тоже разбойники. Сколько, не скажу. Они, видишь, ненавидели буржуазию, пузанов грабили. Добро в пещере прятали. Туда, в пещеру, по веревке лазили, никто их не мог достать. От людей слышал, которые видели веревку, она до сих пор свешивается. Когда Ермаку надоело разбойничать, в Сибирь подался. Туда всякому дорога открыта. Сибирь всякого принимает.

Записано в 1965 г. в дер. Тепляки Шалинского р-на Свердловской области от Калимова А. Т., 65 лет.

58.

У нас около деревни камень Писаный стоит. Говорили старики, что Ермак возле камня останавливался, надпись сделал. Сейчас ее видно не знатко, а раньше виднее было. Якоря, лестницы да ещё что-то нарисовал. Никто не знает, когда это было, сотни лет прошло.

Ниже по Тагилу деревня Кваршина была, сейчас нарушилась. Так выше этой деревни есть Караульный камень, там у Ермака стоянка была. Говорили про ермаковский караул: остерегались они, татар, караульщиков на камне выставили. Как уходили, козла на Караульном камне нарисовали. Я еще мальчишкой в тех местах бывал, видел козла. Караульный, он выше Кваршиной, а напротив самой деревни, через реку есть гора с пещерой. Пещера с заречной стороны. Хорошая, подходит на жилье. Говорили, что и в ней Ермак жил с отрядом, когда шел в Сибирь. Он ведь все наши места прошел, везде побывал.

Записано в 1966 г. в дер. Орехово Алапаевского р-на Свердловской области от Богданова Д. А., 76 лет.

59.

Вон возле нашей деревни стоит Соколевская гора, на ней Ермак надписи оставил и нарисовал всякие фигуры: конь, утка, змея, козел там. Красной краской нарисовал. Я была маленькая, так фигуры эти видно было с другого берега: ало-ало, а сейчас потускнели будто, не так знатно стало. Он со своими воинами в Сибирь шел по Тагилу, всякие надписи на скалах оставлял, чтобы обратно идти, так не заблудиться, и выше по Тагилу еще есть места, где надписи оставил, их посмотреть можно.

Давно Ермак прошел. Наши старики не знали, а нам и вовсе неизвестно.

Записано в 1966 г. в дер. Капельская Алапаевского р-на Свердловской области от Камельских Е М., 76 лет.

60.

Ермак казак был, забияка. Он завоевал Сибирь, прошел по нашему Тагилу, на Туру вышел, вниз спустился... У его дружины было первое огненное оружие, а у сибиряков только стрелы с луком, ну, он их и воевал. Про него старики говорили: если надо городишко взять — слободы назывались, —так он всю одежду снимет со своих казаков, сделает чучело, поставит, да сами казаки встанут — много получается народу. Вот ведь! Верхнюю одежду пользовал, чтобы запугать сибиряков, мол, много нас.

Царица Екатерина полушубок Ермаку подарила, когда он всю Сибирь захватил.

Записано в 1966 г. в дер. Кузино Алапаевского р-на Свердловской области от Меншикова С. А., 76 лет.

61.

Ермак в чем-то провинился, пришел к русскому царю, говорит: “Если простишь меня, Сибирь завоюю”. Царь: “Прощаю”. Тогда Ермак пошел-пошел, до Иртыша дошел, у Аксурки даже был. Татары все отступали: что делать? Потом, когда он был пьяный, убили его, в Иртыш бросили. Ермак ничего Кучуму не смог сделать, это уж потом русский царь послал своего воина. Тот начал наступать на Кучума. Кучум из Тобольска ушел, взял путь на Енисей, а может и дальше... Когда Кучум проходил по нашим местам, котел бросил. Большой, на триста ведер. Несли его: перевернут вверх дном, триста человек на плечи берут и несут его. Потом устали тащить его, Кучум приказал бросить. Этот котел до сих пор лежит в лесу между Карагаем и Абаулом.

Записано, в 1967 г. в с. Дубровное Вагайского р-на Тюменской области от Фатеева П. И.

62.

Давно уже брат мой находил место, где Кучум от Ермака свои богатства прятал. Это в Тобольском районе, там есть болото, Московское называется. Лесом заросло. Татары знали это место, но никому не говорили. Потом русские пронюхали, приехали из Тюмени, искать начали, а татары им не показали: старики сказали: “Кто укажет, с тем беда случится”.

Брат говорил, что богатства Кучум спрятал в глубокой яме. Бросишь в нее камень много времени пройдет, пока камень на дно брякнется.

Записано в 1967 г. в дер. Б. Карагай Вагайского р-на Тюменской области от Мухаметдинова Д.П., 29 лет.

63.

Возле Фатеевой есть два болота, одно называется Кучумовское, другое – Ермаковщина. Старики говорили, когда Ермак с Кучумом воевали, то свои войска держали в этих болотах, там у них стоянки были. Дрались долго, не один год. Ермак одолел Кучума, тот собрал своих и увел вверх по Иртышу, там поселил. Еще слышал, будто за Карагаем Кучум котел ставил.

Записано в 1967 г. в с. Дубровное Вагайского р-на Тюменской области от Фатеева П.И., 69 лет.

64.

Про Ермака кругом речь: был, воевал, русские после него населились. Только вот когда старики соберутся, рассуждают, а как фамиль у него? Все Ермак да Ермак... Отчество известно – Тимофеевич, а фамиль? Видно, простой был человек, только имя осталось. Он когда из Тобольска вышел, по всем, озерам и рекам прошел. И на Вагае был. Прошел, назад повернул: делать нечего, татары в леса ушли. Он в Тобольск направился, а на Вагае дозор оставил – поселил сколько-то своих казаков. Здесь деревня образовалась, Ермаки называется. Это недалеко от Домниной, километров пять на машине, а пешком – все пятнадцать...

Записано в 1967 г. в дер. Домнино Вагайского р-на Тюменской области от Плесовских П.Д., 67 лет.

65.

Ермак вытеснил татар из Тобольска, они стали селиться по Иртышу. Места мало, татар много, каждому хочется занять побольше места. Решили: что бы не было спора, пусть бегут старики. Вот стоит твой дом, пусть от него из твоей семьи бежит самый старый человек, сколько он пробежит, столько и есть твоей земли. А много ли старик или старуха пробежит? Километра два-три. Говорили, что которые старики до смерти загоняли себя: бежит-бежит, сил нет, упадет, а еще и шапку снимет и бросит вперед себя – и это, мол, моя, же земля. Так по Иртышу и расселились: часто. Ну а Ермак надумал и с Иртыша их подвинуть. Пришел уж к Вагаю. Татары собрались, стали решать, что делать. Решили его подкараулить и убить. И убили.

Записано в 1967 г. в дер. Редка Вагайского р-на Тюменской области от Васильевой П. К., 75 лет.

66.

Татары жили в Тобольске, пришел Ермак, стал воевать. Они ушли в другие места, он - за ними. Тогда ему сражение устроили, убили его. Он

раненый по Иртышу поплыл. Все стрелять в него начали и убили. Вытащили, похоронили на Баишевском кладбище. Баишевское кладбище самое старое, там на могилах выросли деревья в два обхвата – во какие! Только Иртыш подмыл, берега, уже унес половину кладбища. Скоро и до Ермака доберется, возьмет его второй раз.

Записано в 1967 г. в дер. Юрты Казанские Вагайского р-на Тюменской области от Шарипова С.С., 46 лет.

67.

Про Ермака знаю точно: он из разбойников. Еще отец его помогал разбойникам: они жили в мурманских лесах, отец им доставлял пищу, продукты разные. Отца потом поймали, посадили в каталажку, а мать с ребяташками на соляные копи приехала, к Строгановым, тут и воспитывала. Ермак крепкий был, как подрост, в обозе стал.

Тут же, недалеко от Строгановых, жил один князь. Богатый. Дворец у него высоким забором огороженный. Дочка у него, красивая, держал только во дворце, ну, разве когда во двор ненадолго выпустит, а то все сидела на балконе. Которые парни заглядывают на нее: стоят под балконом, зовут выйти. Она своих вышибалов позовет, они набуткают всякого.

Ермак шел, ее увидел. Приглянулась она ему. А она говорит, дескать, приходи тогда-то. Он пришел, раз позвала. Она во двор спустилась, на морог⁴⁵³ полеживает. Он подошел, а она:

- Погоди-ка я схожу до ветру.

Сама побежала, отцу все рассказала, отец вышибалов послал. Те бегут и – на Ермака. Он одного кулаком – тот на утычку⁴⁵⁴, и другого, и третьего также. Сам ремень снял, через забор перебросил, перелез и утолкал⁴⁵⁵ вверх по Чусовой.

Начал в лесу жить. До него слух доходил, что даже мать его исчуняют⁴⁵⁶. Куда же деться? Один путь – дорога в разбойники. Стал разбойником.

К нему скоро набежало народу пятьдесят человек. Убили они Строганова сына и на Волгу убрались. А там Иван Кольцов, у него тоже 700 человек, одним отрядом стали разбойничать. Скоро Грозный зачал на перевозе солдат ставить, чтоб ловили разбойников. За Ермака и Ивана Кольцова большие деньги обещал тому, кто их поймает, так прямо и объявил: "Кто найдет живым или мертвым, золото получит". Разбойни-

⁴⁵³ Морог – трава.

⁴⁵⁴ Утычка – забор.

⁴⁵⁵ Утолкал – уплыл.

⁴⁵⁶ Исчуняют – преследуют.

кам некуда деваться, одно что – надо с Волги уходить. Пришли они к Строгановым, а Строганов скорей уговаривать их:

- Татары живут в Сибири, богатства у них, почему их не побить.

- Надо переговорить с ратью, - говорит Ермак, - да и сеешь ты рождю, а жнешь ложью: как мы пойдем в Сибирь, каким путем?

Строганов все-таки уговорил их. Изладили струги, поплыли. Какой речкой попадали в Сибирь, не знаю, а только получилось у них так, чтоплыли они какой-то речкой, и вода кончилась, не знают, куда идти. Тут видят: два остяка рыбу острой колют, захватили их. Зазимовали с ними, рыбой питались, а весной поплыли дальше – остяки дорогу показали. Да еще дали медвежьего сала раны залечивать.

На Туру Ермак вышел, с татарами схлестнулся. Тут какой-то Епанча был, много силы у него. Но Ермак его силу быстро разогнал: казаки только один раз из пищалей выстрелили. Татары убрались и своим рассказывали, дескать, у русских гром гремит, молния сверкает, народ мертвым валится, а стрел не видно.

А в одном месте татары что надумали? Взяли и цепью реку перегородили, думали, перевернутся у Ермака лодки или хоть задержутся, тогда всех разбойников расстрелять с берега можно. А Ермак талу нарубил, на лодки наставил кучками, будто люди. Татары стреляют – пусто! И цепь разорвали, проплыли без урону. Видишь, хитростью брал.

Когда в Сибирь пришел, быстро татар покорил, которые и в леса ушли, стали нападать на русских. Один раз послов прислали, дескать, мириться будем. Ермак принял послов хорошо, потом Ивана Кольцова также послом к татарам направил. А те сначала чаем поили, потом кошму на русских набросили и ножами притыкали. Но Ермак потом уже главного татарина на петлю поймал и как подарок Ивану Грозному в Москву спроводил. Грозный написал: прощаю твой разбой, будь сибирским правителем. Тогда татары вовсе озлобились. Напали на русских, когда они спали, всех присекли. Ермака потеснили к берегу, он оступился, в реку упал, утонул. Так они еще его выловили, повесили за руки и стреляли.

Записано в 1971 г. в д. Тагильцы Тавдинского р-на Свердловской области от Новоселова Лаврентия Савватеевича, 71 г.

68.

Ермак Тимофеевич покорил Сибирь. Это я в Москве слышал, когда в солдатах служил. Иоанн Грозный с себя снял шубу и надел на Ермака за покорение Сибири.

Кучум, презренный царь Сибири,

Пробрался тайною тропой,

И пала грозная в боях,

Не обнажив мечей, дружина.

Погиб Ермак в боях нечаянно. Ермак на барках кашеваром был. Взрослый был проворный и умный. Это я в Москве слышал, народы говорили.
Записано в 1964 г. в пос. Висиме от Г. Я. Отливана, 77 лет.

69.

Ермак жил в камне, пещера в нем. Он в этой пещере-то и жил. Барки с чугуном он переворачивал, топил. Не каждые он барки топил, которые и пропускал, а которые топил. У него была цепь и листовая столб. Через Чусовую цепь перекидывал, к листанному столбу привязывал. Этой цепью барки-то и перевернет! Это нам сплавщики рассказывали, когда я по Чусовой плавала.

Записано в 1960 г. в пос. Висиме от А. К. Долгих, 70 лет.

70.

В старые времена здесь жили вогулы. Они жили на Утке, где сейчас могильники. Их Ермак угнал отсюда. Ермак – казак, он что-то позагрезил⁴⁵⁷ в своей стороне, кого-то пограбил, ему пришлось бежать. Он видит, что ему неминуемая гибель; артель собрал да приехал в Лысьву к графу Строганову. Здесь в то время вогулы все нападали, и на графа тоже нападали. Ермак договорился с ним: “Дай снаряжение, я их угоню”. Тот дал. Тогда Ермак больше пособирал казаков, вот они и пошли. Они шли по реке Чусовой, кверху поднялась, пещеру нашли, в этой пещере Ермак и скрывался. Там скричишь: “Ермак”, и откликнется “Ермак”.

На реке Иртыш он расположился отдыхать. А вогул он далеко угнал. Раскинули шалаши. Из своих халатов, кафтанов шалаши были. Раскинули из-за того, что поднялась буря, дождь.

Вогулы в это время и накинулись на него, на сонного. Он бросился бежать, видит, что гибель, а на нем, на груди, панцирь был. А река Иртыш дикая, вот он тут и потонул.

Казаки бежали к Ивану Грозному и доложили, что Ермак погиб в Сибири, а здесь все очищено. Тогда Иван Грозный совместно с графом Шуваловым организовали военный поход, завоевали остатки Сибири, а все-таки считается Ермак – покоритель.

Записано в 1960 г. в пос. Висиме от Е. Г. Катаева, 78 лет.

71.

Старики говорят, что он здесь по Уралу проходил. Отец рассказывал. Дескать, пошел Ермак от Строгановых. Был он обыкновенный бурлак с Волги. Был кашеваром в артели, а потом начал заниматься вроде раз-

⁴⁵⁷ Позагрезить – здесь: задурить, набезобразничать.

боем. Такая история. Ограбит помещика, сколько надо себе возьмет, а остальное разделит рабочим — ведь он спасался у них. Его стали притеснять. Правительство. А Строганов подобрал его и направил против татар. Ушел он в Сибирь. А выдал его есаул какой-то, Кольцо. Говорят, его продали из-за сестры. Она у него красавица была и пошла с ним в Сибирь. Старики и рассказывают, что Кольцо в нее влюбился, а Ермак не разрешил. Кольцо и продал его Кучуму. Старики так толковали.

Записано в 1962 г. в пос. Висиме от Д. Ф. Петрова, 58 лет.

72.

Был он по Чусовой, Кашки, Хорёнки проходил. Был у него в стене берлог, пещера спасательная. Там веревка висела, я ее запомнил. Она потом пала. По веревке он спускался туда и вылезал. По Чусовой он переходил Горы. На Вые был, а потом в Сибирь ушел. Был он сорок километров от Висима. Воевал против разных национальностей, против татар воевал. Разбойничал против тех, кто с ним совместно не шел. Забирал у них и питание, и все, что ему надо. Бедных не трогал. Он ведь с ними жил. Из-за татар он и погиб, когда Сибирь завоевывал, как Иван Грозный — Казань. Вызвал его раз государь и за хорошую работу дал ему кольчуг, который мог спасти его от удара. Этот кольчуг и утопил, угробил его. Прибежали раз татары и сказали, что везут барки ему с припасами и чтоб шел он встречать их. Ну он и пошел их встречать. А они наблюдали за ним. Никого он не встретил, а потом обратно поплыл. Татары сделали нападение, суматоху подняли. Он соскочил. Впоследствии у него рубка пошла, как сказывали. В Иртыше погиб. Так его тела-то татары долго боялись, бегали на труп посмотреть, когда его вынесло, думали, что он оживет. Кольчуга-то его и утопила. Я был на Иртыше, сам видел, как он вертит, крутит клубком. Вот он и погиб, грозный был человек.

Записано в 1962 г. в пос. Висиме от В. С. Кушнова, 75 лет.

73.

По Чусовой едешь, камень Ермак стоит. Парень я еще был. Барки гоняли, лес сплавляли. Разбивались часто около него. Утесом он стоял, высоко был. В самом верху есть отверстие, вроде пещеры. Тут Ермак и скрывался, проживал, прятался. Как застигли его, он, как был в кольчуге тяжелой, бросился сверху в Чусовую. Выплыть не смог. Ермак был хороший вояка.

А теперь я не слышал, не знаю, а сплавщики рассказывают: “Подплывешь близко к утесу Ермака и кричишь: “Ермак, есть табак?” А оттуда это же отвечают.

Записано в 1962 г. в пос. Висиме от А. Е. Ковальчука, 76 лет.

74.

Ермак родился здесь, в заводах, чуть ли не под Невьянском. Звали его Василий Тимофеевич, потом уж Ермаком называли, когда он шайку на Украине набрал. Сильный он был, хороший парень. С дочерью управляющего познакомился. Один раз в сад залез, чуть-чуть не попался. Его стали преследовать, и он на Чусовую плыть-плыть да и уплыл. На Украину ушел, шайку набрал. Здесь-то нельзя ему было жить. Через сколько-то лет приехал. У него здесь невеста Алена была. Повидался он с ней. Поехали они по Тагилу-реке, по Туре. Там хан сибирский был. Песню поют еще про это. При буре раз уснули. Стража плохая была. Кучум пробрался тайною тропой. Ермак в Иртыш бросился. Лодки-то уж все уплыли. Погиб Ермак. Панцирь его погубил, два пуда весом он был. Его и стрела не брала. Река широкая, не то что Реж, не переплыл он. А панцирь ему царь подарил. Он ведь царю пушнину отправлял, шубу соболиную послал. Тогда зверья-то много было.

Записано в д. Ощепково Режевского р-на от А. М. Батенькова, 77 лет.

75.

Ермак вообще-то далеко начал, он перешел Уральские горы. Потом по Туре прошел. Плыл по Туре со своей дружиной. У Ермака было оружие огнестрельное, а у местного населения были самострелы и луки, люди боялись его, разбегались, кто куда мог. Оглоблей крестил он. Люди были вообще неграмотные.

Записано в д. Запольской Верхотурского р-на от Е. А. Дерябина, 59 лет.

76.

Ермак проходил здесь. Якорь остался после него. Этот якорь Ермак бросил, и его нашли. Да про него все тут знают. Якорь я сам видел. Здесь было сибирское ханство. Ермак его завоевал, покори́л.

Записано в г. Верхотурье от В. Д. Мусихина, 67 лет.

77.

Ермак, говорят, проходил здесь. Помню разговор, что он сначала на речку Жаровля вышел, потом перебрался на Туру. Тут-то он был, факт. С речки Жаровля получили струги. По Туре в стругах спускались. Он шел до Иртыша и погиб на Иртыше. Воевал-то он ниже, где татары заселяли. Из песни это понятно. Презренный царь Сибири пробрался тайною тропой, попал на этот лагерь. Вскочил Ермак и в воду. На нем была кольчуга, и он утонул. С вогулами он не воевал, воевал с татарами. Кучум, презренный-то царь Сибири, вот и напал на них спящих.

Записано в г. Верхотурье от Т. И. Кордюкова, 78 лет.

Эта история давнишняя. Из группы Ермака выделились три человека; Рагозин, Лобанов и Дерябин. Рагозин высадился на тот берег, там и прижился. Эти двое поплыли дальше. Потом высадился Лобанов. Тут деревня Лобанова стала. А потом Дерябин высадился. Здесь и стала деревня Дерябина, и фамилия у всех одна стала – Дерябины. А там опять все Рагозины и Лобановы.

Записано в д. Запольской Верхотурского р-на от А. Е. Дерябина, 59 лет.

Большинство русского населения приписывало идеографические рисунки легендарной чуди. Одно из преданий в пересказе автора XIX века звучит так: «Давно, когда еще в этих местах жила чудь, был какой-то праздник, сопровождаемый конскими скачками на берегу Ирбита, Князек их имел резвого скакуна и, вероятно, из желания отличиться удалью перед своими вассалами, так разгорячил его, что тот, закусив удила, понес князя во весь опор на берег и о размаху ринулся со скалы в реку Ирбит вместе со всадником. Князек убится до смерти и сетующие вассалы похоронили его в пещере», а его кровью «покрыли вырезанную на камне надпись»⁴⁵⁸. Были предания, объяснявшие, что надписи сделаны в давние времена проезжавшими в Сибирь «чиновниками»⁴⁵⁹; вероятно, знаки должны указывать направление пути.

Разумеется, недостаток правдивой информации порождал в среде уральцев подобные предания. Но и эти рожденные народным воображением сюжеты оказались втянутыми в ермаковский цикл.

Ермаку наскальные рисунки стали приписываться, видимо, не ранее конца XVIII столетия, потому что у Н. Витсена говорится: «...по преданию старейших людей тамошнего (верхотурского – В.Б.) населения, полагают, что они (писанцы - В.Б.) находились в том месте до покорения страны московитами»⁴⁶⁰; Д.Г. Мессершмидт, бывший на Урале в начале 20-х г. XVIII в., также не упоминает никаких преданий о писанцах, хотя он был одним из первых ученых, обративших самое пристальное внимание на наскальные изображения и рассказы о них; даже у Г.Ф. Миллера, обязательно записывавшего предания, если таковые ему удавалось слышать, нет никаких сведений о рассказах на эту тему. Только в 1800 году было отмечено: «Письменной в 2 верстах от деревни Гаевой на левой стороне Тагила, получил свое название от написанных на нем красным цветом фигур, о которых простой народ думает, что Ермак на-

⁴⁵⁸ Н. Булычев. Несколько слов о селе Писанце Ирбитского уезда. //ПГВ, 1866, № 75.

⁴⁵⁹ Х. Мозель. Материалы для географии, с. 80.

⁴⁶⁰ Цит. по книге: В.Радлов. Сибирские древности, СПб, 1888, т. I, в. I, приложение, с. 5.

чертил оныя»⁴⁶¹. Подобные рассказы существовали в XIX веке, верояно не про все уральские писанцы, а лишь про те, что стояли на пути Ермака.

Как видим, в уральских преданиях путь Ермака по Уралу «обставлен» многими подробностями о его зимовках, временных остановках, оставленных знаках, спрятанныхкладах, брошенных стругах и т.п. Много внимания в рассказах местных жителей было уделено и способу передвижения ермаковцев. При этом подчеркивалась удаля, сноровка казакосообразительность их атамана.

Все предания говорят о прохождении казаками наиболее трудного участка маршрута - Чусовая - Серебрянка. Трудовой народ Урала олично знал коварную Чусовую и называл ее «Водяной смертью», «Пухоронной рекой» и т.п. У М. Зуева-Ордынца записан рассказ о Чусовой одного старика, много лет плававшего по этой реке, рассказ отличает передачу отношение уральцев к своей «кормилице»: «Чусовую сила да разумом не возьмешь, как ей взглянется, так и будет. Захочет - убьет, смилуется - живым отпустит. Ежели бы спросить в любом поселке на Чусовой: «Есть покойники?» Беспременно скажут: «Есть» - «А где смерти нашли?» - « Не спрашивай, знамо, в Чусовой». Ну как же не похоронить река? Чистая губительница! А сколько теплых людей на Чусовой плыло... Ведешь, бывало, барку, а он выплывет да и увяжется за тобой, и отстанет и все тут. Крестишься да просишь его: «Перегоняй, милаш, а отстань, а душу не мути». Верст полсотни, бывало плывешь с ним рядом»⁴⁶². Вообще про Чусовую сложено много пословиц, поговорок, притчей, характеризующих опасность плавания по ней. «На Чусовой пристись с родней», «Коли Чусовую переплыл, значит, бог с тобой был»⁴⁶³.

В конце 80-х годов XIX века многие камни, усиливающие опасность плавания по Чусовой, были взорваны или подорваны. Передвигаться по ней стало безопаснее. Но до этого трудность плавания по ней и течение и против течения была очень велика. «Никакие усилия человеческие не могут вести суда вверх ее», - писал П. Мельников-Печерский. Другой путешественник отмечал то же: «Подняться на веслах против течения Чусовой невозможно»⁴⁶⁴.

Понятно, что рассказывая о плавании Ермака, местным жителям нужно было убеждать самих себя в том, что Ермаку пришлось преодолеть

⁴⁶¹ Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 181 года. Пермь, 1801, с.211.

⁴⁶² М. Зуев-Ордынец. Каменный пояс: Уральские очерки. Л., 1928, с. 145-146.

⁴⁶³ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. X, с. 87.

⁴⁶⁴ Е. Янишевский. Поездка на Чусовую. Пермь, 1886, с. 25. В этой связи следует сказать о вымышленном характере такой детали рисунков С.У. Ремезова как весла.

леть много трудностей. Уральцы поэтизировали путь Ермака по Чусовой: опасные мели, резкие повороты реки, подводные глыбы помогает казакам благополучно миновать лебедь. «Он впереди плыл, где отмели или камни, лебедь в сторону сворачивал и атаман тоже забирал стороной»⁴⁶⁵. Лебедь на Урале считался птицей, «отмеченной богом», чуть ли не священной⁴⁶⁶. Об этой птице существовали легенды, поверья. Убить лебедя, значит, накликать на себя большое несчастье, лебедь одушевлялся в рассказах уральцев, а в «Верхневьянском округе, - писал В.И. Немирович-Данченко, - водится такой обычай: кто лебедя убьет, того в волостное правление и драть».

Если в первоначальных преданиях можно было встретить ироническое «обмишенился» в адрес Ермака, то в преданиях XVIII-XIX столетий эта ирония просто немыслима - настолько герой вырос в народном воображении, что ему помогает даже природа. Предания о помощи лебедя Ермаку появились в цикле, очевидно, с началом интенсивной эксплуатации Чусовой русскими - в XVIII веке. Камни - бойцы и камни - разбойники хранили у своих подножий следы десятков ежегодных трагедий; чувовляне знали, насколько опасен путь по этой реке, поэтому отталкиваясь от реальности, вносили элемент помощи Ермаку в свои предания о нем.

Многие предания были посвящены характеристике борьбы Ермака против уральских и сибирских аборигенов. Вогулы, почитавшие своих соболиных, лосиных и прочих идолов даже после того, как их окрестили, называются русскими в преданиях «нехристями»: Ермак «бьет вогул», «воюет нехристей», «крестит их оглоблей». Чувствуется стремление рассказчиков подчеркнуть, что ермаковцы были первыми русскими столкнувшимися с вогулами и сумевшими, несмотря на отдельные неудачи, устроить их, заставить покориться. В Зауралье в это время продолжают бытовать предания о борьбе Ермака с татарами. В этих преданиях акцентируется сила, хитрость, сплоченность татар; на защиту своих земель от нашествия русских встают все, даже женщины сооружают укрепления, устраивают казакам неожиданные ловушки и т.п. Во всех этих преданиях Ермак Тимофеевич предстает как удалой, смекалистый казак, отважный землепроходец.

Борьба Ермака с аборигенами на территории Урала осмысливается в XVIII-XIX столетиях очень широко - он сражается не только с вогулами и татарами, но и с чудью. Чудь - это собирательного характера слово, употребляемое русскими для обозначения древнего неславянского на-

⁴⁶⁵ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. X, с. 208.

⁴⁶⁶ Н.С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. II с. 254.

селения Урала⁴⁶⁷, в преданиях аборигены назывались не только чудью, но и чудаками, чуцками, чучками, чудинами, чудками, чудью белоглазой. В прошлые столетия о чуди на Урале рассказывали много и подробно. Собственно, предания о чуди - отдельный цикл народной прозы. Не вдаваясь подробно в историю этого цикла, коснемся только того, что было общим для преданий о чуди и преданий о Ермаке. Но предварительно кратко остановимся на характеристике представлений русского населения Урала о чудаках, ставших врагами Ермака в преданиях уже XVIII столетия.

Русское население рассказывало, что чудаки жили в горах, в пещерах⁴⁶⁸, а также в землянках, «которые они строили так: копали яму в земле, посредине этой ямы ставали столб, на котором закрепляли жерди и доски для крыши, сверху засыпали крышу землей...»⁴⁶⁹ Уральцев интересовало все: какие были чудаки, чем занимались, какие промыслы им были известны, кто ими правил и т.п. При этом высказывались самые разные мнения: «чучки - мелкие люди»⁴⁷⁰, «люди этого народа были ростом малы, почти что в половину роста русских людей, не больше, как аршина полтора величиною»⁴⁷¹ и наоборот: «предания, существующие в Пермской губернии, представляют чудь людьми великорослыми и сильными богатырями»⁴⁷²; «между крестьянами рассказы, что кто-то вырыл из него («чудского» кургана - В.Б.) огромнейшую человеческую голову, какой и нигде и никем не видывано»⁴⁷³, «чудаков народ воображает необыкновенных ростом, силою и дородством тела»⁴⁷⁴. Отмечалось также, что чудь «занималась горным делом»⁴⁷⁵, «ловила пушных зверей»⁴⁷⁶; «имела понятие о шелке»⁴⁷⁷, что «племена чуди торговали друг с дру-

⁴⁶⁷ Мы говорим в данном случае только об уральской чуди, не касаемся вопроса о различном толковании учеными происхождения и значения названия «чудь», нас интересует сейчас только народное толкование этого слова.

⁴⁶⁸ А.П. Иванов. Материалы к антропологии Пермского края. //Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. 1881, т. X, вып. I, с. 10; В.Г. Чекан. Путеводитель по Уралу, Екатеринбург, 1899, с. 55; Г. Мауэр. Кое-что о чудских городищах. // Кунгурско-Красноуфимский край, 1925, № 2, с. 8.

⁴⁶⁹ П.А. Городцов. Чудь. //Этнографическое обозрение, 1906, № 1-2, с. 113.

⁴⁷⁰ М. Блинов. Неисследованная пещера. //Кунгурско-Красноуфимский край, 1925. № 8-10, с. 37.

⁴⁷¹ П.А. Городцов. Чудь, с. 113.

⁴⁷² Очерки истории Пермского края. //ПГВ, 1841, № I.

⁴⁷³ Материалы для описания Шадринского уезда. //ПГВ, 1865, № 73.

⁴⁷⁴ А.Н. Зырянов. Несколько слов о курганах в Шадринском уезде. //ПГВ. 1860. № 5.

⁴⁷⁵ Путешествие по Уралу Гумбольдта, Эремберга и Розе в 1829 г. перевел с немецкого и дополнил примечаниями Н. Чупин. Приложение к Запискам УОЛЕ. Екатеринбург, 1873, с. 10.

⁴⁷⁶ Н. Белдыцкий. Очерки Вишерского края. Пермь, 1903, с. 49.

⁴⁷⁷ И.Кривошеков. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1914, с. 214.

гом»⁴⁷⁸, а в зауральских преданиях добавлялось, что чудаки были кузнецами и занимались хлебопашеством⁴⁷⁹. Нет ни одного предания, где отрицалось бы богатство чуди: у нее «все вещи были из серебра и золота»⁴⁸⁰; чудь обладала, «несметными сокровищами», но все это спрятала⁴⁸¹. Русские рассказывали, что управляли чудью князья⁴⁸², причем, некоторые из них отличались умом и добротой⁴⁸³.

Во время интенсивного заселения и освоения Урала русские обнаружили многочисленные следы исчезнувших, вымерших племен: городища, свайные постройки, курганы, могильники, кострища и жертвенники, куски железного и медного шлака, камни-писанцы, отдельных идолов и т.д. Русские обращали на все это самое пристальное внимание, интересовались значением, происхождением любой находки. При раскопках им попадали в руки разного рода украшения, земледельческие орудия, наконечники стрел и копий, приспособления для добычи руды и выплавки меди, посуда и т.п.

А.П.Иванов в 70-х годах XIX века наблюдал поминки чуди, но только детьми: «В семик, когда взрослые крестьяне, ходят поминать на кладбище своих родителей, подростки направляются на чудские места с брагой и с пищей:

- Вот, чудь, мы принесли тебе браги и хлеба, пришли пировать с тобой;

- Помяни, господи, чудского дедушку и чудскую бабушку»⁴⁸⁴.

Очевидно, в XVII-XVIII веках этот обычай более строго соблюдался коми-пермяками, тем более что семик они считали «важнейшим праздником», а пасху, рождество и пр. - «простыми» воскресными днями⁴⁸⁵. Понятно, что этот обычай поминать чудь существовал далеко не у всех пермяков, но он все-таки существовал, и это не могли не знать русские. И поэтому рассказывали: «Ведь этот народец (пермяки - В.Б.) родня

⁴⁷⁸ П.И. Мельников-Печерский, указ. соч., с. 61. 1841, т. XVIII, отд. VII, с. 61.

⁴⁷⁹ А. Кострен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. //Магазин земледелия и путешествий, географический сборник Н. Фролова. М., 1860, т. VI, ч. II, с. 232.

⁴⁸⁰ А.П. Иванов, указ. соч., с. 12.

⁴⁸¹ Очерки истории Пермского края. //ПГВ, 1841, № 1.

⁴⁸² Н. Белдыцкий, указ. соч., с. 49; И. Кривошеков, указ. соч., с. 98, 109, 214, 215 и др.

⁴⁸³ В. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей, СПб, 1821, с. 119.

⁴⁸⁴ А.П. Иванов, указ. Работа //Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете, 1881, т.X, в. I, с.12.

⁴⁸⁵ Н. Рогов, Материалы для описания быта пермяков //Пермский сборник 1860, кн. II, с. 22.

чужакам-то. Только что Христову веру приняли, так уцелели. А то бы им вместе с роденькой-то своей не жить на свете»⁴⁸⁶.

Русских в первую очередь интересовали золотые и серебряные вещи. Их можно было продать. Поэтому шли поиски новых курганов, городищ, производились хищнические раскопки. Уже в начале XVIII в. канцелярия министерства иностранных дел заинтересовалась тем, что «около реки Исети и по окружности оной русские люди в татарских могилах и кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи» и просила уточнить, откуда они появились. Старец Лота из Долматовского монастыря, объявил «местным чиновникам, обратившимся к нему за разъяснением, что эти вещи принадлежат народу, называемому чюды» и что они «в могилах... и поныне находятся»⁴⁸⁷. Подобные находки «заставили крестьян предполагать в курганах существование кладов»⁴⁸⁸, поэтому раскопки производились очень интенсивно. В то же время находки драгоценных вещей породили представления о необыкновенном богатстве чудского народа и начались рассказы о том, что «чужаки зарыли свои богатства и в том числе золотых богов в земле в дремучем лесу» возле Ирбита, спрятали сокровища в пещерах камня Дыроватого, в Золотой горе на Вишере и т.п.⁴⁸⁹ В одном из преданий относительно чудского городища говорится, что «в нем среброкованные ворота, деньги в сороковой бочке на телеге лежат»⁴⁹⁰. Однако в действительности русские чаще всего сталкивались с непонятными для них вещами: во многих погребениях не было ничего ценного, часто вместо ожидаемых золотых монет при раскопках находили уголь, черепки. «Наши ребята разрывали многие такие места (могилы - В.Б.), но кроме угля, ничего не находили», - говорила В. Берху местная жительница⁴⁹¹. Поэтому стали говорить о чужаках-колдунах, заговоривших свои богатства, и уголь в преданиях - это «заколдованные чудские деньги»⁴⁹². Черепки - тоже: «Пытались кое-кто из наших копать городище да кроме черепков и глины, ничего не нашли. А ведь все это заколдованная чудская казна. На других

⁴⁸⁶ П.И. Мельников-Печерский, указ. соч. //Отечественные записки, 1840, т. IX, отд. VII, с. 4.

⁴⁸⁷ В. Радлов. Сибирские древности, СПб, 1891, т.1, вып.2, приложение, с. 21-22.

⁴⁸⁸ Материалы для описания Шадринского уезда. //ПГВ, 1865, № 73, См. также: И. Рябов, указ. работа //ПГВ, 1855, № 28; И.Я. Кривошеков, Пермь великая, ее живая старина и вещественные памятники, Пермь, 1911, с. 6.

⁴⁸⁹ Н. Полов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 1 с. 43; В.Г. Чекан, Путеводитель по Уралу, Екатеринбург, 1899, с. 52; И. Кривошеков, Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии, Пермь, 1914, с. 380.

⁴⁹⁰ Я. Камасинский. Около Камы, М., 1905, с. 106.

⁴⁹¹ В. Берх. Путешествие в города Чердын и Соликамск, для изыскания исторических древностей, СПб, 1821, с. 115.

⁴⁹² Там же, с. 115.

городищах и угли вырывали и шлак находили - это их денежки»⁴⁹³. Такие рассказы бытовали по всему Уралу и иногда даже месторождение золота объясняли наличием «чудского клада, окарауливаемого нечистой силой»⁴⁹⁴. По преданиям, чудь ушла в землю и забрала свои богатства, чтобы они не достались русским людям. А причину исчезновения чуди уральца объясняли следующим образом:

1) Чудаки хотели «спасти свою языческую веру и умереть в стране отцов»⁴⁹⁵; чудь была слишком горда и когда «родился Христос и стал крестить людей», она не захотела принимать христианства и начала «рыть себе ямы»⁴⁹⁶.

Поскольку в народном представлении первое появление русских на Урале и в Сибири связывалось с именем Ермака, постольку он и выступает в преданиях или предводителем «воинов белого царя» или просто богатырем, который один устрашает чудь, бьет ее, загоняет в землю. По преданиям, «во время нашествия Ермака» чудь прячется в вырытых ямах, когда же «не стало возможности укрываться и тут, люди эти подрубали стойки, поддерживающие потолок их жилищ», и погибли⁴⁹⁷. Но не вся чудь покорно «ушла в землю», во многих местах она оказывала отчаянное сопротивление. «В Оханском уезде, пишет А.П. Иванов приютилась небольшая деревушка Побоище. Предание, объясняющее это название, передает: прежде, когда наши сюда показались, здесь жила только одна чудь. Она не пускала наших, вышла сражаться и тут было побоище великое. Наши перебили всю чудь, а место назвали «Побоище»⁴⁹⁸. Недалеко от Искора у русских было столкновение с чудским князем Кором⁴⁹⁹; возле Кунгура Ермак вынужден был сражаться с «чудаками»⁵⁰⁰; около Ирбита есть «земляной бугор», окруженный с двух сторон озером, «горожане и окрестные крестьяне рассказывают, что это городище есть остаток чудской крепости, построенной на защиту от нашествия Ермака с его дружиной и что озеро образовалось от выношенной для бугра земли»⁵⁰¹. Но Ермак все-таки сломил сопротивление чуди. Иногда

⁴⁹³ П.И. Мельников-Печерский, указ. соч., «Отечественные записки», 1840, т. IX, отд. VII, с. 4.

⁴⁹⁴ И. Кривошеков, указ. работа, с. 380.

⁴⁹⁵ А.Е. Теплоухов, указ. работа. //Записки УОЛЕ, 1888, т. VI, в. I, с. 29.

⁴⁹⁶ Я. Камасинской. Около Камы. М., 1905, с. 105; А.Н. Зырянов. Несколько слов о курганах в Шадринском уезде. //ПГВ, 1860, № 5; Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. //ЖМВД, 1858, № 3, часть 29, с. 52.

⁴⁹⁷ ГАПО, ф.672, оп.1, д. 119, л.118 (Из преданий, записанных И. Вологдиным в 1850 г. в Пермской губернии).

⁴⁹⁸ А.П. Иванов, указ. работа, с. 6.

⁴⁹⁹ В.Г. Чекан. Путеводитель по Уралу, Екатеринбург, 1899, с. 53.

⁵⁰⁰ Е. Косвинцев. На Ермаковом городище //Рудокан, 1898, № 63.

⁵⁰¹ И. Ту-в, Ирбитское городище. //ПГВ, 1870, № 74.

местные жители добавляли, что война с «чужаками» была ожесточенной и они «перебили много русских»⁵⁰².

Таким образом, рассказы уральцев о чуди основывались на конкретных фактах существования остатков материальной культуры аборигенов. Как ученые воссоздают картину жизни древних по материалам археологических разысканий, так и неграмотные и полуграмотные крестьяне и работные люди создавали свою устную историю жизни и исчезновения ранее существовавшего населения. Эта история имеет свои особенности и одной из них является полное отсутствие каких-либо дат и резкое сведение к одному времени хронологически разных событий, в данном случае событий, отделенных друг от друга несколькими веками. И происходит это потому, что Ермак осмысливается как первый русский человек, появившийся на Урале. Его пребывание здесь стало в преданиях тем временем, к которому стягивались все события, происходившие в глубокой древности.

Уральские предания XVIII-XIX вв. повествуют о Ермаке не только как о храбром землепроходце, но и как о борце за христианскую веру. Эту новую функцию герой выполняет главным образом в устных повествованиях, бытовавших, вероятно, в среде старообрядцев. В них герой сражается также с «неверной чуждой» или с «волшебными людьми», насмехающимися над ним и его казаками, которые предстают как истинные христиане, упорные проводники христианского просвещения.

В.П. Кругляшова отмечает, что в этой тематической группе ермаковских преданий «используются порою бродячие мотивы мирового фольклора: Ермак, идя в Сибирь, встречает упорное сопротивление «волшебных, клятых людей», живущих «в камени». Ермак хитростью приближается к ним и, когда они ночью попрятались в гору, высекает на горе крест.» Так волшебные люди за этим крестом и сидят крепко». Нетрудно увидеть здесь, - пишет исследовательница, - известный фольклорный мотив встречи завоевателя с аборигенами в той местности, которую он покоряет⁵⁰³. Сюжет - герой «загоняет» аборигенов завоеванной местности в горы - довольно рано проник в русский фольклор. На Урале в XVIII-XIX вв., такой сюжет был известен, и было скорее всего несколько модификаций его. Так, уральцы рассказывали: когда Ермак шел по Уралу, то семь волшебных братьев «на дороге ему гор навалили». Ермак перешел одну, вторую, третью, «на четвертой шибко устал», а волшебники стали над ним смеяться. Ермак взмолился: «Не дай, господи, посмеять-

⁵⁰² Г. Мауэр. Кое-что о чудских городищах //Кунгурско-Красноуфимский край, 1925, №2, с. 8; Н. Белдыцкий, указ. работа, с. 2.

⁵⁰³ Предания реки Чусовой, с. 16-17.

сы колдунам невежественным над честным, животворящим крестом твоим!» Поднял он крест да и пошел на них. Хотят уйти волшебные люди да не могут. Каждый прирос к земле и начал окаменевать. Так и превратились они в утесы»⁵⁰⁴.

Здесь легко прослеживаются элементы традиционного сюжета: «волшебные люди», превращенные Ермаком в горы, дают о себе знать - по ночам слышно, как в горах колотятся сердца волшебников. И в то же время есть элементы, привнесенные идеологией раскольников: над героем насмеются «колдуны невежественные», бог заступает за истинно верующего героя. Мотивировка поступков действующих лиц, смысл их поведения приближают это предание к старообрядческой легенде. И Ермак одерживает победу над врагом не благодаря своей силе, находчивости, но за счет своей кроткости, терпеливости, приверженности христианским идеям. В старообрядческих преданиях Ермак - чуть ли не борец за «истинную веру», по крайней мере, он карает «всякую нехристь», побеждает черта, он сочувственно относится к ревнителям «древлего благочестия» - оставляет для них в виде кладов свои богатства, добытые разбоями⁵⁰⁵. В старообрядческих преданиях Ермак остается всегда неуязвимым - сообщений о его гибели нет. Зато в преданиях, бытовавших среди крестьян, работных людей много говорилось о посольстве казаков и гибели Ермака.

Колоритно рассказано о посольстве у Кирилла Данилова: после взятия Сибири Ермак начал собираться к царю - «шил шубы соболиные» и шапки специально для визита, а затем «со всемя казаки» «отъезжал» к царю, он сам разговаривает с государем. Грозный приказывает «пожаловати» Ермака: он получает право брать с татар «дани-выходы в казну государеву».

С Грозным он почти наравных. А в некоторых более поздних преданиях, относящихся уже к середине XIX века, Ермак при встрече с государем ведет себя даже «царственнее» самого Грозного. Так, по записи П.Н. Рыбникова, Ермак во время аудиенции отказывается от «злата-серебра» и «камней драгоценных», а «богатый наш царь Иван Васильевич ... польстился же, взял куниц-соболей», предложенных покорителем Сибири⁵⁰⁶.

⁵⁰⁴ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. XI, с. 355-356.

⁵⁰⁵ В одном из старообрядческих преданий говорится, что ермаков клад достанется старцу, живущему «по старой вере»: «Когда перестанут веру гнать, тогда придет сюда старец благочестивого жития и станет здесь скит на Ик-реке ставить. Построит келий, амбары всякие, пристани, а на храм божий казны у него не хватит. Ну, тогда он возьмет лодку, выйдет посередь реки и взмолится Ику. Река и отдаст (Ермакову - В.Б.) казну и станут по Ермаку панафидки служить». - В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. IX, с. 76.

⁵⁰⁶ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, изд. 2, М., 1910, т. II, с. 721.

О гибели Ермака знали все - во многом сохранению в народной памяти известий о трагическом конце способствовала ставшая популярной песней известная дума К. Рыльева. Очевидно, ее часто пересказывали в XIX веке, касаясь гибели покорителя Сибири. Но бытовали и различные варианты преданий. В XVIII веке бытовали скорее всего предания, подобные тем, что оказались зафиксированными Кириллом Даниловым и переписчиками, а также создателями вариантов сибирских летописей. По ним герой погибал во время боя после мужественного сопротивления татарам или - бросаясь на выручку товарищам.

Но чем дальше уходили события, тем меньше реальных деталей сохранялось в устных интерпретациях известия о гибели храброго атамана. И в XIX веке на Урале уже бытовало предание о случайной гибели Ермака: в честь признания Грозным его заслуг атаман «задал своим товарищам банкет, на лодках, посередь Иртыш-реки», во время пира он «разгуливал», «перепрыгивал с лодки на лодку, но как-то неспопашелся, оступился и полетел в воду», а царский подарок - «золотой лат в 12 пуд» - «пуще всего и утопил его»⁵⁰⁷. Главный виновник гибели атамана, Кучум, в преданиях XIX века почти не фигурировал, напротив, русские рассказывали даже, что Ермак вытеснил Кучума из его владений и тот скончался где-то на реке Кучу-Мынде. В некоторых преданиях этой тематической группы у Ермака черты житийного героя христианской литературы: он появляется на месте своей гибели в «сияющих доспехах» или в «шубе», которую ему подарил в свое время Иван Грозный.

К повествованиям о гибели атамана примыкали непосредственно и предания о вещах, оставленных им. Возможно даже, что о том и другом рассказывали одновременно, в одном предании. Мы уже останавливались на содержании преданий об оружии, щите, знаменах, хоругвях, иконах Ермака, сейчас только подчеркнем, что существование подобных преданий - факт, свидетельствующий в равной степени и о популярности Ермака и о любви народа к нему.

Народ упорно рассказывал, что покоритель Сибири оставил после себя не только массу вещей, но и подарки свои казакам. В качестве подарков фигурировали в преданиях (главным образом, зауральских) дарственные на «потомственное владение» участками земли⁵⁰⁸. Очевидно, в XIX веке продолжало сохраняться представление о Ермаке как о сибирском царе. Крестьяне Урала называли его прямо «сибирским царем Ермаком Тимофеевичем Бургомировым»⁵⁰⁹. Представление это уходит корнями

⁵⁰⁷ И. Железнов. Сказания уральских казаков. Ермак. //Библиотека для чтения, 1861, март, т. 164, с. 50-51.

⁵⁰⁸ Прогулка по историческим окрестностям Тобольска. //ТГВ, 1881, № 39.

⁵⁰⁹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, М., 1910, т. 2, с. 720.

в XVII век, когда возникли предания о том, что Грозный пожаловал Ермака титулом сибирского князя⁵¹⁰. Ермак в подобных рассказах представлялся как настоящий «мужицкий царь», добрый, щедрый, знающий нужды трудового люда и по заслугам каждого награждающий.

Итак, можно констатировать:

В XVIII-XIX вв. Ермак продолжает оставаться одним из основных героев уральского прозаического фольклора. Уральцы не забывают разбойничью жизнь покорителя Сибири, напротив, представления о Ермаке-разбойнике продолжают интенсивно развиваться, ему «приписываются» разбойные дела других волжских и чаще камских разбойников. Руководитель крестьянской войны Степан Тимофеевич Разин оказывается «сотоварищем» покорителя Сибири. Трудовой люд наделял Ермака такими качествами, какие он хотел видеть в защитнике своих прав, «приписывал» ему такие действия, которые он никогда не совершал в действительности, но, по народным представлениям, мог, должен был совершать как человек, выступивший против социального зла. Социально-политические воззрения народа обусловили многогранность образа Ермака - перед нами многоликий герой, резко отличающийся от того, что был представлен официальной историей XVIII-XIX вв.

В народных повествованиях Ермак - справедливый и гордый разбойник и колдун, знающийся «шишигами»; храбрый богатырь, один сражающийся с полчищами врагов, и обладатель несметных богатств, прячущий свои сокровища для подлинных ревнителей «древлего благочестия»; неутомимый землепроходец, первооткрыватель Урала и борец с легендарной чудью, «нечистой силой», «волшебными людьми»; он - грозный покоритель Сибири и хитрец, действующий обманом; выходец из бедной трудовой семьи и щедрый сибирский царь. Для того, чтобы выразить все свои представления, народ вводит в устную историю о покорителе Сибири новые сюжеты - некоторые заимствуются из других циклов и переосмысливаются, некоторые разрабатываются непосредственно на Урале. Продолжают оставаться в устной истории и традиционные

⁵¹⁰ Исследователи отмечали, что народ создавал предания о Ермаке-князе «ради пущего возвеличения безродного Ермака». - Н.Н. Балкашин. Был ли Ермак пожалован в князья? //Записки Западно-сибирского отдела РГО, Омск, 1880, кн. 2, с. 12. Следы народных представлений о Ермаке-князе в различных источниках XVII-XVIII вв. указывает А. Оксенов. См.: А. Оксенов, Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа. //Сибирский сборник, приложение к «Восточному обозрению», 1886, ч. 2, с. 53. См. также: К вопросу был ли Ермак Тимофеевич пожалован княжеским титулом. //Донской голос, 1881. № 40.

Кстати отметим, что, как у всякой популярной личности, у Ермака были «потомки». См.об этом: Новоявленный потомок Ермака. //Восточное обозрение, 1885, № 27; Заметка о потомке покорителя Сибири. //Восточное обозрение, 1883, № 8.

сюжеты, одни живут без изменения, другие обрастают местными деталями. Таково было содержание и характер обрисовки главного героя до начала XX века. Теперь обратимся к повествованиям XX века.

В XX в. по-прежнему бытуют, хотя и в незначительном количестве предания, в которых можно найти известия о детстве, юности героя. Взятые вместе, эти предания представляют Ермака выходцем из трудовых низов, ушедшего в поисках вольной жизни «в разбойники». Правда, рассказчики иногда по-разному толкуют происхождение покорителя Сибири, связывая его даже с родом «чусовских казаков», вообще стремлении людей подчеркнуть уральское происхождение героя очень ощутимо⁵¹¹.

Есть еще предания, в которых традиционно обрисовывается разбойничья деятельность Ермака. Он занимается на Волге, Оке и Чусовой «грабежом», «разбоем». Но он - благородный разбойник: он «пароходы купеческие грабил, отбирал у них деньги, золото»⁵¹², когда жил в пещере на Чусовой, то оттуда «стрелял из пушки по баркам, чтобы добыть добро», некоторые барки отпускал, если хозяин откупался, другие - грабил, причем, грабит Ермак не только купеческие, «помещичьи» суда и пароходы, но и «царские барки», добычу же он с казаками делил, а остальное отдавал народу. Простому люду он не только помогает, но даже защищает его - новая интонация в характеристике Ермака: «бедного человека он не трогал, богатых грабил» начнет кто народ прижимать, так он его и прижмет, защищал народ, он не тихонько дело вел - о нем правительство знало». Акцентированы также в некоторых преданиях караящие действия атамана: он купцов поднимает в пещеры на веревках и «казнит их в камне»; в части преданий разбойничья деятельность героя протекает не на Волге, а на Чусовой не потому, что его застала зима по пути в Сибирь, а потому, что он «что-то загрезил в своей стороне, кого-то пограбил, вот ему и пришлось бежать на Чусовую»⁵¹³.

В то же время нужно сказать, что подавляющее большинство имеющих в вашем распоряжении преданий говорит о разбойничьей деятельности Ермака очень глухо или неопределенно: не указывается, где, с кем, как разбойничал Ермак, упоминается только, что «он был разбой-

⁵¹¹ Для сравнения скажем, что такой характер обрисовки юности, отрочества Ермака, его происхождения оказался очень устойчивым не только в уральских, но и в сибирских преданиях - причем, в последних не только для Ермака, но и для Разина. См.: Русский фольклор Восточной Сибири. Часть II, Народные предания. Улан-Удэ, 1960, с. 436, 439, 440-442, 445-446; Л.Е. Элиасов. Байкальские предания. Улан-Удэ, 1966, с. 58, 64, 183-185, 189, 190.

⁵¹² Уральский фольклор, Свердловск, 1949, с. 161.

⁵¹³ Предания реки Чусовой, с. 40, 41, 46, 51.

ником раньше», «грабежи делал, потом в Сибирь направился» и т.п.⁵¹⁴ Совершенно очевидно, что в народном сознании сохранилось представление о Ермаке, волжском разбойнике XVI века, однако, его образ стал в значительной степени «общим», расплывчатым. Многие уральцы в настоящее время считают, что «дружина Ермакова была сформирована на средства графов Строгановых», что «Ермак пошел от Строгановых» в Сибирь, «Строганов подобрал его и направил против татар», что «купцы Строгановы Ермаку помогли» организовать сибирский поход, когда он «пожелал очистить свой грех». Иногда о взаимодействиях казаков и Строгановых рассказывают более подробно: «Здесь в то время вогулы все нападали на графа (Строганова - В.Б.). Ермак договорился с ним: «Дай снаряжение, я их угоню». Тот дал. Тогда Ермак больше подобрал казаков, вот они и пошли». Ермак даже поучает Строгановых относительно того, как вести себя с царем, если он узнает о «призыве» волжских разбойников: «Ермак попросил у Строгановых оружия, но они боялись царя и отказали ему. Он и научил их обмануть царя, послать к нему послов и сказать, что напал на них Ермак и все оружие у них забрал, царь поверил этому». Итак, можно сказать, что в части преданий отношения Ермака со Строгановыми освещаются традиционно. В то же время в другой части преданий о связи Ермака с камскими солепромышленниками даже не упоминается или вместо Строгановых фигурируют купцы Аксеновы или граф Шувалов.

Продолжают бытовать предания, сохранившие сведения прошлых столетий: «Он с дружиной поднялся с Волги по Каме до устья реки Чусовой. Потом и вверх по реке Чусовой пошли. Не дошли до деревни Копчик километров семь, их застигла зима. Они сделали тут зимовку, в пещере, поднялись до устья реки Серебряной, через Уральский хребет надумали переправиться. Тащили эти лады свои на себе. Вышли они в верховья реки Горовой по сю сторону Урала и спустились в реку Баранчу во время осеннего разлива. Отсюда в реку Тагил, из Тагила - в Туру. Когда они по Баранче-то вышли в Тагил-реку, они опять зимовали на Медведке». Здесь сохранена основа уральских преданий XVII-XVIII вв.

Сейчас бытует много преданий, в которых продвижение Ермака по Уралу: смещено резко на Север. К примеру, по записям сделанным в Кушвинском, Ивдельском р-нах Свердловской области, маршрут ермаковцев выглядит так: Волга, Кама, Вишера, волок в Сосьву (или Лозьву), Тавда, Тобол, Иртыш. «От стариков слышали: проплыл здесь Ермак со своей силой по Лозьве,... с вершины Лозьвы плыл, а туда попал через

⁵¹⁴ Е.М. Блинова, В.П. Бирюков, П.Н. Домрачев. Уральские предания. //Челябинский рабочий, 1939, 15 сентября, № 212.

Вишеру. Плыл на плотях. Так и проплыл в Тавду», - гласит одно из преданий Северного Урала. В отношении подобных преданий можно сказать, что в них приписывается движение Ермака по маршруту, которым пользовались русские уже в конце XVI в⁵¹⁵. В старинных сосьвинских селах, - пишет В.Головко, - сейчас еще можно услышать интересные рассказы о походах русских через Поясовой камень (Урал) по Сосьве и Тавде в Пелымское княжество, на Тобол и Иртыш⁵¹⁶.

В преданиях можно встретить частые указания на способ передвижения ермаковцев. Обычно рассказывают о водном пути, подчеркивая, что у покорителя Сибири были «струги», «лодки», «большие лодки», «ладьи», «челна», «челноки», «корабли». Или говорят, будто Ермак «плыл на плотях», или «... в Тагиле он строил барки-те, ... а плыли они до этого на лодках»; или еще так: «Ермак на барже ехал». И лишь в немногих преданиях указывается, что покоритель Сибири только по Чусовой, Серебрянке проплыл, а потом добирался до Иртыша «сухопутьем» или вообще на конях ехал через весь Урал («шел он Кунгурским трактом от Перми на Сибирь»)⁵¹⁷.

Сейчас уральцы почти совсем не рассказывают о борьбе Ермака с легендарными аборигенами края - «чужаками». Очевидно, это связано с всеобщим затуханием преданий о чуде. Однако известный «чудской» сюжет (чудь при приближении Ермака (белых людей) «уходит» в землю) еще не исчез. Он вошел в народную историю о Ермаке с заменой «чудь-татары». Особенно это заметно по преданиям Тюменской и северо-востока Свердловской областей, «Когда Ермак воевал с Кучумом, то татары ставили 4 столба, делали настил, накидывали много-много земли на настил, за столбы привязывали веревки. Сюда они приносили все свои ценности... Ермак подходит близко, татары за веревки сдергивали стойки. Крыша падает и их хоронит живьем вместе с детьми и всем своим хозяйством. Ничего не оставляли Ермаку». На Туре рассказывали также, что при приближении Ермака «татары выкапывали глубокие ямы, делали подземные ходы, укрепляя их столбами, потом уходили под землю, подпиливали столбы и погибали»⁵¹⁸. Разумеется, что и сейчас этот сюжет может иметь конкретное прикрепление. Так, рассказывают, что в Туринском районе на месте деревни Золотуха жили татары, у которых было много золота. Когда Ермак разбил Ира и Епанчу, «татарских ата-

⁵¹⁵ "...От Чердыни по Колве, а от Соликамска по Каме на Вишеру, затем по рекам Белсу и Чуролу волоком на реки Тальчий, Ивдель и Лозьву, по Лозьве на Тавду и Табол" - В.В. Мухин. Ермак Тимофеевич. Пермь, 1957, с. 11.

⁵¹⁶ В. Головко. Вдоль берегов уральских рек. Свердловск, 1961, с. 36.

⁵¹⁷ Предания реки Чусовой, с. 40, 42, 43, 46, 48.

⁵¹⁸ Н. Василенко. На плотях. //На смену!, 1940, № 161.

манов», то все татары забрали золото и заживо похоронили себя в специально вырытых ямах.

Рассказов о борьбе Ермака с вогулами почти не сохранилось. Лишь в некоторых местах можно услышать замечания о том, что Ермак громил вогулов, которые его «не пускали» в Сибирь, так он их «оглоблей крестил». На реке Утке будто бы остались их «могильники». Довольно часто можно услышать предания, согласно которым коренными жителями Урала были будто бы не ханты и манси, а татары, «кучумы». Так, чусовляне считают, что до Ермака на Чусовой жили именно татары, которых будущий покоритель Сибири «бил», «воевал», «усмирал», поскольку они его «ненавидели». Чусовские татары будто бы впервые увидели огнестрельное оружие у Ермака и решили, что он – «шайтан». Даже жители тагильских деревень считают, что первоначальниками их мест были не вогулы, а татары и их Ермак также «завоевывал», «выгонял». А на территории нынешнего Красноуфимского р-на Ермаку, по преданиям, пришлось сражаться с татарским отрядом, возглавляемый атаманом Шайдуком⁵¹⁹.

Предания о борьбе Ермака с татарами продолжают сейчас широко бытовать особенно в Тюменской области. В этих преданиях Ермак предстает решительным, смелым воином. Он наводит на татар панику своей дружиной, в которой «мужики подобрались порные, не то что молодняк какой», с этой дружиной Ермак загоняет татар в болотистые места верхнего Вагая, к озеру Большой Уват, а чтобы они оттуда не вышли, он «на Вагае дозор оставил: поселил сколько-то своих воинов, с тех пор эта деревня называется Ермаки, это недалеко от деревни Домниной». Но сначала «Ермак погнал татар от Тобольска. Они стали селиться по Иртышу, места мало, татар много. Решили татары, чтобы не было спора, сделать так: вот стоит селение, пусть от него из твоей семьи самый старый человек бежит, сколько пробежит, столько и есть твоей земли. А много ли старик или старуха пробежит? Километра 2-3. Говорили, что некоторые старики до смерти загоняли себя. Бежит-бежит, сил уж нет, упадет, а еще и шапку снимет и бросит вперед себя - и это, мол, моя земля тоже. Так татары по Иртышу и расселились: часто. Ну а Ермак потом решил их еще и с Иртыша подвинуть». Татар он «подвинул» в верховья Вагая, Иртыша, а «Кучума ихнего вышвырнул под Омск». Причем Кучум долго сопротивлялся: «Возле нашей деревни есть два болота, одно называется Кучумовское, другое - Ермаковщина. Старики говорили: когда Ермак с Кучумом воевал, то свои войска держали в этих

⁵¹⁹ См. подробнее: В.В. Блажес. Уральские предания о Ермаке. //Вопросы истории и теории литературы. Н-Тагил, 1969, с. 171-188.

болотах - это как стоянки у них там были. Дрались долго, не один год. Ермак одолел Кучума, тот собрал своих татар и увел их вверх по Иртышу». Кое-кто из татар «в маленьких шайках» остался бродить «в лесах» по Иртышу, а основная масса, согласно русским преданиям, ушла с Кучумом. Любопытная деталь эпического характера: когда татары шли у Карагая, то они бросили котел: «большой котел, на триста ведер; несли его: перевернут кверху дном, триста человек на плечи берут, потом устали его тащить, бросили». Таким образом, можно сказать, что и в XX веке Ермак продолжает оставаться в народной памяти храбрым завоевателем уральских и сибирских земель. Причем, рассказывая о Ермаке, люди используют «старые» сюжеты⁵²⁰.

Одни рассказчики считают, что хитрость с «соломенными людьми» Ермак применил на Туре: татары узнали, что «воитель идет», «стрел настроили, а стрелы они оковали железом; когда он пошел по Туре на барках, взял ржаные снопы, на барки поставил, одел их в солдатскую одежду и стал отпускать по реке. Когда снопы-то поплыли, татары и давай стрелять по ним, Когда все лука-то выстрелили, им и стрелять нечем стало. Вот Ермак всех тут и забрал». В устах других этот мотив несколько трансформируется: «Если надо Ермаку городишко взять - слободы назывались, так он всю одежду снимет со своих казаков, сделает чучела, поставит, и сами они встанут, так много получалось народу. Вот ведь! Верхнюю одежду пользовали, чтобы запугать, чтобы сдались татары».

К числу традиционных относится также сюжет, рассказывающий о борьбе Ермака с некоей богатыршей: «В этих местах (возле дер. Новожиловой на Тагиле - В.Б.) на берегу в хатке проживала страшная разбойница. Была она богатырем, разъезжала в золотой карете, запрягая Сивку. Вдруг она слышала: много вооруженных людей с пищалями плывут вниз по Тагилу. Бросила (она) в реку огромный камень, о который и разбилась одна из барок Ермака. Рассердился Ермак Тимофеевич и послал на разбойницу отряд. Погнались за ней ратники. Сивко забежал в болото и увяз. Тут ее и убили»⁵²¹.

Очевидно, что перед нами еще одно свидетельство былой эпической характеристики героя.

Очень распространенным продолжает оставаться предание о пребывании Ермака в труднодоступной пещере чудовского камня. Рассказчики упорно повторяют этот красочный сюжет, акцентируя выносливость,

⁵²⁰ Западносибирские предания. //Ермак Тимофеевич – славный сын Земли Русской: Летописные материалы. Народные песни. Предания. – Сост. и примеч. В.П. Кругляшовой. Свердловск, 1989, с. 117-120.

⁵²¹ Е. Новоселов. Легенда. //На смену!, 1940, № 55.

силу, ловкость атамана. По-прежнему упоминается веревка, по которой будто бы лазил Ермак в «дыру».

Иногда пещера характеризуется как жилая комната: «В камню-то он долго жил. Там у него комната была. Окошко на Чусовую среди камня. Ход с горы в эту комнату был. Он тут много годов жил». Вход в «комнату» Ермак очевидно, прикрывал «большушей чугунной плитой», а когда «поехал» в Сибирь, то «заход завалил камнями»⁵²². Пещера по современным преданиям, была не только местом зимовки (временного отдыха) Ермака (или его дружины), но и место засады. В ней он прятался и неожиданно нападал на вогулов и татар⁵²³. Как видим, вогульский вариант ермаковского предания XVIII в. оказался полностью переосмысленным.

Вообще почти во всех чусовских преданиях упоминается Ермак-камень и, видимо, главным образом потому, что особенностью его является многократное эхо. Но если еще в конце XIX в. считалось, что в пещере живет «дух» покорителя Сибири и чтобы он не рассердился, его нужно приветствовать выстрелами из фальконеток или, на худой конец, криком, то сейчас представления о «духе» Ермака исчезли из народного сознания.

Уральцы считают, что Ермак, находился во многих местах Урала: он «с войском ел» у камня Дыроватого на Чусовой, «лагерь его располагался на горе, которая потом стала называться Шайдуковой», на Тагиле есть место - Привалы, так там Ермак «с ополчением отдыхал», а «пониже - береговой лог Барка, где у Ермака разбило груженую большую лодку», еще одна остановка для отдыха была у казаков возле тагильской деревни Шмаково, у мельницы, а вот «против Кваршиной (на Тагиле – В.Б.) есть пещера, она походит на жилье, в ней Ермак жил с отрядом», «между Ослянкой и Серебрянкой зима захватила Ермака, так он построил барак, где зазимовал», возле Медведь-камня Ермак строил плоты и жил там тоже в пещере.

Следует также отметить бытование преданий о камнях-писанцах. Во время фольклорных экспедиций УрГУ удалось зафиксировать около двух десятков подобных преданий, но лишь в одном районе - в населенных пунктах, расположенных на берегах реки Тагил. Все предания этой тематической группы утверждают принадлежность идеографических рисунков покорителю Сибири. «Ермак оставил надписи и у нас на камне Писаном. За Камельской еще есть камень с рисунками, которые Синим зовут, которые Сокольеvским; «Вон возле нашей деревни стоит Соко-

⁵²² Предания реки Чусовой, с. 42, 49, 52.

⁵²³ Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка, с. 52, 53.

льевская гора, на ней Ермак надписи оставил и нарисовал всякие фигуры: конь, утка, змея, козел там. Я была маленькая, так фигуры эти видно было с другого берега. Ало-ало. А сейчас потускнели, будто не так знатно стало». Приведенные предания - типичные для данной группы. Очевидно, они продолжают бытовать лишь за счет факта существования рисунков. Считается, что надписи сделал Ермак. Какого-то иного смысла или объяснения тагильчане в эти предания сейчас уже не вкладывают.

Продолжают бытовать также рассказы о кладах, оставленных Ермаком. Любопытное предание записал журналист С. Тельканов. Это предание скорее кладоискательское, корнями оно уходит в рабочий фольклор Урала XVIII-XIX вв. Горщик Е.М. Овчинников рассказал о своей попытке взять Ермаков клад. «Говорили, что в Бужениновом логу Ермак Тимофеевич лодку с золотом оставил. Сказывали, на счастливого зарыта. Вот и пытали наши деревенцы, кому той лодкой владеть положено. Пойдут в лог, начнут шахту бить — как хлынет нивесьть откуда вода, только ту ямку и видели. А иным блазило такое, что и не рассказать. Я тоже к тому счастью наведывался. Иду... Солнышко светит, зелено кругом. Прихожу в Буженинов лог, крещусь и говорю: "Свят, свят, свят. Отойди, нечистая сила. Покажись ермакова лодочка", - и заступом в землю. Копал, копал, добрую ямку выдолбил и решил отдохнуть. Разогнулся, поглядел кругом и ахнул. И что такое совершилось, сам понять не могу. Пришел до полдня, меньше часа поковырялся, а уж так темно стало, будто ночью осенней, хоть глаз выколи. Что, думаю, за притча такая? Вдруг опять стало светло. Только увидел лес - враз кругом потемнело. А тут еще как со всех сторон зашумит да засвистит, да заорет, будто три деревни пьяные ходят. Я со страху чуть в землю не врос. Ну, думаю, тут без недобрых людей дело не обходится. Плюнул на ямку, схватил заступок, да со всех ног домой. Не помню, как на лавке в переднем углу оказался. С тех пор в Буженинов лог ходить закаялся. А Ермакова лодка и сейчас там лежит. На счастливого, говорят, зарыта"⁵²⁴. И в настоящее время еще можно услышать на Урале предания об оставленных Ермаком лодках, полных добра. Так, возле Чусовской деревни Мартьяновой находили будто бы оставленную Ермаком и Иваном Кольцо «лодку-завозню», полную медных денег: когда они шли в Сибирь, то хотели эту лодку «сплавить книзу да не пришлось», лодку находили лет пятьдесят назад,» деньги были в мешках,...заросли, никто их не шевелил, боялись пошевелить что ли»⁵²⁵. В других современных преданиях фигурирует не Ермакова лодка, а «полубарок», который «был увезен и в горе зако-

⁵²⁴ С. Тельканов. Рассказы горщиков. //На смену!, 1941, № 57.

⁵²⁵ Предания реки Чусовой, с. 50.

пан» покорителем Сибири, называется и гора - Быстринская на Чусовой; причем тех, кто желает найти Ермаков клад в пещере камня Ермак, там встречает «белая барыня», которая предупреждает, что «золота» в пещере нет». Очевидно, что традиционный образ хозяйки горных богатств горнозаводского фольклора в трансформированном виде еще сохраняется в XX в. Чаще всего место хранения ермаковых богатств - пещера чусовского камня, в ней будто бы были спрятаны не только «сокровища», но и оружие: «на веревках лишнее оружие поднял Ермак и спрятал». Называются и другие места, где Ермак зарыл свои «богатства»: Чизма, Рассольная⁵²⁶.

Почти все современные рассказчики или вставляют в свои повествования сообщения о гибели Ермака (главным образом, в виде реплик: он погиб в Сибири; утонул в Иртыше) или посвящают этому событию весь свой рассказ.

В подавляющем большинстве преданий речь идет о гибели атамана в Иртыше во время боя с татарами. В обрисовке обстоятельств последнего боя рассказчики очень подробны: единодушно отмечается, что нападение на лагерь ермаковцев произошло внезапно ночью, в «сырую дождливую погоду», что все казаки спали, не выставив караульных (вариант, заимствованный из рылеевской думы и несколько трансформированный: все казаки спят, один Ермак бодрствует, сидит на берегу Иртыша и думу думает), когда татары напали, то перебили почти всех русских сонными, лишь Ермак проснулся и решительно вступил в битву, но был оттеснен к реке, пытался спастись вплавь, кольчуга же «утащила его на дно». Эта общая схема преданий о гибели Ермака⁵²⁷. Она дает рассказчикам возможность показать силу, храбрость Ермака. И очень часто эта сюжетная схема дополняется какими-нибудь деталями, личными рассуждениями рассказчиков, иногда вводятся безымянные персонажи; выполняющие различные функции, иногда присутствуют известные книжные сведения.

В других преданиях можно найти традиционные мотивы и новые: чтобы укрыться от дождя, казаки сделали шалаши «из своих халатов, кафтанов», когда татары русских оттеснили к воде, Ермак решил схитрить: «видит Ермак, что обмануть нужно татар, пока, мол, отступаем на лодках, сам - отплыл, а был в кольчуге, не успел ее сбросить»; упоминают

⁵²⁶ А.Б. и Г.Л. Чусовские. По Чусовой. М., 1930, с. 56, В.А. Воробьев. Чусовая, М.-Л. 1932, с. 135; Н.Ловцов. По горнозаводскому Уралу, М.-Л., 1931, с. 74; В помощь туристу по Уралу. Сборник статей. Свердловск, 1928, с. 44.

⁵²⁷ Исключения есть, но они единичны. К примеру: «Утопили его татары в Иртыше. Он кольчугу носил 12 пудов. Ни пуля, ничего его не брало. На Иртыше его и караулили: Вскопили к нему в лодку, камень привязали и утопили его» - Предания реки Чусовой, с. 49.

ся и заранее отогнанные татарами ермаковские «челны» и «тайные тропы» в стан казаков, известные только татарам, фигурируют также и слегка трансформированные мотивы древних татарских легенд, зафиксированных еще С.У. Ремезовым: «Тело Ермака выплыло в другой деревне, татары его выловили, положили на стол и стали стрелять стрелами. Это они наслаждались». Вымышленные герои в этой группе преданий - главным образом, предатели, тайные враги Ермака. К примеру, рассказывают о некоем «подручном» Ермака, который оказался «изменником» и не подогнал лодку в критический момент сражения, потому-то атаман и вынужден был пуститься вплавь, или излагают выдуманные сведения о мести Кольцо; у Ермака была красивая сестра, в нее, разумеется, влюбился Кольцо, а «Ермак не разрешил», Кольцо и продал его Кучуму», упоминается даже «сожительница» Ермака: эта была татарка, с ней он «связался в Сибири», однажды она узнала, что ружья казаков в ненастье не стреляют, «потому как порох становится сырой»; все это она передала татарам и те специально выбрали для нападения дождливую ночь, когда казаки были по сути дела безоружными, и «порубали их кривыми саблями». Рассказывают, что после длительных боев осталось «уже мало народу», «роты две, не больше» да и те были «устамши», «сонные» и атаман один отражал нападение противника; или очень подробно повествуют о том, как атаман плавал по Иртышу: «Дружина успела в лодки заскочить, а на самого Ермака-то шибко много татар насело, пока он их разгонял, замешкался, не успел в лодку прыгнуть. Но поплыл он через Иртыш, думал, что на другом берегу их нет. Подплыл он к другому берегу, а там их видимо-невидимо, и все стрелять в него начали, не хотят пускать на берег. Пришлось Ермаку завертаться. Подплывает он к одному берегу, посмотрит, что нет ему возможности выйти на берег, завертает, да к другому. Плавал он, плавал, устал, да и то все бы ничего, если бы на нем кольчуга не была. Тяжелющая кольчуга, ровно четыре пуда тянула. В ней и ходить-то не каждый мог, не то чтобы плавать, да еще в холодной воде, когда руки-ноги сводит от холода. Ну, а Ермак-то богатырь был, ходил в ней легко, а вот плавать устал... Кольчуга утащила его на дно Иртыша»⁵²⁸. Понятно, что это плавание не обычного человека, но героя-богатыря. Эпический колорит в этом предании легко ощутим.

Очень интересными являются также зауральские современные предания о гибели Ермака. В них довольно хорошо сохранилась основа преданий прошлых столетий и они так же подробны при характеристике обстоятельств гибели героя. «Ермак по Вагаю на сто километров вверх прошел. Только видит, татар нет - они в болота, к озерам ушли - он

⁵²⁸ Предания реки Чусовой, с. 47.

назад вернулся. В Тобольск опять пошел. Дошел до устья Вагая, остановиться вздумал переночевать. Татары - из кустов на сонных. Конечно, с сонным человеком все шутя... Ну, перекололи всех русских, кого в Иртыш, кого в Вагай - куда сподручней - всех перебросали. Сам Ермак раненый поплыл по Иртышу. Ну разве переплывешь! Потонул». Другие рассказчики добавляют, что последний бой был поздней осенью, когда на Иртыше уже был лед: «Ермак хотел по льду перейти и лед его подвел»⁵²⁹.

Подобных преданий можно было бы привести немало, но так как они в общем-то резко не отличаются от преданий Среднего Урала, то мы на них подробно останавливаться не будем. Отметим лишь современные татарские варианты. В них Ермак - не просто сильный и храбрый атаман, но атаман-богатырь и «отмеченный богом», поэтому татары хоронят его с почестями, «чтобы не гневить бога». Существовавший когда-то среди татар запрет на сообщение русским сведений о гибели Ермака сейчас, конечно, «снят», поэтому сами татары рассказывают: «Похоронили его в Баишевских юртах, на кладбище. Могила огородили. С тех пор к тому месту ходят почитать его. Там, где Ермак лежит, считается священное место, каждый татарин должен там побывать. Раньше в Баишево мулла специально жил, принимал подарки; ... давали ему кто - петуха, кто - гуся, а богатый и теленка не жалел. И сейчас мулла есть, только он уже не ездит - запрещают, а старики до сих пор ему подарки носят, он принимает потихоньку. Ходят на молитву в Баишево в любое время: хоть зимой, хоть летом, у кого когда есть путь в ту сторону. А кто и специально ходит. Там кладбище считается священным, в центре, где лежит Ермак, сарай - это могила Ермака». Татары также говорят, что Иртыш изменил русло, подмыл берег и «уже половину кладбища унес, скоро и до Ермака доберется: возьмет его второй раз». Рассказывая о гибели и месте захоронения покорителя Сибири, татары тем не менее никого из русских не водят к «священному месту» на Баишевском кладбище и ругают тех, кто это делает. Этот же запрет сохраняется и для татарок: «когда муж привез меня в Баишево, то на кладбище сводил, показал, где могила Ермака, так его потом татары очень ругали: зачем повел женщину на святое место, зачем его осквернил»⁵³⁰.

Можно сказать на основании вышеизложенного, что хотя предания о Ермаке еще продолжают бытовать, они стали по своему содержанию

⁵²⁹ В.В. Блажес. Уральские и зауральские предания о Ермаке. //Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Вып. 1. Уфа, 1974, с. 240-250.

⁵³⁰ В.В. Блажес. Уральские и зауральские предания о Ермаке, с. 245, 247, 248.

беднее, многие традиционные мотивы и сюжеты уже исчезли. Так, совсем не встречаются мотивы: А2, А7, Б1, Б2, В1, В4, В7, В8, Г2, Г3, Д2, Ж1, Ж2, З1, К2, К3, М4, М6, О1, О2, О3, П1, С3, Т2, Т5, Т7, Т9, Т10, Т11-Т15, У1, У3-У12, У15-У18, У20, Ф2, Ф4, Ф5, Х4, Х7-Х10, Х12-Х15, Ш1-Ш3, Щ1, Щ4, Щ5, Щ6, Э1, Э3. Поэтому справедливо говорит В.К. Соколова в рецензии на сборник чусовских преданий: часть ермаковских преданий забыта, «почти полностью исчезли из них фактические мотивы, объяснение событий вмешательством сверхъестественных сил»⁵³¹. В то же время другая часть преданий, меньшая, еще сохраняет некоторые традиционные мотивы, сюжеты. И в них Ермак - это борец за благо народное, былой защитник прав трудового люда, завоеватель Сибири.

⁵³¹ В.К. Соколова. Предания реки Чусовой. //Урал, 1962, № 7, с. 164.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ПРОЗЫ О ЕРМАКЕ

Раскрывая содержание несказочной ермаковской прозы, рассматривая процесс возникновения, развития, трансформации основных сюжетов и мотивов, мы попутно характеризовали поэтические особенности. Логика изучения материала подводит к тому, чтобы подытожить сказанное и подробнее остановиться на поэтике преданий, легенд.

Мы показали, что еще до сибирского похода существовал прозаичней фольклор о Ермаке. Это были или первоначальные предания о волжских разбоях, или рассказы-воспоминания казаков, отставших от отряда Ермака и, возможно, перешедших на службу к Строгановым. В этот фольклор входили и пересказы уже существовавших исторических песен. Циркулировали также «слухи, толки», разного рода предположения, догадки. К сожалению, письменные источники донесли скудные сведения о слухах конца XVI в., но упоминания все-таки есть, к примеру, были слухи о грабеже кызылбашских послов «и прежде и в те лета», или слух, дошедший до царя о начале похода в Сибирь⁵³².

В Приуралье в начале 80-х гг. XVI в. определенно распространялись рассказы местных жителей о пребывании Ермака в вотчинах Строгановых, о его взаимоотношениях с ними, об уходе казаков в Сибирь. Но о самом походе точной информации не было. Правда, можно предположить, что сведения о продвижении ермаковцев по Уралу могли проникать через вогул, за счет которых казаки иногда «кормилися». Или кто-либо из ермаковцев (по болезни, ранению) мог возвращаться с мест стоянок, зимовок и приносить известия. И в летописи есть упоминание о том, что Строганов знал о продвижении казачьего отряда по Уралу («точно слухом от приходящих пренесеня слово, како в воинстве и о всем слышно ему (Ермаку – В. Б.) в удаче»⁵³³).

Начало организации всего этого разнородного в жанровом отношении материала в цикл происходит не ранее 1585-84 гг., ибо в это время через Урал дважды прошло казачье посольство к Грозному (или к Строганову - для нас не имеет особого значения) и военный отряд, возглавляемый С. Волховским и И. Глуховым, посланный в помощь Ермаку. Казачьи послы принесли достоверные известия о ходе сибирской эпопеи, о признании царем важности совершенного «волжскими ворами» дела, а проследовавшие по Уралу 500 солдат князя Волховского основательно подтверждали слова ермаковцев. Известие о поражении Кучума

⁵³² Сибирские летописи, с. 313, 314.

⁵³³ Сибирские летописи, с. 314-315.

послужило толчком к циклизации, к стягиванию всех рассказов, слухов, толков, первоначальных волжских преданий к одному имени, одной личности. Это известие сыграло роль своеобразной «завязки» в истории образования цикла, оно «идейно организовало» весь прозаичный фольклорный материал. После такого известия Ермак в представлении народа сразу стал национальным героем, завершившим многовековую борьбу русских с татарами. При этом игнорировался тот факт, что победа Ермака над татарами не была окончательной. Даже военная экспедиция 1584 года оказалась безуспешной, она была неважно подготовлена, поэтому татарам удалось потеснить русских, которые попали в трудное материальное положение (сам князь С. Волховский умер от голода и болезней). Русские, оставшиеся в живых, вернулись в 1585 году в Россию. Вместе с правительственными силами пришли, вероятно, и многие ермаковцы: Строгановский летописец сообщает, что после гибели Ермака «не по мнозех днех атаман Матфей мещеряк со оставшими казаки поидоша на Русь»⁵³⁴. Кучум был окончательно разбит лишь в 1598 году. Но народное сознание эти факты отбросило как не имеющие принципиального значения, поэтому в фольклоре они не получили отражения.

Когда мы говорим о «завязке» истории цикла, то имеем в виду и то, что со середины 80-х гг. XVI в. начался процесс образования преданий. Предания, составившие «ядро» цикла, выросли несомненно на основе рассказов участников событий.

Ермаковцы были на Урале и в Сибири главными информаторами. Они выступали в этой роли не только в конце XVI в., но и в XVII столетии вплоть до середины 20-х гг. Известны имена некоторых участников сибирской эпопеи, их судьба. Так, в конце XVI в. была создана в Тобольске особая «старая сотня», в которую входила и «часть сподвижников Ермака»⁵³⁵. Служил еще в начале XVII в. ермаковец Григорий Ясырев⁵³⁶; другого ермаковца звали Семен Федорович Шемелин, правда, он после гибели Ермака вернулся в Россию, но в Тобольске в начале XVII в. жил его сын, а в 40-х гг. внук Ульянов Козьмин⁵³⁷. Кстати безымянные ермаковцы тоже фигурируют в деловых бумагах Сибирского приказа⁵³⁸. Некоторые, очевидно, безродные дружинники Ермака в начале XVII в. ушли в Успенский и Знаменский монастыри (оба находились недалеко от Тобольска); ермаковцы постриглись в монахи потому, что были «увечные»

⁵³⁴ Сибирские летописи, с. 38.

⁵³⁵ П.Н. Бучинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, с. 1.

⁵³⁶ Н.Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.) часть I. Документы воеводского управления. М., 1895, с. 284.

⁵³⁷ Н.Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.) часть III. Документы по сношениям местного управления с центральным. М., 1900, с. 141.

⁵³⁸ Там же, с. 140.

или «очми обнищали»⁵³⁹. В 1622-24 гг. еще оставались на службе двое ермаковцев, одного из них звали Гаврила Иванов⁵⁴⁰. О том, что дружинников покорителя Сибири считали основными информаторами, свидетельствует обращение к ним в 1621 году архиепископа Киприана Старорусенкова, чтобы составить синодик, он «повеле распросити ермаковских казаков, како они приидоша в Сибирь, и где... были бои, и ново где убили... в драке»⁵⁴¹. И ермаковцы, по праву гордясь своими заслугами⁵⁴², составили специальное «написание» о завоевании ими Сибири.

Наконец, если прав автор Лихачевского списка «Слова о Сибирской стране» в том, что в Приуралье к дружине Ермака «присташа многие пермечи»⁵⁴³, то оставшиеся в живых могли вернуться домой и рассказывать о сибирском походе. Наличие дружинников Ермака в Приуралье в начале XVII века представляется вероятным еще и потому, что в местной Кунгурской летописи исследователи находят следы рассказов «представителей казачьей среды», «участников похода или очевидцев»⁵⁴⁴.

Велика роль рассказов-воспоминаний в судьбе цикла, всей народной истории о покорении Сибири. Как уже было отмечено, само их появление дало толчок к циклизации. В дальнейшем, вплоть до середины 20-х гг. XVII века, они, очевидно, служили своеобразным «эталоном», по которому народная молва могла «корректировать» свою информацию о сибирском походе. Правда, это могло быть лишь в узкой среде, где жили ермаковцы. А по всей обширной территории Приуралья и в разбросанных зауральских селениях уже во второй половине 80-начале 90-х гг. рассказы-воспоминания скорее всего подвергались значительным изменениям и становились преданиями.

Поэтому детально следует охарактеризовать жанровую специфику преданий. Начнем с рассмотрения отношения самого народа к преданиям.

Здесь будет уместно вспомнить слова талантливого уральского сказателя Хмелинина, репертуар которого послужил основой многих сказов П.П. Бажова: «Сказка - это про пола да про попадью, про курочку и

⁵³⁹ Там же, с. 230.

⁵⁴⁰ Там же, с. 229. См. также: П.Н. Бущинский, указ. работа, с. 108-109; А. Коровин. Ермаковы казаки. - «Уральский следопыт», 1969, № 10, с. 51.

⁵⁴¹ Сибирские летописи, с. 163.

⁵⁴² Во всех документах, описанных П.Н. Бущинским и Н.Н. Оглоблиным, подчеркнута принадлежность того или иного казака к ермаковской дружине.

⁵⁴³ Н.А. Дворецкая. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII веке - ТОДРЛ, Т. XIV, М.-Л., 1958, с. 333.

⁵⁴⁴ Е. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с. 95, 98.

прочее. Это вот сказка. А тут вовсе другое. По сурьезному делу сказ этот тайный. Его и говорить с опаской надо. Не всякому можно»⁵⁴⁵. Хмелинин рассказывал обыкновенные предания, хотя и называл их «сказами». Но главное - он передавал предания не ради развлечения, забавы, а для сообщения слушателям достоверных, важных с его точки зрения сведений. Сам Хмелинин считал, что говорил только правду и искренне верил в рассказываемое, с другой стороны, верят преданиям и слушатели. Эта вера толкала многих уральцев, например, на поиски ермаковых сокровищ, будто бы спрятанных в чусовских пещерах, в тагильских камнях-писанцах и т.д. Эта же вера заставляет еще и сейчас представлять Ермака таким, каким он обрисован в преданиях. К примеру, нам однажды пришлось встретить старика (М.В. Дыдыкин, 82 г., г. Усть-Катав, Челябин. обл.), искренне верившего в то, что Ермак был настоящим богатырем. Этот старик был балагур и сначала рассказывал всякие веселые истории, потом начал проверять сообразительность пришедших к нему студентов. И когда на его вопрос «Кто на свете всех сильнее?» ему шутя ответили: «Илья Муромец», он убежденно и очень серьезно сказал: «Нет, Муромец, это в сказке, он там деревья с корнем вырывал одной рукой. Неправда это, сказка. А сильнее всех на свете был Ермак. Двадцать один пуд на себе носил. Это кольчуга у него такая была, Иван Грозный подарил. Ермак-то покорил Сибирь, за это он ему и подарил. Он тоже разбойником был, по Иртышу плавал. А на него напал Кучум-хан. Отогнал у него челны. Ермак живой в руки не дался, бросился в Иртыш. Плыть по реке да на себе иметь 21 пуд! Нет, самый сильный на свете Ермак».

Ермаковским преданиям люди верят с начала их возникновения, поэтому они и бытуют в течение почти четырех веков, и хотя в процессе бытования в преданиях появлялись вымышленные, даже фантастические мотивы, они, эти мотивы не подрывали веры, поскольку были порождены определенными социально-общественными обстоятельствами или условиями материально-культурной жизни. Исчезали подобные факторы, исчезала вера в вымысел, и исчезали предания - сначала они еще сохранялись какое-то время в пассивной памяти, а затем и вовсе забывались: сейчас уже повсеместно на Урале исчезли сюжеты о борьбе Ермака с волшебными людьми, о помощи лебедей казакам при продвижении по Чусовой, о спруживании воды на Серебрянке и многие другие.

Итак, люди относятся к преданию как к рассказу, несущему достоверную информацию. Далее, сам процесс передачи информации не есть простое повторение, потому что требует от рассказчика определенной

⁵⁴⁵ Тайные сказы рабочих Урала. Составила Е. Блинова. М., 1941, с. 87.

ориентации в сумме сведений, требует умения владеть словом, делать обобщения и, главное, - нести ответственность за сообщаемые сведения. Последний момент крайне важен.

Легко заметить, что в процессе повествования подавляющее большинство рассказчиков не просто повествует, но пытается как-то убедить своих слушателей в истинности сообщаемых сведений. Мы приводили замечание П.И. Мельникова-Печерского относительно того, что уральцы, «приписывая» Ермаку «чудесные деяния», хотят «освятить его именем всякую старинную вещь и потому каждый из них, имеющий у себя старинную пищаль или какое-нибудь другое оружие, называет его ермаковым и готов пожертвовать всем, чем вам угодно, чтобы только уверить вас, что ружье, валяющееся у него в пыли, было прежде в руках Ермака, или, по крайней мере, у кого-нибудь из его сподвижников»⁵⁴⁶. Писатель не говорит в данном случае о преданиях, но, очевидно, что жители рассказывали ему именно предания о «ермаковом оружии» и доказывали истинность этих преданий - «уверяли». Как происходит этот процесс «уверения»?

В преданиях XVII-XVIII вв. скорее всего частыми были ссылки рассказчиков на очевидцев, участников покорения Сибири, их потомков. На последних ссылались даже в XIX веке:

- Вот как! Ты и суводь-то ту видел, где Ермак утонул?
- Да мало этого... я даже купался в той суводи.
- Купался... Да кто же знает, кто видел, в какой суводи Ермак утонул?
- Ермаковы казаки видели. Они из рода в род пересказывали об этом. В сибирских горах я видел одного старого-престарого старика, жил в пещерах для души спасения. Он от колена ермаковых казаков. Он слышал от своего отца, а тот от своего и так дальше, словно по лестнице до самых ермаковых казаков. Он и рассказывал мне об этом, он и суводь-то указал»⁵⁴⁷.

Видимо, иногда грамотные рассказчики, ссылаясь в своих повествованиях на потомков очевидцев или участников покорения Сибири, вели подсчеты. Некто Голубев передал через местную печать сведения о Кучуме и Ермаке, полученные из уст сибирского старожилы А.Д. Малькова: «По рассказам Малькова, дед его жил 97 лет, отец-95, и самому ему 65 лет. Сумма этих лет - 257, что близко к тремстам годам, когда жил Кучум... следовательно, прадед Малькова мог быть даже современником Кучума и Ермака»⁵⁴⁸.

⁵⁴⁶ П.И. Мельников-Печерский. Полное собрание сочинений, т. 12. СПб, 1898, с. 221.

⁵⁴⁷ И. Железнов. Сказания уральских казаков. Библиотека для чтения, 1861, т.163, февраль, с. 13-14.

⁵⁴⁸ Ф. Голубев. Могила Кучума (Из рассказов старожила). Сибирский вестник, 1889, № 79.

Но понятно, что далеко не все рассказчики могли ссылаться на потомков очевидцев и вести подсчеты. Поэтому чаще всего указывали на стариков, от которых услышали предание: «старики рассказывают», «старики говорят», «он говорил, а ему-то старики кондовые сказывали». То же самое делают и нынешние рассказчики: «от стариков слышал», «говорили нам старики», «сызмальства помню, от стариков слышал»... Можно сказать, что старики в своих рассказах постоянно ссылаются тоже на стариков предыдущего поколения и тем самым подчеркивают достоверность сообщаемых исторических сведений и убеждают своих слушателей. Ссылаются рассказчики на родителей, родственников «мне дед говорил», «это я слышал от деда», «когда я еще мальчишкой был, отец рассказывал». Иногда даже указывается, где почерпнуты сведения, при каких обстоятельствах: «Когда мы работали на лесах в смолокурне, то с нами дед Бучельников был, он недавно умер. Вот сидели, курили. Это годов шесть назад было. Дед Бучельников, он наказы про Ермака»; «это нам сплавщики рассказывали, когда я по Чусовой плавала - до Камы одиново плавала, а больше забоялась»; «это я слышал в Москве, народы говорили», «это я в Москве слышал, когда в солдатах служил», «слышал в Аксурке от татар»...

Постоянной и очень устойчивой является также ссылка на всеобщую молву. Логика рассказчиков понятна: если все говорят, значит, правда. Поэтому часто можно найти в преданиях такие замечания: «про Ермака говорили», «сказывали», «это правда, народ кругом так говорит», «про Ермака кругом речь».

Предание обычно рассказывает тот, кто уверен, что сможет передать когда-то слышанное без искажения, точно. В противном случае человек отговаривается: «Сходи к конюху Григорию Николаевичу, он из Кваршиной, он тебе пояснит про Ермака лучше», «старики наши много про него рассказывали, да я уж не помню - старый, болею», «я только уж мало что от стариков запомнила», «я не слышал от стариков, разговору об этом не было», или рассказов что-нибудь про Ермака, рассказчик добавляет: «Слыхивали и про Стеньку Разина, но слова-то сказать не знаем, а врать не любим».

Если рассказчик не знает или забыл какую-либо деталь из когда-то слышанного предания, то говорит об этом прямо: «кольчуга на нем была - пуля ее не прошибала, такая толстая, где он взял такую, я не слышал, не знаю,» «сама в ней (в Ермаковской пещере- В.Б.) не бывала, не знаю, чо в ней», « откуда он шел на Туру, я подумать не знаю», « артель у него, войско было, из кого оно, не могу сказать» и т.п. Такая откровенность, честность рассказчиков, конечно же, способствует тому, что сообщенные сведения воспринимаются слушателями как истинные.

Чтобы уверить слушателей, рассказчики очень часто упоминают о различных находках в местах, где, по преданиям, бывал Ермак. К примеру, на Тагиле рассказывают: « В Шмакове, у мельницы, на горе была остановка его: находили вещи разные, когда там гальку брали, и находили ермаковские кресты в году 1921-22»; на Чусовой утверждают, что Ермак жил в пещере, в которой нашли позже «стрелы», «чайник». Вещи, о которых говорят люди, к исследователям не попали и были утеряны и сейчас, конечно, трудно судить о их реальности. Но для нас важно подчеркнуть, что уральцы говорят о найденных вещах не случайно - упоминание о находках присутствуют в преданиях как доказательство. Помогают рассказчикам уверить слушателей также ссылки на веревку, по которой будто бы лазил Ермак в пещеру, или на избушку, где он «жил», или на «писанки» как на следы пребывания на Урале храброго атамана. На Чусовой можно также услышать предания о том, как Ермак по лестнице лазил в камень Дыроватый и там «с войском ел», а потом на этом месте нашли много «костей сохатых». Очевидно, следы бывшего жертвенного места вогулов дали пищу для воображения чусовлян - было создано предание, и одновременно эти следы стали фигурировать в предании как аргумент, доказывающий его «истинность». Даже ссылки на книги, карты, кинофильмы присутствуют в преданиях как своеобразные аргументы рассказчиков: «Он правда здесь был - у нас по лоцманским картам значится Ермаков Яр; это недалеко от устья Вагая»; или: «Каким был сперва Ермак, не знаю. А потом его татары придумали утопить - его ведь в кино показали». Порой рассказчики показывают в процессе повествования репродукцию с известной картины В.Сурикова «Покорение Сибири Ермаком»⁵⁴⁹. Наконец, в преданиях можно встретить ссылки на думу К.Ф. Рыдеева «Смерть Ермака», ставшую народной песней. И опять-таки песня привлекается в качестве аргумента, песня как бы подтверждает слова рассказчика, уверяет слушателей. Мы уже отмечали, что и в XVII веке к историческим песням ермаковского цикла относились как к источнику документальных сведений. В XVIII-XIX столетиях исторические песни пересказывали наряду с преданиями (к примеру, записи И. Железнова); в песенные фрагменты вставляются рассказчиками в повествование или для «уверения» слушателей, или «звучат в конце (предания - В.Б.) как бы подводя итог сказанному».

Любой рассказчик всегда стремится привести в своем повествовании все возможные способы доказательства. Обычно это сочетание личных наблюдений и указаний на слова стариков: «Про Медведку-то, что тут зимовал Ермак, я сызмала помню, от стариков слышал. А на Чусовой-то

⁵⁴⁹ Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка, с. 53.

(камень - В.Б.) уж позже сам увидал. Стоит утес такой, а в нем пещера, из пещеры веревка смоляная висит, а на камне надпись: «Близ сих мест обитал Ермак». Кто написал, когда, как туда забрался, не знаю. Но думаю, что надпись эта давно сделана. Краска сильно дождем да ветром уже стерта»⁵⁵⁰. Если же человек сам не видел найденных вещей, не бывал в местах пребывания ермаковцев и вообще не знает о каких-либо следах оставленных казаками, тогда он, рассказывая о покорителе Сибири, многократно повторяет, что все это он слышал «от стариков». К примеру, в одном рассказе можно встретить такое: «старики говорят, ... отец рассказывал,... говорят,... старики и рассказывали, ... старики так толковали и от отца слышал». Очевидно, что таким повторением рассказчик, с одной стороны, подчеркивает достоверность сообщаемых сведений, с другой - как бы снимает с себя ответственность за сказанное. Последний момент иногда выделяется и самими рассказчиками: «Сам видать не видал, от людей слышал, вам и передаю. Знаю, что Ермак воевал...» Иногда же предание начинается так: «Я ничего не помню уж, что и старики говорили», т.е. рассказчик сначала как бы отнекивается, чтобы не брать на себя лишнюю ответственность, но потом все-таки пересказывает то, что ему когда-то «говорили старики». Бывает и так, что рассказчик вовлекает слушателей в свои рассуждения, заставляя их, хорошо знакомых с данной местностью, самих находить подтверждения достоверности повествования: «Я еще мальчишкой был, бегал за кладбище играть, там были бугры такие. Говорили нам старики, что на этих буграх, или около них ли как, жили еще в давние времена татары. Тут кругом все татарские земли были заселены и названия ихние остались: Кытырла, Айба, Тугулым, Тюмень... Разве это русские названия? Нет, все татарские. Недалеко от Заводо-Успенки есть аул Чаплык, сейчас там-то колхоз, а раньше аул считался, там жили оседлые татары, их даже в армию не брали. Когда в древности русские пришли в эти места, татары их невзлюбили... До Ермака докаталось: опустошают все татары. Надо выручать...».

Подытоживая, скажем, что ермаковские предания строились таким образом, чтобы можно было не просто сообщить слушателям какую-то сумму сведений, но и доказать им достоверность этих сведений. Для «уверения» слушателей рассказчики постоянно ссылались и ссылаются на очевидцев, потомков очевидцев (при этом иногда велись своеобразные подсчеты), на всеобщую молву, на своих родителей и вообще на «стариков», на книги, кинофильмы, карты, картину В. Сурикова, думу К. Рылеева, на следы пребывания атамана на Урале, на топонимиче-

⁵⁵⁰ Уральский фольклор. Свердловск, 1949, с. 161-162.

ские данные. В этом отношении урало-сибирские ермаковские предания почти ничем не отличаются не только от русских исторических преданий других областей, но и вообще от преданий славянских народов⁵⁵¹.

Поскольку Ермак - основной герой народной истории о покорении Сибири, группирующий вокруг себя все мотивы, сюжеты, то обратимся к его фигуре и посмотрим, каким образом он характеризуется рассказчиками. Покажем это на преданиях XX в.

Мы уже отмечали, что многие рассказчики стремятся обрисовать Ермака как личность незаурядную, исключительную в своем роде, при этом подчеркивают его ум, сноровку, хитрость: «он - смелый», «умная голова», «проворный и умный», «хитрый», «по скалам, по горам он баско лазил»; отмечается также всеми рассказчиками справедливый характер его действий: «он против царизма шел», «Ермака раньше считали за разбойника, а сейчас мы говорим, что он шел за народ», «Ермак Тимофеевич шел за правду» и т.п. То есть для раскрытия качеств героя не используется какой-либо художественный прием, качество героя просто называется. Рассказчик поступает таким же образом, если нужно сказать о физических качествах героя; Ермак «был сильный человек», «широкий был - казак», «здоровый, крепкий».

Но есть и стремление ввести в повествование какие-то детали, усиливающие впечатление о необыкновенных данных героя: «на нем была шапка, тужурка, брюки - все свинцовое шибко тяжелое», или постоянно упоминают о кольчуге, которую будто бы носил Ермак. Называется она в преданиях по-разному: кольчуг, панцирь, нагрудка от копий, тягость, чугунина, лопотина тяжелая, железное одеяние, кожух, кафтан. Указывается также и вес этой необычной кольчуги: 4, 7, 9, 12, 15, 21 пуд. Многие рассказчики пытаются дать еще и описательную характеристику качеств кольчуги: «пуля ее не прошибала, такая толстая», «в своем панцире он мог не десятки, а сотни людей валить, панцирь был крепкий, его ни стрелы, ни пули не могли пробить», «на нем кольчуг был броневой в 12 пудов, пешки на нем железные, они болтались, ихние-то стрелы его и не брали», «тяжелоюся кольчуга, ровно 4 пуда тянула, в ней и ходить-то не каждый мог, не то чтобы плавать да еще в холодной воде». Очевидно, что здесь уже через деталь рассказчикам удается иногда гиперболизировать образ главного героя.

Следует сказать особо и о дружине Ермака, ибо в преданиях ей уделяется достаточно много места и через нее характеризуется и сам ата-

⁵⁵¹ См.: В.К. Соколова. О некоторых типах исторических преданий (К проблеме их жанрового своеобразия) История, культура, фольклор и этнография славянских народов, VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1968, с. 252-253.

ман. Кстати, называется его дружина также по-разному: армия, войско, артель, шайка, отряд, ополчение, команда, артелка молодцов. В незначительной части преданий дружина гиперболизируется: в ней «всего 12 человек, зато все богатыри, только котомка у каждого 4 пуда тянула, да... кольчуга, шлем...» или: «команда-то у него была небольшая - всего человек 40. Ну, крепко вооружен», или указывается, что Сибирь Ермак завоевал имея всего 50, 60, 100 «товарных». Большинство же рассказчиков отказываются от гиперболизации его дружины и говорят, что Ермак «организовал себе армию», она «у него была большая», «стоящая, все мужики подобрались порные, не то что молодняк какой». И очень часто высказываются мнения прямо противоположные: «у него была армия отовсюду призванных солдат», «регулярное войско было, только в боях побили его и пришлось Ермаку новое набирать»; «войска у него не было; како войско! Чем вооружить его? Так сбежались сколько-то человек и воевали»; армия Ермака «была из рабочих собрана - помещики-то да заводчики жали, вот и бежали к Ермаку» и т.п. Несмотря на то, что все эти рассуждения рассказчиков такие разные, в них есть одно общее - отказ от гиперболизации, стремление к правдоподобной характеристике отряда покорителя Сибири. Очевидно, отход от былинной традиции при характеристике войска произошел еще в XIX в., и мы сейчас имеем только остатки эпического изображения сподвижников Ермака в некоторых преданиях.

С целью выделить самого Ермака и определить его незаурядные качества, сделать его фигуру более заметной и колоритной употребляют рассказчики и эпитеты. Даже в преданиях о Ермаке-мальчике подчеркнута его сила: ему 12 лет, а он «могутный, рослый», в других преданиях Ермаку присущи такие эпитеты: «хитрый», «смелый», «сильный», «огромный», «здоровенный», «окованный» (т.е. одет в «железное одеяние»), «проворный и умный», «грозный», «хороший вояка» и т.п. Сила у Ермака «огромная», «чугунина», которой он закрывал вход в пещеру «большущая»; веревка, по которой он будто бы поднимался в пещеру «долгая», толщиной в запястье, руки у него «твердые, как даст одной рукой...» Кольчуга на нем «броневая», «тяжелая», «тяжеленная», «тяжелолющая», «железная», «металлическая». Легко заметить, что рассказчики довольно часто употребляют эпитеты, выраженные прилагательными с увеличительными суффиксами; совершенно не употребляется метафора. Очевидно потому, что предание всегда рассказывается как «правда» и метафоричность в таком случае просто неуместна. Только одна метафора встретилась нам: «Ермака не пускали эти вогулы. Тогда он волокушей лодки-то и повез. Ему не было возможности речным путем пробраться. Наделали они из берез волокуш, вот и проложили до-

рогу на Кусью. А с Кусьи - оглоблей вогул перекрестил - и пошел на Коноваловку...» Сравнения же более часты. Уральцы не боятся сравнивать симпатичного им героя с орлом, рекой Чусовой и т.д. К примеру: «А он, как орел был - здоровый, крепкий. Одним словом, Ермак»; «Ермак, как река Чусовая, славится», «Ермак тоже, как Пугач, такой же воин».

Совершенно очевидно, что в ермаковских преданиях можно при желании отыскать гиперболу, сравнение, яркий эпитет, даже метафору. Но все эти средства художественного изображения не являются в преданиях обязательными, поскольку в произведениях несказочной прозы доминантной является не эстетическая функция, а установка на достоверность. Они органично входят в повествование, «сцепляются» с простой констатацией или с «фактическим» описанием события, героя и в результате в некоторых случаях придают всему преданию художественный колорит. Наличие художественных средств изображения в преданиях объясняется, в частности, и тем, что они используются народом не только в его художественных произведениях, но и постоянно при повседневном словесном общении. Нужно учесть также, что когда рассказчик повествует о Ермаке, то он может реально представлять атамана богатырем, человеком, обладающим необыкновенными физическими качествами, тогда он его невольно соотносит в своем сознании с былинным героем⁵⁵² - отсюда и наделение Ермака деталями, чертами подробностями эпического характера, отсюда и появление гипербол, эпитетов.

В преданиях есть попытки проследить причинно-следственную связь действий Ермака, т.е. как-то их мотивировать, объяснить. Но каждый рассказчик делает это, исходя из своих социальных симпатий и антипатий, и часто заключает повествование собственной оценкой. Отметим также, что все действия Ермака определены его победой над Кучумом, поэтому в народных преданиях атаман не терпит никаких поражений от урало-сибирских аборигенов; он легко одерживает победы над «чудью», вогулами, легко разбивает татар. И хотя в действительности все было не так просто, народного рассказчика это не интересует. В преданиях нет индивидуальной характеристики Ермака, Его образ типологизирован. Этой спецификой образа главного героя и объясняется то обстоятельство, что в цикл «легко входили» сюжеты преданий о других справедливых разбойниках.

Характерной чертой ермаковских преданий является наличие в них цифр и дат фольклорного характера. В летописях количество ермаковцев обычно конкретное: 340, 540, 520, 570, 1056, в преданиях все по-

⁵⁵² Предания и легенды Урала. Свердловск, 1991, с. 19-20.

иному: 5000, 7000, «много», «множество», «армия была большая», или вводятся эпические числа: 12, 40, 50, 100. Если в летописях указывается разное количество атаманов Ермака, то в преданиях, зафиксированных уже Кунгурским летописцем, - только 3, у К. Данилова - 2, а в позднейших преданиях чаще всего один Иван Кольцо.

Исследователи в числе следов устных рассказов, отразившихся в письменных источниках, справедливо отмечают форму датировки событий:⁵⁵³ временными вехами были христианские праздники. Думается, такого рода «даты», заимствованные из рассказов участников, переходили в предания конца XVI в. и затем в течение длительного времени сохранялись в них, если даже у К. Данилова находим: «до троїцова дни», «до Петрова дни», «с Покрова до зимнява Николина дни», время совершения самого завоевания Сибири в преданиях XVII-XIX вв. соотносилось со временем царствования Грозного, но в XIX в. наблюдается временное приращение деятельности Ермака безотносительно к какому-либо событию прошлого: рассказчики сообщали, что Ермак воевал «давно», «в старые годы». В современных преданиях наблюдается такая картина: поход Ермака относится ко времени жизни какого-нибудь царя - Грозного, Петра I и даже Екатерины II; иногда соотносится время покорения Сибири со временем восстания Разина и популярного на Урале Пугачева, но чаще всего современные рассказчики говорят, что Ермак завоевал Сибирь «в древности», «в первые годы», «раньше», «в давние времена», и понимая слишком неопределенный характер такого соотношения, поясняют: «давно дело было, разве что упомнишь», «при мне уже ничего этого не было», «давно Ермак прошел, наши старики не знали когда, а нам и вовсе неизвестно» и даже очень решительно - «никто не знает, когда это было, сотни лет прошло». Но есть категория рассказчиков, пытающихся внести некоторую конкретность в характеристику той «давности», когда воевал Ермак: они вводят фольклорно-условный цифровой материал типа «уже 100 лет назад это было», «давно, шибко давно Ермак шел, годов ста три, а то и еще больше» или делают это описательно - «все произошло до основания малогалашинского населения», «тогда здесь никакого населения не было».

«География» событий также своеобразна. Нет ни одного предания, где была бы строго выдержана «география» похода. Есть реальные и вымышленные пункты (реки, селения), события сконцентрированы в одном пункте или «растянуты» в пространстве. Географические реальности сохранены преимущественно в произведениях, бытующих в узкой местности. Вообще пространство - очень условное. Думается, этого

⁵⁵³ Е. Дергачева-Скоп, указ. Работа, с. 95-97.

не было в рассказах-воспоминаниях. Но народная память не могла удержать названия 13 рек, десятков населенных пунктов, где побывали казаки. И скорее всего уже в первоначальных преданиях не было упоминаний о всех перипетиях сибирского похода, мелкие стычки русских с татарами отбрасывались, события, произошедшие в разных местах, стягивались к одному пункту, одной местности.

В этом нетрудно убедиться, если сравнить один момент - маршрут казаков - по преданиям XVII в., использованным Н. Венюковым и Ю. Крижаничем. У К. Данилова многочисленные столкновения ермаковцев с татарами представлены как одно сражение⁵⁵⁴, которое и происходит-то в явно нереальной местности: остановившись в «усьях тобольских на изголове», казаки решили, что Ермак пойдет устьем верхним, Самбур - средним, Анофрей - нижним, Анофрей и Самбур выплыли первыми «под саму высокую гору Тобольскую», здесь состоялась «баталия великая»; в это время Ермак со своей дружиной вышел «до устья Сибирки-реки» и «полонил» Кучума, затем отпустил ранее пойманного князька «со известием ко тем татарам котовския, чтобы оне в драке с казаками помирились: уж де царя вашего во полон взяли», татары, узнав это, вынуждены были покориться. Трех устьев у Тобола при впадении в Иртыш нет, и прав, конечно, А. Горелов, когда говорит об этих «усьях» как о художественном вымысле или самого К. Данилова или авторов преданий, использованных им: здесь «необходимое соответствие числу главных действующих лиц, атаманов»⁵⁵⁵. Примерно то же самое можно наблюдать в преданиях, попавших в поле зрения Ю. Крижанича. Еще более яркий пример - запись П.Н. Рыбникова: ехали казаки по Иртышу, собралось против них много татар, хотят они «изложить Ермака Тимофеевича, но увидели, что по Дунай-реке едет лодочка дубовенькая, а в ней сидят удалые казаки, тут на татар напал такой страх, что они и не видели, как подошел Ермак Тимофеевич. Переловил их Ермак Тимофеевич до пятисот человек, засадил в избу, поставил отражу к избе, а сам с Ванькою Каином поехал к царю Ивану Грозному»⁵⁵⁶. Здесь чисто эпическое пространство с традиционной для русского фольклора Дунай-рекой. Причем, все посредники между главными героями оказываются «убранными»: Ермак сам сталкивается с Кучумом, сам едет к Ивану Грозному.

Говоря о специфике ермаковских преданий следует упомянуть и о их локальности. Местом формирования урало-сибирского прозаического

⁵⁵⁴ Наблюдение К. Стифа. См.: А.А. Горелов. Трилогия о Ермаке из сборника К. Данилова. //Русский фольклор, VI, М.-Л., 1961, с. 367.

⁵⁵⁵ А.А. Горелов, указ. Работа, с. 367.

⁵⁵⁶ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым, т. II, М., 1910, с. 719-720.

фольклора о Ермаке в конце XVI в. было, во-первых, Приуралье: вотчины Строгановых и других прикамских солепромышленников; во-вторых, те населенные пункты, которые возникли вследствие укрепления русских на важных урало-сибирских речных артериях: Тюмень, построенная на развалинах татарского города Чинги-Туры, Тобольский острог, город Тобольск, основанный после 1588 года на месте столицы сибирских ханов, город Тара; в-третьих, «городки», стоящие на разных дорогах в Сибирь - Верхнетагильский городок по Чусовскому пути, Лозвинский городок, поставленный в 1590 году на так называемом Чердынском пути, город Пелым (1593 г.); город Верхотурье (1598 г.) - на дороге, открытой Артемием Бабиновым в 1597; город Туринск, основанный в 1600 году на Туре на месте татарского селения Епанчинские юрты. И, очевидно, что работные люди соляных варниц, а также служилые, беглые, «воры», переселенцы, ямщики и прочий люд, стекавшийся на Урал и в Сибирь со всех концов России и участвовавший в военных, колонизаторских мероприятиях, был той средой, в которой возникали ермаковские предания.

В течение XVII в. ермаковские предания бытуют в Приуралье и Зауралье (горнозаводский Урал еще не был освоен). Весь XVIII в. и первая половина XIX в. - время широкой и повсеместной распространенности по Уралу прозаического фольклора о Ермаке. И только начиная со второй половины XIX в. предания локализуются, оседают в определенных районах, преимущественно тех, где пролегал маршрут казаков. Ценные сведения о локальности оставил В.И. Немирович-Данченко. Он проехал по Приуралью и Среднему Уралу в 1875 году и заметил, что не везде говорят о Ермаке. Так, он пишет: «Вообще, начиная от Елабуги и выше, что ни место, то былина. Предание за преданием, и в них уже слышится имя Ермака»; или: «На палубе старик, мещанин из Елабуги, ... рассказывает уже десятую сказку про Ермака»; возле Усолья: «Об Ермаке опять не слышно. Вместо преданий о Ермаке пошли рассказы о медведях; на Косьве: «О Ермаке молчат»; на Чусовой: «И Ермака припутывают тоже к этим рассказам о лебедях». У Орла - городка писателю показали Строганов холм и рассказали предание объясняющее название холма; изложив это предание, В.И. Немирович-Данченко резюмирует: «Будь курган на Волге, его приписали бы Стеньке Разину, а на Каме до Перми - Ермаку Тимофеевичу. Здесь же все такие урочища связывают непременно с именем Строгановых»⁵⁵⁷.

И в настоящее время их можно услышать главным образом в местностях, где пролегал маршрут ермаковой дружины. Не случайно в обшир-

⁵⁵⁷ В.И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, кн. IX, с. 61, 127, 141, 143, 208.

нейшем фольклорном архиве известного уральского краеведа В.П. Бирюкова нет ни одного ермаковского предания. И сам В.П. Бирюков объясняет это тем, что ему не пришлось бывать в местах, связанных с Ермаком. Опыт экспедиционной работы фольклористов Уральского университета подтверждает то же самое: о Ермаке говорят в селениях, расположенных по Чусовой, Тагилу, Туре, Тавде, Вагаю. Записи ермаковских преданий, сделанные в других районах Урала в XX в., эпизодичны.

П.П. Бажов писал, что на Урале существует своеобразный «институт заводских «стариков»⁵⁵⁸, при этом он имел в виду основную массу хранителей прозаического рабочего фольклора. Очевидно, можно говорить о том, что предания, легенды, вообще вся несказочная проза - это дело стариков. Наверное, не стоит слишком расширять рамки «института стариков» за счет отнесения к нему просто пожилых людей. И хотя трудно наметить какой-то определенный возрастной рубеж между не стариками и стариками, все-таки к последним, видимо, нужно относить людей старше 65-67 лет - по народным понятиям, старик - человек, приближающийся к 70-летнему рубежу. Паспортизация ермаковских преданий говорит о том, что «институт стариков» - это главным образом «исторический институт» и к тому же, «мужской». К примеру, в сборнике «Предания реки Чусовой» всего 152 записи (в том числе: 46 ермаковских преданий, 106 – неермаковских), из них 128 сделано от мужчин и только 24 от женщин. Если взять записи ермаковских преданий, сделаны членами фольклорной экспедиции УрГУ в разных районах Урала, соотношение будет примерно таким же. Очевидно, что исторические предания и, в частности ермаковские, - жанр «мужской» и «стариковский». Попутно отметим, что, по нашим наблюдениям, демонологические предания (о леших, домовых, дедушке Буканушке, водянице, банном хозяине и т.п.) охотнее всего сейчас рассказывают пожилые женщины и старухи.

Кроме преданий, существовали еще и пространные повествования «устные летописи». О них уже было неоднократно сказано и сейчас заметим, что они бытовали не только в XVII в., но и позже. Правда, к XIX в. они скорее всего потеряли свою «внутреннюю летописную форму» - из них исчезли временные вехи. И строго говоря, это были не «устные летописи». Но и не предания. От преданий их отличало то, что они излагали не отдельные факты похода в Сибирь, а последовательно всю историю похода; кроме того, авторы прибегали к организации ритмической структуры всего повествования. Такова, например, отмеченная ранее

⁵⁵⁸ П.П. Бажов. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955, с. 106.

запись П.Н. Рыбникова, который замечал, что крестьянин пытался как бы спеть, «но часто сбивался и напрасно старался припомнить слова песни». И, конечно, права А.М. Астахова: «На самом деле это было не припоминание, а подыскивание слов и формулировок»⁵⁵⁹. На глазах собирателя шел процесс переоформления предания в ритмически организованное повествование. Возможно, в конце концов получилась бы из этого повествования и былина, как полагают А.М. Артахова и В.К. Соколова»⁵⁶⁰. Трудно сказать, но ясно одно: то, что записал П.Н. Рыбников не песня, не предание, но и не былина. Это нечто промежуточное по своему жанру. Это народная история завоевания Сибири, изложенная с помощью песенно-эпических элементов и являющаяся скорее индивидуальным сочинением фольклорного характера. К таким сочинениям прибегали лишь талантливые сказители, умелые импровизаторы, хорошо знакомые с фольклорной эстетикой и свободно ориентирующиеся в арсенале фольклорных поэтических средств.

О существовании подобных повествований есть глухое упоминание у Н.С. Попова, который писал: «Особливо ж воспето довольно великолепно посольство от Ермака Тимофеевича с сороками сороков черных соболей и, осистых бобров и бурнастых лисиц к царю Иоанну Васильевичу, но оставляя сии народные предания...»⁵⁶¹

Попытка использовать песенно-эпическую форму для рассказа о завоевании Сибири была и в XX веке – имеется в виду уральская сказительница К.С. Копысова. Она на основе народных преданий изложила историю ермаковского похода в своеобразных эпических песнях. Таких песен у нее получилось четыре: «Как Ермак плыл по Чусовой», «Ермак и Тура-река», «Ермак и хан Кучум», «Письмо Ермака»⁵⁶².

Уже названия песен показывают, что сказительница пытается охватить весь «объем похода» - у К.С. Копысовой пол училась, как отмечают комментаторы ее произведений М. Китайник и В.Курбатова, «своего рода летописная повесть»⁵⁶³.

Говоря о специфике народной прозы, видимо, нужно отметить и то, что устная информация о Ермаке, в какую бы жанровую форму ни отливалась, испытывала влияние целого ряда факторов. К ним в первую очередь должны быть отнесены письменные источники.

⁵⁵⁹ Цит. по кн.: В.К. Соколова. Русские исторические песни XVI-XVIII вв. М., 1960, с. 78.

⁵⁶⁰ В.К. Соколова, указ. соч., с. 78.

⁵⁶¹ Н.С. Попова, указ. соч., ч. III, с. 110.

⁵⁶² К.С. Копысова. Уральские песни и предания., Свердловск, 1964, с. 9-17.

⁵⁶³ Там же, с. 5.

Мы уже указывали, что многие списки сибирских летописей, если судить по пометкам в рукописях, находились в XVII-XVIII столетиях в уральских городах Верхотурье, Соликамске и т.д. Г.Ф. Миллер писал о наличии летописей в сибирских городах: их «так много, что в Сибири нет такого города, в котором бы у жителей по списку или более оных не нашлось»⁵⁶⁴. Напомним также, что А. Дмитриев нашел один из списков сказания «О Ермаке, откуда он родом» в одном из соликамских сел. Понятно, что письменные сведения о сибирском походе могли проникать в народ уже в XVII, а тем более в XVIII-XIX веках. Не ставя задачу полного освещения беллетристической литературы о Ермаке все-таки отметим, что в течение всего XIX века статьи, очерки популярного характера регулярно появлялись на страницах школьных учебников и специальных изданий, рекомендованных для юношества. Сочинения подобного типа предназначались для того, чтобы «возвысить душу молодого человека и украсить сердце его добродетелями»⁵⁶⁵. Соответственно и Ермак в них представлялся чаще не храбрым казаком, протестующим против произвола и угнетения, а изящным рыцарем, богобоязненным, кающимся, порой даже сентиментальным⁵⁶⁶.

Более правдиво покоритель Сибири изображался в статьях, очерках, печатавшихся в изданиях, предназначавшихся для «народного чтения». Но и в них был подчеркнут момент, когда Ермак решил «замолить свой грех» перед государем, пошел завоевывать Сибирь, а затем «поклонился царю новым государством». Например, стихи с подобным акцентом заучивались наизусть детьми - отметим лишь одно, наиболее распространенное (и не только в Урало-Сибирском крае) в конце XVIII - начале XIX вв., это стихотворение И.И. Дмитриева «Ермак». Е. Кузнецов пишет, что даже в 90-ые г. XIX в. еще можно было встретить «старцев», прошедших школу «старой зубристики» и помнивших «Ермака»⁵⁶⁷.

Подобного рода популярная литература печаталась в журналах, предназначенных для библиотек народных училищ, или «для чтения в войсках, семье и школе»⁵⁶⁸. Разумеется, что соответственно интерпретируя деятельность Ермака, официальные и полуофициальные идеологи стремились воспитывать народные массы в духе верноподданства. В то же время подобная беллетристика, содержащая много реально историче-

⁵⁶⁴ Г.Ф. Миллер. История Сибири, с. 160.

⁵⁶⁵ П. Бланшард. Плутарх для юношества, или жития славных мужей всех народов от древнейших времен до ныне, с гравированными их портретами, ч. VI, М., 1821. с. 1.

⁵⁶⁶ См., к примеру: Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из разных писателей как российских так и иностранных, М., 1807.

⁵⁶⁷ Е. Кузнецов. Начальная политика об Ермаке. //ТГВ, 1890, № 35.

⁵⁶⁸ См., к примеру: Ермак-покоритель Сибири. //Сельская беседа, 1880, № 7, с. 15-35; И. Троицкий. Атаман князь Ермак Тимофеевич. //Народное чтение, 1859, кн. 2, с. 73-124; К.К. Абаз (составитель) Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб, 1890.

ских сведений, проникая в народные массы, поддерживала в них память о Ермаке.

Особенно интенсивно, видимо, проникали в массы переложения преданий, легенд, введенные в краеведческие статьи, заметки, материалы, которые печатались в периферийных газетах. Такие материалы, начиная с 40-х г. XIX в. регулярно появлялись на страницах Пермских, Тобольских и пр. губернских ведомостей, в «Сибирском вестнике», «Сибирском листке», «Рудокопе», «Ирбитском листке», «Казачьем вестнике», «Екатеринбургской неделе» и т.д.⁵⁶⁹

Далее, в сибирских городах и селах полуофициально 1 ноября ежегодно отмечался День завоевания Сибири, русское население устраивало гуляния, в некоторых церквах ежедневно в течение недели «творились молитвы о поминовении Ермака и его сподвижников»⁵⁷⁰, татары же «ежегодно собирались к Искеру творить свои поминки»⁵⁷¹. В некоторых приуральских городах, например, в Соликамске, в честь того, что Ермак «внес оружие в Сибирь» и «в благодарственное воспоминание избавления от нашествий вражеских» был специально установлен крестный ход, совершавшийся даже в конце XIX в.⁵⁷². Подобные церковные мероприятия также способствовали с охранению, закреплению в памяти народных масс преданий о Ермаке.

Не угасали предания и благодаря тому, что в местных уральских и сибирских музеях, хранилищах вплоть до середины XIX в. сберегались пушки, ружья, знамена, когда-то принадлежавшие, согласно той же народной молве, покорителю Сибири. Время от времени эти легендарные реликвии демонстрировались.

Подростающее поколение, слышало не только предания стариков, не только читало о Ермаке в учебниках, но и хорошо было знакомо с изображением покорителя Сибири. Конечно, эти портреты закрепляли память о Ермаке. О том, что они есть у «каждого зажиточного крестьяни-

⁵⁶⁹ См., например: О Ермаке. //ВГВ, 1843, № 2; Вниманию любителей старины. // Казачий вестник, 1883, № 19; А.В. Арсенов. Письмо в редакцию. //Сибирский листок, 1891, № 37; А. Симонова. Последняя победа Ермака (На основании преданий) //Эхо газет, 1881, № 21. А. Крылов (Библиографическая заметка) //Сибирский вестник, 1892, № 37, Кузнецов-Красноярский. Понизовая вольница в Сибири //Енисейский листок, 1893, № 1; Заметка о портрете Ермака. //ТГВ, 1892, № 20; Ответ редакции «Календаря Тобольской губернии» //Сибирский листок, 1892, № 57; Н. Костров. Народные предания татар о Кучуме и Ермаке. //Сибирская газета, 1881, № 2; Н. Китаев. По Уралу. //Екатеринбургская газета. 1883, № 16. Можно указать также на многочисленные произведения литературного характера — см.: Е. Кузнецов. Библиография Ермака. Тобольск, 1891. Библиография дает: II стихотворений, 13 песен, 27 повестей и романов и несколько десятков рассказов, очерков о Ермаке.

⁵⁷⁰ М. Кулишов. Письмо в редакцию. //ХГВ, 1882, № 225.

⁵⁷¹ З. Прогулка по историческим окрестностям г. Тобольска. //ТГВ, 1881, № 17.

⁵⁷² А. Луканин. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882, с. 81-83.

на» Пермской губернии, писал еще в 50-е гг. XIX в. П. Мельников-Печерский, были они и у сибирских крестьян, так М. Пуцилло отмечал, что «в Сибири нередко попадаются в деревнях по избам изображения Ермака»⁵⁷³. Заметим, что так называемые портреты Ермака - это также своеобразный «фольклор». Самодеятельные художники изображали покорителя Сибири, исходя из своих представлений и вкусов покупателей. Поэтому он на широко распространенных в прошлом столетии портретах, рисунках, акварельных картинах являлся то «рыцарем, одетым в латы, то человеком восточного типа с турецкой чалмой на голове»⁵⁷⁴.

Думается, приведенных призеров вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что сохранности урало-сибирских преданий содействовала обстановка всеобщего интереса к личности Ермака⁵⁷⁵.

Молодое поколение, вероятно, значительную долю информации о сибирском походе получало из письменных источников. В то же время если сведения из письменных источников и проникали в народ, то интерпретировались им по-своему - по крайней мере, у нас нет свидетельств, чтобы народ представлял Ермака как романтически-сентиментального или богоизбранного слугу царя.

На основании проведенного изучения народной прозы о Ермаке можно сделать следующие выводы.

Различные прозаические фольклорные жанры использовались народом в течение длительного времени для хранения и передачи информации о Ермаке, его сибирском походе, победе над Кучумом. Причем бытование ермаковской прозы было очень стабильно.

История Ермаковской прозы - это история формирования, бытования различных прозаических жанров, группирующихся вокруг личности покорителя Сибири и образующих отдельный цикл. Основная особенность цикла - историзм, отражение исторической действительности. Отражаются в первую очередь социальная борьба и формы протеста закрепо-

⁵⁷³ М. Пуцилло. К вопросу кто был Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири. //Русский вестник, 1881, т.156 (ноябрь) с. 227.

⁵⁷⁴ Д.М. Трехсотлетний юбилей покорителя Сибири. //ТГВ, 1881, № 23. О портретах Ермака см. интересную лишь своим фактическим материалом статью А.М. Миронова «Покоритель Сибири Ермак Тимофеевич в сибирских летописях и в старинных памятниках искусства» //Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1920, т. XXX, вып. 4, с. 443-463. Заметка о портрете ТГВ, 1892, № 20.

⁵⁷⁵ Можно было бы еще указать на часовни, кресты, столбы с надписями, рассказывающими, что в данной местности зимовал Ермак, строил плоты и т.п. См., напр.: А.Оксенов. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа. //Сибирский сборник, 1886, ч.II, с. 59; В. Весновский. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904, с. 216.

ценного крестьянства. Решение конфликтов дается согласно сложившимся в ту или иную эпоху народным представлениям о взаимоотношениях царя и народа.

Цикл показал и участие народа в борьбе Русского государства за независимость, за сохранность и расширение территории. Причем, многовековая борьба русских с татарами, будучи темой многих фольклорных произведений, в ермаковском цикле получила дальнейшее развитие.

В некоторых первоначальных преданиях и рассказах-воспоминаниях поход Ермака рассматривался как вынужденный поход - набег; вольные люди уходили с Волги под давлением царских войск. Подобная трактовка похода была, очевидно, ближе к реальности, однако не выражала значения совершенного ермаковцами дела, поэтому даже в преданиях XVII в. Ермак, хотя и «разбойник», но раскаявшийся, сибирский поход - результат его осознанной деятельности; герой сам (или по совету Строгановых) решает завоевать татар. Грозный в представлении широких масс был идеальным царем. Эти царистские иллюзии проявились и в трактовке поведения завоевателя Сибири: вина Ермака лишь в том, что он «шарпал царскую казну», его казаки «устукали» царского посланника, он виноват только перед царем, но он и искупает свою вину взятием Сибири. Массы понимали государственную важность дела, совершенного ермаковцами, ведь сибирский поход-продолжение борьбы Грозного с татарами.

По народным представлениям, Грозный, отдавая должное Ермаку, «дарил» ему титул «сибирского князя», назначая главой завоеванного царства. Ермак превращался в «настоящего, мужицкого» царя, справедливого и заботливого. Образ сибирского царя Ермака был порождением тяжелой и бедственной эпохи «смуты», которая, кроме всего прочего, принесла утрату народной веры в преемственность царской власти и вызвала необычайный рост национального самосознания. Все народные мечтания о «правильном» царе находят воплощение в образе царя Ермака. Создается его полная поэтическая биография.

Обстановка «бунташного» XVII в. с его серией городских и крестьянских восстаний, войной под предводительством Разина способствовала закреплению в фольклоре поэтической биографии покорителя Сибири. Вместе с тем социальная дифференциация накладывает отпечаток на облик Ермака. У казаков он превращается в идеально эпического героя на Урале Ермак таким предстает в преданиях, бытовавших в среде, где создавалась Кунгурская летопись, где могли жить люди, порвавшие с разбоем, но знавшие обычаи, правила «казацкой вольницы», наконец, в районах действий «камской вольницы». Уральские работные люди, напротив, считают его выходцем из своей среды: у героя трудовая семья,

отец работал у Строгановых, сам Ермак в отрочестве и юности «ходит на судах» тех т солепромышленников, познает тяжесть подневольного труда, и протестуя, уходит «в казаки». Такая форма протеста - уход «в казаки», бегство «от работы» - была в то время типична.

На характере поступков Ермака, сущности его действий постоянно сказывалась и общая политическая обстановка, и изменяющаяся интенсивность антифеодального протеста народных масс, и социально-общественные взгляды среды и даже хозяйственно-географические условия района, где бытовали предания. Совокупность этих факторов формировала ту или иную ипостась героя. Многоликость Ермака в уральской народной прозе поразительна.

В XVIII в. горнозаводский Урал превратился во всероссийскую кузницу. Горно-рудная, чугунолитейная, медеплавильная и другие бурно развивавшиеся отрасли промышленности требовали большого количества рабочих рук. И заводо-владельцы использовали все формы поставления рабочей силы заводам и рудникам, начиная от закупки крепостных крестьян и «мастеровых людей» в центральной России до приюта «воров», беглых, старообрядцев. Переселенцы и пришлый люд привносили в ермаковские предания свои взгляды, толкования, сопоставления.

Особенно импонировал уральцам Ермак-разбойник. Об этом рассказывали повсеместно; ему приписывались разбойные дела других «вольных людей», он стал осмысляться как основоположник «камской вольницы», затем «первым казаком», вообще первым разбойником. От Ермака пошли разбойники, - утверждали уральцы в преданиях.

Бытуя в такой обстановке, ермаковские предания наполнялись злободневным содержанием: герой выступал как борец против социального зла, как справедливый разбойник-бунтарь. Он сравнивался, сопоставлялся со Степаном Разиным, а в преданиях XIX в. выступал как его старший «сотоварищ». Даже имя завоевателя Сибири было использовано уральцами для названия всех «вольных»: последние фигурируют как ермачки.

Общественное сознание простого люда вполне допускало фантастику, было склонно к вере в чародейство, магию слова, наличие в XVIII и даже XIX столетиях заговоров, «оберегов», «ворожбных писем» - факт общеизвестный. Поэтому Ермак в части преданий выступает как сверхчеловек, чародей, знающийся с «духами», с «шишигами»; в пещерах он оставляет клады и заставляет неведомую силу стеречь свои сокровища, после гибели Ермака в чусовой камень переселяется его дух, который требует почтения и т.п.

В старообрядческой среде ермаковские предания трансформируются в направлении духовной легенды. Ермак приобретает облик агиогра-

фического героя: он проводник божьего дела, не дает «неверным» насмехаться над богом; остается неуязвимым; довольно легко одерживает победу над врагом, воюет не мечом, но божьим словом, богатства свои оставляет «ревнителям древлего благочестия». Эти черты житийного персонажа до неузнаваемости преображают Ермака.

В преданиях всех слоев уральского населения (исключение составляет старообрядческие предания) подробно и обстоятельно разработана тема защиты родины, борьбы с иноземцами. Ермак представлен помощником Грозного в борьбе с татарами; участвует во взятии Казани и Астрахани, после разгрома волжских татар покоряет «некрещеное» население Прикамья и Приуралья, самоотверженно сражается с вогулами, далее - с татарами,

В преданиях рассказано о трудностях пути в Сибирь, охарактеризованы остановки, зимовки, способы не ре движения, сооружение «ладей» и т.п.

Борьба с татарами в рассказах-воспоминаниях и первоначальных преданиях очерчена более детально: есть упоминания многих пунктов, где происходили военные столкновения, говорится о «взятии ясака», о потерях, о характере татарских укреплений, засад и т.п. В уральских преданиях второй половины XVII в, уже наблюдается отсутствие многих подробностей. Многочисленные стычки ермаковцев с татарами заменяются одним крупным сражением.

В сцене гибели покоритель ведет себя образцово: он геройски сопротивляется, защищает своих казаков. Его гибель - не показатель слабости, но результат неосмотрительности русских. И если бы на нем не было царского подарка - панциря, сковавшего движения в воде, - герой мог бы спастись. Такой подтекст легко прослеживается в подавляющем большинстве народных повествований XVI-XX вв.

В более поздних преданиях уральцы связывают с Ермаком «всякую древность». Он осмысливается как первооткрыватель уральских земель: сражается с легендарной чудью, загоняет ее в землю. Герой освещен любовью уральцев, их гордостью, восхищением его мужеством. Он-в ореоле непобедимости и могущества. Его пребывание на Урале рассматривается в широком историческом плане: его борьба с уральскими аборигенами - это борьба за территорию, жизненно важную для русского народа.

В части современных преданий покоритель Сибири обрисовывается традиционно. Но есть и новая интонация в характеристике: он не только помогает бедным, но и защищает их - «бедного человека он не трогал, богатых грабил; начнет кто народ прижимать, так он его и прижмет, защищал народ», «бедных людей, рабочих не шевелил». Иногда называ-

ются карающие действия Ермака: он поднимает на веревках купцов в пещеры и «казнит их». В преданиях советского времени Ермак по-прежнему вольный казак, русский патриот. И хотя еще ощущается эпических колорит его образа, чаще все-таки образ «заземлен» - атаман предстает не сверхчеловеком, не чародеем, знающим с чертями, а просто умелым и ловким, сильным и хитрым казаком, мужественным русским воином.

Чтобы рассказать о Ермаке, выразить свое отношение, показать значение его деятельности для России, уральцы использовали массу сюжетов. Часть их оригинальна по происхождению, это, главным образом, те, что отразили реально происходящие события. Цикл не мог существовать на основе только оригинальных сюжетов, цикл жил за счет втягивания в свой сюжетный фонд сюжетов и мотивов из чужих циклов.

Так, начиная с конца XVI в. в ермаковский цикл входили сюжеты из циклов о волжской, камской вольницах, из разинского и других. Во-вторых, вошла часть сюжетов (в трансформированном виде) коми-пермяцкой или вогульской устной прозы (к примеру, герой живет в камне). В-третьих, был и переосмыслены и стали ермаковскими старые сюжеты мирового фольклора (герой загоняет аборигенов завоеванной местности в землю, гору, или: герой захватывает страну обманом при помощи коровьей шкуры). В-четвертых, были использованы некоторые типы общерусских фольклорных сюжетов (к примеру, все без исключения сюжеты преданий о ермаковых кладах).

Наконец, скажем, что ермаковский цикл в течение XVII-XIX столетий, притягивая в свой сюжетный фонд мотивы и сюжеты из других циклов, «отдавал» некоторые свои (из числа оригинальных по происхождению). Так, разинский сюжет «герой бросает девушку в воду» был на Урале ермаковским, а ермаковские предания о детстве и отрочестве героя становились разинскими на Волге. Или в пугачевский цикл вошли ермаковские предания о гибели героя в воде.

Ермаковская народная проза – это один из основных циклов уральского фольклора. Исследование цикла показало, что сложно и своеобразно осмыслились уральцами и сибирская эпопея и предшествующие ей события, участником которых был Ермак Тимофеевич.

Блажес В. В.
Народная история о Ермаке. Сборник

Подписано в печать 19.03.2002. Формат 60х84 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,6.
Тираж 150 экз. Заказ 474

Уральский государственный педагогический университет.
620219, Екатеринбург, ГСП - 135, пр. Космонавтов, 26.

Отпечатано в типографии г.Первоуральска,
г. Первоуральск, пр.Ильича, 26-а,
Издательская лицензия ИД № 00785 от 20.01.2000 г.